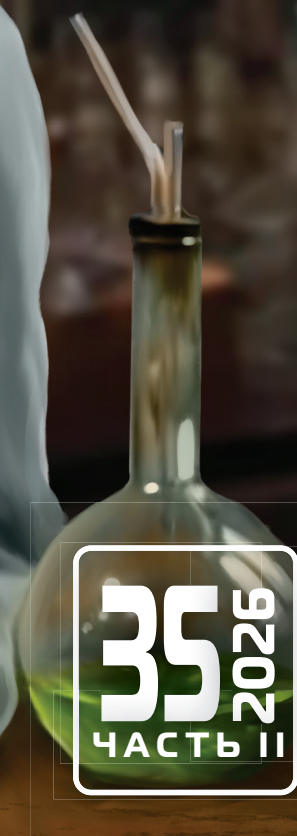

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

35 2026
ЧАСТЬ II

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 35 (638) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображена *Лиза Мейтнер* (1878–1968), австрийский физик и радиохимик.

Лиза Мейтнер родилась в Вене. Она была третьей из восьми детей в еврейской семье. Ее отцом был преуспевающий адвокат и известный шахматист Филипп Мейтнер. Родители были против ее поступления в Венский университет, однако Мейтнер настояла на своем и начала изучать физику под руководством Людвиг Больцмана и Франца Экснера. В 1905 году она первой среди женщин в университете получила степень PhD в области физики. После этого Мейтнер отправилась в Институт кайзера Вильгельма в Берлин, где изучала химию под руководством Макса Планка и работала вместе с Отто Ганом. Они проработали вместе 30 лет.

В 1917 году Мейтнер и Ган открыли первый долгоживущий изотоп протактиния. А 1923 году Лиза Мейтнер открыла безызлучательный переход, получивший название «эффект Оже» в честь французского исследователя Пьера Виктора Оже, который независимо открыл его в 1925 году.

В 1926 году Мейтнер стала профессором Берлинского университета и оказалась первой женщиной в Германии, достигшей таких высот в науке.

После открытия нейтрона в 1932 году возник вопрос о создании трансурановых элементов. Началось соревнование между Эрнестом Резерфордом из Англии, Ирен Жолио-Кюри из Франции, Энрико Ферми из Италии и Лизой Мейтнер вместе с Отто Ганом из Берлина. Все они считали, что это будет абстрактное исследование, за которым следует Нобелевская премия. И ни один из них не предполагал, что эти исследования закончатся созданием ядерного оружия.

После того, как в 1938 году Австрия была аннексирована Германией, Дирк Костер убедил Мейтнер отправиться в Швецию. Из-за еврейского происхождения у нее не было действительного паспорта, и ее чуть было не задержали на границе. Благодаря счастливой случайности Мейтнер сумела пересечь границу с Голландией.

Лиза Мейтнер продолжила работу в институте Манне Сигбана в Стокгольме, но, вероятно, из-за предвзятого отношения к женщинам-ученым у Сигбана, работала одна, не получая никакой поддержки.

В ноябре Ган и Мейтнер тайно встретились в Копенгагене для того, чтобы обсудить новую серию экспериментов, с этой целью они также обменивались письмами. В лаборатории Гана в Берлине были проведены эксперименты по доказательству расщепления ядра. Из сохранившейся переписки следует, что Ган никогда бы не поверил в расщепление ядра, если бы Мейтнер не убедила его в этом. Ей

первой удалось расщепить атомное ядро на части: ядра урана распадались на ядра бария и криптона, при этом выделялось несколько нейтронов и большое количество энергии. В декабре 1938 года Нильс Бор в своем письме отмечал, что в процессах бомбардировки атомов урана энергии выделяется гораздо больше, чем предполагается теорией нераспадающейся оболочки. Многие утверждают, что Лиза Мейтнер первой провела расчеты с учетом того, что оболочки могут распадаться.

По политическим соображениям Лизе Мейтнер запрещалось публиковаться вместе с Отто Ганом. Таким образом Ган опубликовал данные по химическому эксперименту в январе 1939 года, а Мейтнер описала физическое обоснование эксперимента месяцем позже, вместе со своим племянником, физиком Отто Робертом Фришем. Мейтнер заметила, что процесс ядерного деления может породить цепную реакцию, которая может привести к большим выбросам энергии. Это заявление вызвало сенсацию в научной среде.

Знания, при помощи которых можно было создать оружие невероятной силы, могли оказаться в немецких руках. Американские ученые Лео Силард, Эдвард Теллер и Юджин Вигнер убедили Альберта Эйнштейна написать предупреждающее письмо президенту Франклину Рузвельту, после чего был создан проект «Манхэттен». Будучи по убеждениям пацифисткой, Мейтнер отказалась работать в Лос Аламосе, заявив: «Я не буду делать бомбу!»

В 1944 году Отто Ган получил Нобелевскую премию по химии за открытие ядерного распада. По мнению многих ученых, Лиза Мейтнер заслуживала той же почести, однако Отто Ган заявил, что премия должна вручаться только за достижения по химии. Сама Мейтнер писала, что Ган, безусловно, заслуживал премии, но ее с Фришем работа была немаловажным вкладом в проявление процесса расщепления урана. Однако в 1966 году Ган, Штрассман и Мейтнер вместе получили премию Энрико Ферми. В 1946 году National Women's Press Club (США) назвал Лизу Мейтнер Женщиной года. В 1949 году она была награждена медалью имени Макса Планка.

В 1960 году Мейтнер переехала в Кембридж, где умерла 27 октября 1968 года, за неделю до своего 90-летия.

Научный фонд и Межгосударственная ассоциация последипломного образования Австрии учредили исследовательские стипендии имени Лизы Мейтнер, присуждаемые за научные исследования в области атомной физики.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Белов С. В.

Актуальные проблемы правового регулирования занятости и трудоустройства ...57

Борисенко П. В.

Обеспечение допустимости электронных доказательств в уголовном процессе59

Дмитриева В. С.

Перспективы развития семейного законодательства РФ в части фактических брачно-семейных отношений и их прекращения62

Ершов А. В.

Особенности административной юстиции как правового института.....63

Ершов А. В.

Соотношение понятий «административная юстиция» и «административное судопроизводство»69

Зайнуллина А. Р.

Компенсация морального вреда при ненадлежащем оказании медицинских услуг74

Лишина В. Е.

Изменение критериев выбора юрисдикции для международных корпоративных структур: роль бенефициарного владельца в XXI веке.....76

Малыхина Е. Р.

Двухуровневая модель правового регулирования сделок с заинтересованностью: баланс формальных требований и принципа добросовестности78

Молостов Д. В.

Процессуальная самостоятельность следователя: современные вызовы цифровизации и ведомственного контроля80

Попов К. И.

Оспаривание сделок в банкротстве физического лица82

Попов Н. Н.

Специально-криминологические меры предупреждения экологической преступности .84

Попов Н. Н.

Проблемы и направления совершенствования координации органами прокуратуры деятельности правоохранительных органов по борьбе с экологической преступностью87

Пронин И. Г.

Адвокат как субъект доказывания в уголовном процессе89

Резинков Д. А.

Стадия возбуждения уголовного дела: современные теоретические дискуссии и проблемы правоприменения 101

Салманова А. Б.

Вопросы обеспечения конституционного права на квалифицированную юридическую помощь 103

Скабелкина К. В.

Правовые аспекты регистрации изображения гражданина в качестве товарного знака 105

Скабелкина К. В.

Соотношение имени гражданина как нематериального блага и коммерческого актива 109

Смирнов В. Ю.

Проблемы реализации целей наказания при назначении наказания в виде лишения свободы за совершение преступлений экономической направленности..... 113

Соболева И. С.

Проблематика реализации принципа уважения чести и достоинства личности в современном уголовном процессе в Российской Федерации..... 114

Соболева И. С.

Динамика реализации принципа равенства всех перед законом и судом в уголовном судопроизводстве в Российской Федерации .. 116

Соколова А. А.

Договор счета эскроу как способ обеспечения исполнения обязательств 118

Тюменцева Н. В.

Существенные условия договора участия в долевом строительстве: правовая характеристика и актуальные изменения..... 120

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Актуальные проблемы правового регулирования занятости и трудоустройства

Белов Станислав Викторович, студент
Московский университет «Синергия»

В статье автор исследует проблемы регулирования занятости и трудоустройства в РФ на современном этапе развития.

Ключевые слова: занятость, трудоустройство, правовое регулирование занятости и трудоустройства, проблемы правового регулирования рабочего времени.

Рынок труда в России сегодня находится в состоянии глубокой трансформации. Цифровизация экономики и рост нестандартных видов занятости, изменение структуры спроса на кадры, усиление межрегиональной мобильности рабочей силы — все это формирует новые реалии, к которым действующее правовое регулирование не всегда успевает адаптироваться. В результате возникают правовые лазейки, дисбаланс интересов работника и работодателя, а также ощутимые сложности в защите трудовых прав.

Перед тем как будут рассмотрены проблемы правового регулирования занятости и трудоустройства, необходимо отметить факт того, что занятость и трудоустройство — взаимосвязанные, но не тождественные категории.

Понятие «занятости» закреплено в Федеральном законе от 12.12.2023 N 565-ФЗ (ред. от 28.11.2025) «О занятости населения в Российской Федерации», согласно которому «занятость — трудовая деятельность и иная не противоречащая законодательству Российской Федерации деятельность граждан, осуществляемая ими в целях производства товаров, выполнения работ или оказания услуг и направленная на получение дохода [1]».

«Трудоустройство» рассматривается как процесс содействия гражданам в поиске подходящей работы, а также процедура оформления их на работу, хотя «в нормативных правовых актах и юридической литературе отсутствует легальное определение данного термина, несмотря на то, что в науке он часто используется [5, с. 243]».

Получается, что занятость — это фактическое состояние участия человека в экономической деятельности, приносящей доход, а трудоустройство — это процесс (и его результат) оформления человека на работу, чаще всего через заключение трудового договора.

«Правовое регулирование занятости и трудоустройства является одной из важнейших сфер государственного

управления, направленной на обеспечение стабильности рынка труда, защиту прав работников и работодателей, а также создание условий для экономического развития [2, с. 332]».

Вопрос занятости и трудоустройства неизменно остается одним из ключевых в социальноправовой сфере: он напрямую связан с воплощением конституционного права на труд, способствует поддержанию финансовой независимости населения и служит важным фактором стабильности государственной социальной политики.

Можно выделить следующие проблемы занятости и трудоустройства:

- отсутствие полноценной правовой регламентации новых форм занятости;
- заинтересованность бизнеса в гибких формах привлечения персонала (современные гибкие формы рабочего времени);
- формальная реализация государственных мер содействия занятости;
- наличие проблемных моментов при трудоустройстве таких категорий граждан как людей с инвалидностью, молодежи без опыта, лица, освободившиеся из мест лишения свободы, а также люди предпенсионного возраста.

В таблице 1 представлены примеры из судебной практики.

«Одной из основных проблем, возникающих в результате изменения социальной структуры и экономических условий, является несоответствие действующего законодательства современным требованиям рынка труда [4, с. 166]».

Отсутствие полноценной правовой регламентации новых форм занятости — платформенной занятости (курьеры, водители такси, исполнители на цифровых площадках) и гигэкономики. Законодательство не содержит

Таблица 1. Судебная практика

Проблема	Пример из практики
Отсутствие полноценной правовой регламентации новых форм занятости	В апелляционном определении Мосгорсуда от 22.11.2019 по делу № 33–53437/2019 [6] рассматривался спор о статусе водителя такси, сотрудничавшего с онлайнплатформой. Суд отказал в признании отношений трудовыми, опираясь на формальные признаки: платформа выступала в договоре как посредник, водитель имел право отказаться от заказа, автомобиль он арендовал у третьего лица. При этом суд не стал углубляться в степень контроля платформы над процессом работы, хотя именно этот фактор часто свидетельствует о фактическом подчинении.
Заинтересованность бизнеса в гибких формах привлечения персонала (современные гибкие формы рабочего времени).	«Арбитражный суд Центрального округа в постановлении от 24.01.2025 № Ф105867/2024 [6]» по делу № А541195/2023 поддержал переквалификацию договоров гражданскоправового характера в трудовые. Инспекция установила, что компания формально работала с самозанятыми через ИП, но фактически между сторонами сложились трудовые отношения: работа была систематической, выполнялась под контролем работодателя, в рамках основной деятельности компании, а оплата носила регулярный характер.
Формальная реализация государственных мер содействия занятости	В «определении Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 30.09.2019 № 33КГ196 [6]» рассматривался спор об отказе в трудоустройстве инвалида на квотируемое место. Работодатель сослался на отсутствие специального рабочего места, адаптированного под индивидуальную программу реабилитации соискателя. Суд указал на необходимость учитывать индивидуальные потребности человека, а не ограничиваться формальным выполнением квоты.
Наличие проблемных моментов при трудоустройстве определенных категорий граждан	«Решение Железнодорожного районного суда г. Барнаула (Алтайский край) № 2–1613/2020 2–1613/2020–М-883/2020 М-883/2020 от 6 июля 2020 г. по делу № 2–1613/2020 [7]». В деле № 2–1613/2020 Железнодорожный районный суд Барнаула рассмотрел спор о дискриминации при приёме на работу. Соискатель предпенсионного возраста, направленный центром занятости на должность машиниста котельной, получил отказ из-за возраста. В суде работодатель не смог обосновать это ограничение — не представил ни нормативных актов, ни иных доказательств связи возраста с требованиями к должности. Суд счёл отказ необоснованным и встал на сторону истца.

четких критериев, позволяющих однозначно отделить трудовые отношения от гражданскоправовых, что ставит исполнителей в уязвимое положение: они фактически выполняют трудовую функцию, но юридически лишены гарантий Трудового кодекса — оплачиваемого отпуска, больничных, защиты от произвольного прекращения сотрудничества.

С одной стороны, работодатели заинтересованы в гибких формах привлечения персонала — срочных договорах, аутстаффинге, дистанционной работе. С другой — работники нуждаются в стабильности и социальных гарантиях. На практике гибкость нередко превращается в инструмент снижения издержек за счёт прав работника. Например, срочные договоры многократно перезаключаются на одну и ту же функцию, а дистанционная работа не сопровождается чёткими правилами учёта рабочего времени и оплаты сверхурочной работы.

Государственные меры содействия занятости — услуги центров занятости, программы переобучения, субсидии работодателям — нередко реализуются формально. Программы профессионального обучения не всегда учитывают реальный спрос работодателей, изза

чего выпускники не могут найти работу по полученной специальности. Кроме того, критерии признания гражданина безработным и назначения пособий зачастую ориентированы на «бумажные» показатели (регистрация по месту жительства, комплект документов), а не на фактическую ситуацию на рынке труда.

Несмотря на наличие специальных норм, отдельные категории граждан — люди с инвалидностью, молодежь без опыта, лица, освободившиеся из мест лишения свободы, предпенсионеры — попрежнему сталкиваются с барьерами при трудоустройстве. Квотирование рабочих мест для инвалидов зачастую носит формальный характер: работодатели создают «квотные» должности, которые не соответствуют реальным потребностям бизнеса и квалификации соискателей. Для молодёжи проблема заключается в отсутствии механизмов стажировок с гарантированным трудоустройством, а для предпенсионеров — в возрастной дискриминации, которую сложно доказать в суде.

«Людям с инвалидностью приходится мириться с неблагоприятными проявлениями факторов, влияющих на их интеграцию в социум, в частности, с социальной изоляцией и дискриминацией [4, с. 44]».

Все обозначенные проблемы образуют единый комплекс, где каждая усиливает другие. Правовая неопределённость новых форм занятости снижает доверие к рынку труда и затрудняет планирование долгосрочных мер поддержки. Дисбаланс гибкости и гарантий подрывает социальную стабильность. Неэффективность мер содействия занятости и слабая координация приводят к нерациональному расходованию ресурсов. Недостаточная защита уязвимых категорий усугубляет социальное неравенство.

Таким образом, правовое регулирование занятости и трудоустройства нуждается в модернизации, учитывающей современные экономические реалии и обеспечивающей баланс интересов всех участников рынка труда. Только комплексный подход, сочетающий совершенствование законодательства, улучшение координации и повышение адресности мер поддержки, позволит создать эффективную и справедливую систему, способную отвечать на вызовы времени и гарантировать защиту трудовых прав граждан.

Литература:

1. Федеральный закон от 12.12.2023 N 565-ФЗ (ред. от 28.11.2025) «О занятости населения в Российской Федерации» / СПС «Консультант Плюс» — [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464093/ (Дата обращения 05.08.2026);
2. Валуйских А. Д. Актуальные проблемы правового регулирования занятости и трудоустройства в Российской Федерации / А. Д. Валуйских. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 24 (575). — с. 332–334. — С. 332. — URL: <https://moluch.ru/archive/575/126555> (Дата обращения 05.08.2026);
3. Казакова М. З., Циканова Л. М. Актуальные проблемы трудоустройства инвалидов / Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. — 2025. — № 1. — с. 42–50. — С. 44. — [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-trudoustroystva-invalidov-1> (Дата обращения 05.08.2026);
4. Казова З. М. Актуальные проблемы правового регулирования занятости и трудоустройства / Наука сегодня: актуальные вопросы теории и практики: сборник статей V Международной научно-практической конференции. — Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». — 2025. — с. 165–167. — С. 166. — [Электронный ресурс] URL: <https://naukaip.ru> (Дата обращения 05.08.2026);
5. Шувалова И. А. Правовая природа трудоустройства на современном этапе / Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2024. — № 1 (156). — с. 242–248. — С. 243. — [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-trudoustroystva-na-sovremennom-etape?ysclid=mtajio233196707042> (Дата обращения 05.08.2026);
6. Справочная правовая система: [сайт]. — «Гарант» — [Электронный ресурс] <https://www.garant.ru/> (Дата обращения 05.08.2026);
7. Судебные и нормативные акты РФ «СудАкт»: [сайт]. — [Электронный ресурс] <https://sudact.ru/> (Дата обращения 05.08.2026).

Обеспечение допустимости электронных доказательств в уголовном процессе

Борисенко Полина Викторовна, студент магистратуры

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

В статье обоснована необходимость определения в уголовно-процессуальной науке понятия «электронное доказательство». Представлены результаты анализа научной литературы, на основе которого выявлены виды критериев допустимости электронных доказательств в уголовном судопроизводстве. На основе анализа судебной продемонстрированы процессуальные последствия нарушений при сборании и фиксации цифровых доказательств, ведущие к их признанию недопустимыми. Предложено авторское определение электронного доказательства в уголовном судопроизводстве, систематизированы критерии его допустимости в целях оптимизации уголовно-процессуальной практики. Определена необходимость законодательного закрепления обязательного участия специалиста при производстве следственного действия по осмотру электронных носителей информации как фундаментальной гарантии сохранности и достоверности доказательств.

Ключевые слова: электронные доказательства, допустимость доказательств, уголовный процесс, осмотр электронных носителей, участие специалиста, цифровизация, критерии допустимости уголовно-процессуального доказательства.

Ensuring the admissibility of electronic evidence in criminal proceedings

Borisenko Polina Viktorovna, master's student

North-West Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (St. Petersburg)

The article substantiates the need to define the concept of «electronic evidence» in criminal procedure science. The results of an analysis of scientific literature are presented, based on which the types of criteria for the admissibility of electronic evidence in criminal proceedings have been identified. Based on an analysis of judicial practice, the procedural consequences of violations in the collection and recording of digital evidence, leading to their recognition as inadmissible, are demonstrated. The author's definition of electronic evidence in criminal proceedings is proposed, and the criteria for its admissibility are systematized to optimize criminal procedure practice. The necessity of legislative consolidation of the mandatory participation of a specialist in the investigative action of inspecting electronic information carriers as a fundamental guarantee of the preservation and reliability of evidence is determined.

Keywords: electronic evidence, admissibility of evidence, criminal procedure, inspection of electronic media, participation of a specialist, digitalization, criteria for admissibility of criminal procedural evidence.

В условиях современных вызовов, в том числе, таких как цифровизация особенно важна универсальность институтов уголовно-процессуального права, поскольку его адаптивность позволяет оперативно раскрывать преступления, обеспечивать полное, объективное и всестороннее расследование и рассмотрение уголовных дел, тем самым гарантируется безопасность граждан, общества и государства.

Кроме того, внедрение в последние годы поправок в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, а также научные публикации по данной теме актуализировали дискуссию о необходимости реформирования доказательственного права. Это обусловлено появлением и активным использованием в судебной практике новых видов доказательств, существующих в электронном (цифровом) формате. Несмотря на значительное количество теоретических определений электронных доказательств, предложенных специалистами в области уголовного процесса, вопрос о конкретных критериях их допустимости в уголовном судопроизводстве остаётся открытым.

В настоящее время, несмотря на то, что возросло количество преступлений, совершенных с использованием современных информационных технологий, понятие электронного доказательства на законодательном уровне не определено. Среди специалистов в области процессуального права сохраняется дискуссионность вопроса о понятии электронных доказательств.

По мнению Н. А. Зигуры, компьютерная информация в любой форме должна выделяться в качестве отдельного вида доказательств и процессуально закрепляться в таком же порядке, какой предусмотрен законодателем для закрепления вещественных доказательств — посредством вынесения постановления о признании в качестве доказательства и приобщении к уголовному делу [1, с.212].

Противоположного мнения придерживается Р. И. Око-ненко в диссертационном исследовании об электронных доказательствах и приходит к выводу о том, что в настоящее время преждевременно говорить о понятии «электронного доказательства» как о состоявшейся категории позитивного права, а появление в УПК РФ термина «электронный носитель информации» следует рассма-

тривать как промежуточный шаг на пути к возможному появлению в российском процессуальном праве термина «электронные доказательства» [2, с. 30]. По его же мнению, электронные доказательства не являются отдельным видом доказательств.

К данному мнению стоит отнестись критически, поскольку ст. 74 УПК РФ, содержит исчерпывающий перечень доказательств. В то же время, ст. 81 УПК РФ, определяет виды вещественных доказательств, в том числе как «иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела».

Однако, стоит отметить, что компьютерная информация имеет свои особенности, которые необходимо учитывать и процессуально закреплять, в связи с этим необходимо согласиться с точкой зрения Зигуры Н. А. и закрепить в УПК РФ понятие электронного доказательства следующим образом: «Электронное доказательство — информация, имеющая значение для уголовного дела, которая создана, обработана, передана, получена или хранится в электронной (цифровой) форме с использованием средств вычислительной техники, информационно-телекоммуникационных сетей или иных технических устройств».

Для придания электронным сведениям доказательственного значения в уголовном процессе необходимо соблюдение установленных требований и выполнение обязательных процессуальных действий. В частности, требуется установление подлинности и неизменности цифрового доказательства, а также исключение фактов его полной фальсификации или искажения.

Институт доказывания в уголовном судопроизводстве структурно состоит из трёх элементов: собирания, проверки и оценки доказательств. Собирание доказательств, в том числе имеющих электронную природу, осуществляется преимущественно в рамках следственных действий. В этой связи современный следователь должен обладать не только общей профессиональной подготовкой, но и специальными компетенциями в области цифровых технологий, без которых невозможно эффективное расследование значительной части современных преступлений.

В частности, следователю необходимы знания о формах существования электронной информации, её источниках и допустимых условиях хранения.

Согласно ст. 88 УПК РФ, каждое доказательство в уголовном судопроизводстве подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а в своей совокупности достаточности для разрешения уголовного дела. На необходимость конкретизации свойства допустимости электронных доказательств в уголовном судопроизводстве указывает О. В. Рябова, отмечая «уникальность сферы появления и пребывания электронного доказательства, особый формат хранения рассматриваемого доказательства, предполагающий разнообразие объектов материального мира, использующихся для изъятия и последующего хранения электронного доказательства, обеспечение надежной сохранности в сравнении с бумажным носителем информации» [3, с. 374].

Ст. 75 УПК РФ, содержит в себе требования к допустимым доказательствам, однако, для электронных доказательств в силу их особенностей, необходимо определять дополнительные критерии допустимости.

Количенко А. А. в своем исследовании определил критерий допустимости электронного доказательства следующим образом: «это правовое требование, определяющее соответствие полученного в ходе расследования уголовного дела электронного доказательства требованиям о надлежащем субъекте доказывания, источнике получения доказательственной информации, способе и процессуальной форме собирания доказательства, предусмотренных УПК РФ, соблюдении процедуры проверки доказательств, а также установление аутентичности, идентификации, верифицируемости и воспроизводимости электронной информации» [4, с. 80]. Платонов В. В., выделяет еще такой критерий допустимости электронных доказательств — защищенность от внешнего воздействия [5, с. 124].

Результаты изучения уголовно-процессуальной практики показывают, что в настоящее время, практически во всех делах имеются такие доказательства как скриншоты, а также технические устройства, которые осмотрены в ходе следственного действия. Поскольку подобные доказательства получены в установленном УПК РФ порядке, то есть в ходе следственного действия и надлежащим должностным лицом, оформлены соответствующим протоколом, то по формальным основаниям они признаются допустимыми. Однако, в данном случае следует строго соблюдать принцип непосредственности исследования доказательств и исследовать первоисточник информации, для исключения возможности фальсификации или искажения электронных доказательств.

Таким образом, постановлением Красногвардейского районного суда Санкт-Петербурга от 04.09.2025 года уголовное дело в отношении Б., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 291.1 УК РФ (2 эпизода), ч. 1 ст. 291.1 УК РФ (7 эпизодов), было возвращено прокурору для устранения препятствий его рас-

смотрения судом на основании п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, в виду того, что, осмотренный в ходе судебного заседания оптический диск, который признан вещественным доказательством, не содержит информации, отраженной следователем в протоколе осмотра предметов (документов), а именно указанного оптического диска. Указанное нарушение повлекло за собой признание доказательства, а именно протокола осмотра предметов (документов) недопустимым, и указанный протокол исключен из числа доказательств по делу на основании ч. 1 ст. 75 УПК РФ [6].

Подобного рода нарушения создают неопределенность в обвинении, грубо нарушая гарантированное Конституцией РФ право обвиняемого на судебную защиту и знать, в чем он обвиняется. (ч. 1 ст. 47 Конституции РФ).

Среди многих юристов распространено мнение о том, что простота эксплуатации современных цифровых устройств позволяют производить их осмотр без обязательного участия специалиста. Тем не менее, самостоятельные действия следователя могут привести к неполноте протокола следственного действия, искажению технических характеристик или некорректному использованию терминологии. Впоследствии, это вызывает необходимость исследования осмотра цифровых устройств в судебном заседании спустя длительное время, что в некоторых случаях приводит к утрате информации, содержащейся на электронных носителях. Кроме того, правоприменительная практика свидетельствует о рисках непрофессионального вмешательства в работу сложных систем (например, «1С»), что нередко приводит к фактической блокировке хозяйственной деятельности предприятия.

По мнению автора, привлечение специалиста выступает фундаментальной гарантией соблюдения законности в действиях правоохранительных органов в процессе осмотра данных на электронных носителях. Пробелы в уголовно-процессуальном законодательстве в части регламентации работы с цифровыми доказательствами выступает серьезным барьером для эффективного предварительного расследования.

Как отмечает, Андреева Ю. И., отсутствие в УПК РФ подробной регламентации применения электронных (цифровых) доказательств тормозит эффективный ход расследования преступлений, вносит противоречия в судебную практику, а также нарушает права и законные интересы участников уголовного судопроизводства [7, с. 148].

В связи с изложенным, следует внести изменения и добавить пункт 7 в статью 177 УПК РФ и изложить его в следующей редакции: «Осмотр электронных носителей информации производится только с участием специалиста с разъяснением ему прав и ответственности, предусмотренных ст. 58 настоящего Кодекса».

В настоящее время российское законодательство переживает период активной трансформации, направленной на создание комплексного механизма работы с цифровыми данными в судопроизводстве, что в полной мере соответствует общемировым тенденциям. Несмотря на масштабность внедряемых изменений, сохраняется острая

потребность в глубокой проработке теоретических и практических пробелов в уголовно-процессуальном законодательстве. Первоочередной задачей остается ис-

ключение законодательных пробелов и противоречий, препятствующих эффективному расследованию и рассмотрению уголовных дел.

Литература:

1. Зигура Н. А. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: Дисс.. канд. юрид. наук. Челябинск, 2010.
2. Оконенко Р. И. «Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации: дис.... канд. юрид. наук. М., 2016.
3. Рябова О. В. Значение института «электронных доказательств» в отечественном уголовном судопроизводстве // Мировые исследования в области социально-гуманитарных наук: материалы III Международной научно-практической конференции. Рязань, 2023. С. 374–377.
4. Количенко А. А. Допустимость электронных доказательств в современном уголовном процессе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2022. — № 3 (95). — С. 80–85.
5. Платонов В. В. Обеспечение допустимости электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // «Актуальные проблемы российского права», 2025, N 8
6. Архив Красногвардейского районного суда Санкт-Петербурга // Уголовное дело № 1–483/2025
7. Андреева Ю. И. Электронные доказательства в уголовном процессе — М., 2025.

Перспективы развития семейного законодательства РФ в части фактических брачно-семейных отношений и их прекращения

Дмитриева Варвара Сергеевна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В рамках настоящего исследования раскрываются понятия фактических брачно-семейных отношений и их прекращения, анализируется современное состояние российского семейного законодательства в данной сфере, выявляются основные пробелы правового регулирования и правоприменительные сложности, возникающие при разделе имущества, взыскании алиментов и защите прав детей. В работе приводится анализ научной литературы, отражаются перспективные направления развития отечественного законодательства, а также предлагаются конкретные варианты решения сложившихся проблем.

Ключевые слова: фактические брачно-семейные отношения, семейное законодательство, прекращение фактических брачных отношений, раздел имущества, алиментные обязательства, защита прав детей, правовой статус фактических супругов.

Действующее семейное законодательство Российской Федерации признает только зарегистрированный брак, согласно п. 2 ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ) [1]. Однако социальная реальность демонстрирует рост числа фактических сожительства, так называемых «фактических браков», которые не уступают зарегистрированным ни по длительности, ни по наличию совместных детей, ни по ведению общего хозяйства. Отсутствие легального статуса таких отношений ставит их участников в критическое положение при прекращении отношений в части раздела имущества, алиментирования и наследственных прав. Как справедливо отмечает О. Ю. Ильина, «существующий пробел в праве порождает массу неразрешимых споров, переходящих из семейной плоскости в гражданско-правовую, что не отвечает принципу социальной справедливости» [2].

В настоящее время споры о разделе имущества лиц, не состоящих в браке, разрешаются по нормам Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [3] об общей долевой собственности согласно гл. 16 ГК РФ, а не Семейного кодекса о совместной собственности супругов. Это требует от бывшего сожителя доказывания факта внесения личных средств на приобретение имущества и размера доли, что крайне сложно процессуально.

В таких случаях видится необходимой легализация института «фактических брачных отношений» с возможностью заключения соглашения о режиме имущества. В случае отсутствия такого соглашения, при наличии определенных критериев, например, длительность совместного проживания, ведение общего хозяйства, наличие иждивенцев, целесообразно распространять на имущество, нажитое в этот период, презумпцию их со-

вместной собственности. Это предложение находит поддержку в работах Н. С. Будановой, которая указывает, что «игнорирование экономической общности фактических супругов противоречит существу семейных отношений» [4].

Действующий закон не предусматривает права на алименты для бывшего фактического супруга. Это создает ситуацию, при которой один из партнеров, добросовестно исполнявший «семейные» функции, остается без средств к существованию после распада семьи. Представляется обоснованным введение в СК РФ нормы, предоставляющей нетрудоспособному нуждающемуся бывшему фактическому супругу при длительном сожительстве или супругу, осуществляющему уход за общим ребенком до 3 лет или ребенком-инвалидом, право требовать алименты в судебном порядке. Данная мера защитит интересы социально слабой стороны и корреспондирует принципу взаимной материальной поддержки членов семьи, о чем пишет в своих исследованиях Ю. С. Чулова [5].

Хотя права детей, рожденных в фактическом браке, защищены возможностью установления отцовства, процедура остается обременительной. В случае смерти фактического отца, не успевшего признать ребенка, установление факта признания отцовства в особом производстве — сложный и не всегда успешный процесс, лишаящий ребенка права на наследство и пенсию по потере кормильца.

Для решения данной проблемы целесообразно внедрение упрощенных процедур установления отцовства,

например, презумпция отцовства в случае рождения ребенка в период фактических брачных отношений, длящихся не менее одного года до момента рождения ребенка, если иное не доказано в суде. Это предложение активно дискутируется в литературе и направлено на приоритетную защиту интересов ребенка [6].

Резюмируя вышесказанное, необходимо уточнить, что легализация фактических брачных отношений не является «разрушением» традиционных устоев семьи, а представляет собой вынужденную и своевременную реакцию права на изменившиеся общественные отношения, с целью минимизации негативных последствий прекращения таких отношений для граждан и их детей, в связи с чем видится целесообразным:

- Внести в СК РФ понятие «фактические брачные отношения», определив их квалифицирующие признаки, такие как совместное проживание, ведение общего хозяйства в течение установленного срока, например, не менее 3–5 лет, или наличие общих детей;
- Дополнить гл. 8 СК РФ положениями о праве фактических супругов заключать соглашение о регулировании имущественных отношений;
- Включить фактических супругов в круг лиц, имеющих право на алименты при наличии общих детей и нетрудоспособности;
- Внести изменения в Основы законодательства РФ о нотариате, упростив порядок оформления наследственных прав пережившего фактического супруга при наличии длительного совместного проживания.

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
2. Ильина, О. Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации / О. Ю. Ильина. — Москва: Городец, 2007. — 192 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
4. Буданова Н. С. Проблемы имущественных правоотношений супругов (раздел имущества супругов) // Наука. Общество. Государство. 2018. № 4 (24). С. 120–125.
5. Чулова Ю. С. Имущественные правоотношения мужчины и женщины, находящихся в фактических брачных отношениях // Инновационная наука. 2015. № 5–3. С. 133–136.
6. Беспалов Ю. Ф. Семейные отношения и семейные споры в практике судов РФ. Научно-практическое пособие. — М.: Проспект, 2020. 224 с.

Особенности административной юстиции как правового института

Ершов Александр Валерьевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Дудченко Оксана Сергеевна, доктор юридических наук, профессор
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена исследованию сущностных особенностей административной юстиции как самостоятельного правового института. На основе анализа нормативного материала и доктринальных подходов автором выделены и систематизированы ключевые характеристики, определяющие институциональную самобытность административной

юстиции: нормативное обособление через кодификацию (КАС РФ), особый субъектный состав с имманентной асимметрией сторон, активная роль суда как компенсаторный механизм, перераспределение бремени доказывания, специфика предмета судебного разбирательства, расширенные пределы судебного контроля, усечённое действие диспозитивных начал, ускоренные процедуры и особенности судебных решений. Обосновывается, что все перечисленные особенности производны от единого основания — публично-правовой природы административного спора.

Ключевые слова: административная юстиция, административное судопроизводство, КАС РФ, публично-правовой спор, субъектный состав, активная роль суда, бремя доказывания, судебный контроль.

Административная юстиция как правовой институт занимает особое место в системе судебной защиты прав граждан и организаций. Её предназначение заключается в обеспечении законности в сфере публичного управления и восстановлении нарушенных прав частных лиц в спорах с властными субъектами. Однако, несмотря на принятие в 2015 г. Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [1] (далее — КАС РФ), в юридической доктрине сохраняется терминологическая недифференцированность. Само понятие «административная юстиция» не имеет легального закрепления, а доктринальные подходы к его содержанию варьируются от широкой трактовки (система судебных и квазисудебных органов) до узкой (особый процессуальный порядок разрешения публично-правовых споров). Проблема усугубляется двухконтурной моделью судебного контроля публичной администрации, при которой административные споры разрешаются параллельно судами общей юрисдикции по нормам КАС РФ и арбитражными судами по нормам Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [2] (далее — АПК РФ). Подобная двойственность порождает конкуренцию процессуальных форм, создаёт риск неравенства процессуальных гарантий и препятствует формированию единообразной судебной практики. Цель настоящей статьи — выявить и систематизировать существенные характеристики административной юстиции, позволяющие рассматривать её в качестве самостоятельного правового института, и на этой основе определить вектор её дальнейшего развития.

Применительно к административной юстиции следует констатировать, что на законодательном уровне данный термин в Российской Федерации не закреплён и функционирует исключительно в доктринальном обороте. Причины подобного пробела в терминологической системе российского законодательства носят комплексный характер. С точки зрения исторического обоснования, исследователями отмечается что после 1917 года институт административной юстиции как самостоятельная сфера в советской правовой системе фактически прекратил существование. Государственная политика была ориентирована на централизацию и всеобъемлющий контроль, исключавший обособленный судебный надзор за действиями администрации. В 1990-е годы фокус законотворческой работы сместился на иные правовые механизмы. Вследствие чего целостная правовая конструкция данного института так и не оформилась [3].

Во многом легализацию единого определения административной юстиции объективно затрудняет отсутствие согласованных подходов к содержанию самого понятия. Одни исследователи трактуют административную юстицию расширительно, как совокупность судебных и квазисудебных органов, осуществляющих контроль за законностью в сфере государственного управления. Другие придерживаются узкого понимания, сводя её к особому процессуальному порядку разрешения споров между гражданином и органом власти. Дополнительную сложность создаёт смысловая конкуренция понятий «административная юстиция» и «административное судопроизводство». Ряд специалистов предлагает полностью отказаться от первого термина, полагая, что существо явления в полной мере охватывается вторым.

Следствием терминологической неопределённости выступают незатухающие доктринальные дискуссии о составе административной юстиции как правового института, его отграничении от смежных видов судопроизводства и оптимальной модели организации (специализированные административные суды либо рассмотрение споров в рамках судов общей юрисдикции). Также отсутствие легальной дефиниции порождает сложности в правоприменении. Так, например, затрудняется единообразная квалификация споров, размываются границы между административной юстицией и смежными институтами. Можно говорить и о том, что терминологическая недифференцированность замедляет развитие самого правового института, препятствуя выработке единых стандартов и проведению системных реформ.

Однако отсутствие законодательного определения административной юстиции не означает отсутствия самого правового института. Принятие КАС РФ создало полноценный процессуальный каркас для оспаривания действий и решений публичной власти. Граждане активно используют данный механизм для защиты своих прав. Таким образом, проблема лежит скорее в плоскости теоретической неопределённости, нежели в отсутствии реальной судебной защиты.

По своей правовой природе административная юстиция сочетает элементы правосудия и контроля за исполнительной властью, что позволяет рассматривать её в двух смысловых плоскостях. В широком значении административная юстиция представляет собой систему специальных судебных и квазисудебных органов. Эта система обеспечивает контроль за соблюдением законности в сфере государственного управления [4]. Также админи-

стративная юстиция в ее широком значении поддерживает порядок реализации государственного управления, с учетом его отличий по материально-правовой природе от частноправовых отношений. Таким контролем охватываются все формы деятельности государства, направленные на урегулирование социальных процессов в целях достижения справедливого управления.

В узком же значении под административной юстицией понимается особый процессуальный порядок рассмотрения административных дел и разрешения административно-правовых споров, участниками которых выступают, с одной стороны, гражданин или юридическое лицо, а с другой — орган публичной власти. Именно узкое понимание административной юстиции как процессуального механизма судебной защиты от неправомерных действий администрации и получило нормативное воплощение в КАС РФ [5].

Административная юстиция представляет собой самостоятельный правовой институт, обеспечивающий судебный контроль за законностью актов и действий органов публичной власти, а также разрешение споров, возникающих из административных и иных публичных правоотношений. Её сущностная характеристика состоит в том, что она выступает процессуальным механизмом защиты прав граждан и организаций от неправомерных действий (бездействия) властных субъектов, реализуя тем самым конституционное право на судебную защиту согласно ст. 46 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ) [6].

Нормативную основу административной юстиции в Российской Федерации образуют положения Конституции РФ, федеральных конституционных законов от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [7] и от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» [8], а также нормы иных федеральных законов. Ключевым этапом в становлении данного института явилось принятие в 2015 г. КАС РФ, регламентировавшего порядок осуществления правосудия по административным делам. Значение КАС РФ выходит далеко за рамки простой кодификации разрозненных процессуальных норм. Его принятие позволило в полной мере реализовать конституционное положение ч. 2 ст. 118 Конституции РФ, согласно которому судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства. До 2015 г. административное судопроизводство, будучи поименованным в Конституции РФ в качестве самостоятельной процессуальной формы, фактически не имело собственного кодифицированного акта и осуществлялось в рамках гражданского и арбитражного процессов, по правилам Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [9] (далее — ГПК РФ) и АПК РФ соответственно. Сложившаяся ситуация порождала терминологическую недифференцированность и не позволяла в полной мере учесть специфику публично-правовых отношений, в ко-

торых одной из сторон неизменно выступает субъект, наделённый властными полномочиями. Принятие КАС РФ ознаменовало завершение институционального обособления административной юстиции от гражданского и арбитражного процессов.

Таким образом, нормативное обособление административной юстиции через принятие КАС РФ выступает объективным показателем институциональной зрелости данной отрасли процессуального права. Сам факт кодификации свидетельствует о том, что административное судопроизводство перестало рассматриваться законодателем как частный случай гражданского процесса и приобрело статус самостоятельной, полноценной процессуальной формы, обеспеченной собственным понятийным аппаратом, принципами и процессуальным инструментарием. Однако до настоящего момента арбитражные суды, руководствуясь нормами АПК РФ, рассматривают административные споры, в случае если они касаются сферы предпринимательской и иной экономической деятельности. В результате ряд исследователей указывает на сложившуюся ситуацию «двойного контура» административной юстиции, когда судопроизводство ведется по нормам как КАС РФ, так и АПК РФ. В результате актуальны предложения о продолжении процесса унификации процессуального регулирования административной юстиции.

Отличительной чертой административной юстиции является её специфический субъектный состав, который обусловлен самой природой рассматриваемых публично-правовых споров. Это обстоятельство принципиально выделяет данный вид судопроизводства среди иных процессуальных форм. В административноправовом конфликте стороны изначально находятся в неравном положении в материальном правоотношении. В доктрине права указывают на характерную асимметрию субъектного состава. Обязательным участником такого спора выступает носитель публичной власти, тогда как противоположная сторона (гражданин либо организация) не располагает сопоставимыми властными полномочиями и ресурсами. В результате складывается ситуация, когда одна из сторон судебного процесса фактически противостоит более сильному контрагенту.

Именно это неравенство, присущее публично-правовым отношениям, предопределяет необходимость специальных процессуальных механизмов, компенсирующих фактическую асимметрию и выравнивающих процессуальные возможности сторон в ходе судебного разбирательства.

Административно-процессуальные правоотношения неоднородны по своему характеру, и властвующий субъект может участвовать в них в различных качествах. С одной стороны, в процессе всегда присутствует властвующий субъект, наделённый полномочиями по разрешению административного дела, собственно суд. С другой стороны, властвующий субъект привлекается к участию в деле в качестве административного ответчика. Таким

образом, в административно-процессуальных правоотношениях одновременно сосуществуют властвующие субъекты, разрешающие дело, и властвующие субъекты, чьи акты оспариваются, либо властвующие субъекты, привлекаемые к административной ответственности как должностные лица или на общих основаниях. Подобная конфигурация, когда сталкиваются два публичных субъекта при судебном посредничестве, практически не встречается в частноправовых спорах и составляет ещё одну отличительную черту административной юстиции.

Что касается граждан и организаций как участников административного судопроизводства, их процессуальное положение также обладает спецификой. Физические лица, не ограниченные в административно-процессуальной дееспособности, обладают общей административно-процессуальной правосубъектностью, выступают полноценными субъектами рассматриваемых правоотношений. Применительно к организациям следует разграничивать данное понятие с категорией юридического лица. Действующее законодательство не всегда проводит между ними чёткую грань. Так, для целей налогового законодательства (ч. 2 ст. 11 Налогового кодекса Российской Федерации [10]) понятие организации раскрывается через понятие юридического лица, а Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [11] в качестве субъекта административной ответственности признаёт лишь организации, обладающие статусом юридического лица. Вместе с тем административно-процессуальное законодательство, в частности ч. 1 ст. 5 КАС РФ, оперирует более широким термином «организация».

Конституционный Суд Российской Федерации, давая расширительное толкование положений Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [12], сформулировал правовую позицию, согласно которой правом на обращение обладают не только граждане, но и их объединения, включая юридические лица, а также иностранные граждане и лица без гражданства. Из этого следует, что организации, не имеющие статуса юридического лица, также могут выступать участниками административно-процессуальных правоотношений вне зависимости от порядка разрешения конкретного спора [13].

К числу специфических признаков административной юстиции относится активная роль суда (ст. 14, ч. 2 ст. 62 и ч. 1 ст. 63 КАС РФ), которая выступает важнейшим процессуальным инструментом. Целью является обеспечение выравнивания процессуальных возможностей участников публично-правового спора. Суд не сводит свою функцию к нейтральному арбитражу. Законодатель наделил его полномочиями самостоятельно инициировать необходимые процессуальные действия для всестороннего, полного и объективного рассмотрения дела (ст. 14, ч. 2 ст. 62 и ч. 1 ст. 63 КАС РФ). Нормы КАС РФ легитимируют отступление от классической состязательной модели, характерной для гражданского процесса, где движущей силой разбирательства выступают сами стороны,

а суд связан их инициативой. В административном судопроизводстве состязательность не отменяется, но особым образом модифицируется. Она дополняется активными полномочиями суда, призванными компенсировать изначальное неравенство участников спора в материальном правоотношении.

В КАС РФ законодатель закрепил процессуальные инструменты, конкретизировав проявления активной роли и инициативы суда, как право суда: истребование доказательств, необходимые для полного установления обстоятельств дела, по собственной инициативе, (ч. 1 ст. 63 КАС РФ); назначении экспертизы (ст. 77 КАС РФ); принятие решения о допросе свидетелей может быть принято судом по собственной инициативе; замену без согласия административного истца ненадлежащего административного ответчика; привлечение без ходатайств сторон заинтересованных лиц и замену законного представителя; инициирование применения и отмены мер предварительной защиты и др. Целевое назначение данных полномочий — обеспечить реальную, а не декларативную судебную защиту прав гражданина или организации в споре с публичной властью.

Принципиально важно, что активность суда не равнозначна подмене сторон и не означает возложения на суд их процессуальных обязанностей. Суд сохраняет независимость, объективность и беспристрастность. Активная роль суда не устраняет состязательность, а модифицирует её, адаптируя к специфике публично-правовых споров. На практике реализация данного принципа сопряжена с рядом вопросов, требующих доктринального осмысления, как, например, где проходят границы судебной активности, каким образом обеспечить сохранение беспристрастности при инициативном истребовании доказательств, как не допустить использования активных полномочий для неоправданного затягивания процесса. Однако в целом закрепление активной роли суда в КАС РФ отражает осознанную законодательную установку на то, что в публично-правовых спорах эффективное правосудие требует от суда большей процессуальной вовлечённости, нежели в частноправовых конфликтах [14].

Особый порядок распределения бремени доказывания выступает одним из наиболее отчётливых проявлений компенсаторной логики административного судопроизводства, при которой суд не просто констатирует нарушение, а ищет способ сгладить, компенсировать негативные последствия для человека, чьи права затронуло решение или действие органа власти. Указанная логика прямо подтверждается нормативным содержанием ч. 2 ст. 62 КАС РФ. Согласно данной норме, доказывание законности оспариваемых нормативных и ненормативных актов, решений и действий (бездействия) возлагается на орган либо должностное лицо, которые их приняли или совершили. Административный истец не обязан доказывать незаконность оспариваемого волеизъявления. От него требуется подтвердить прежде всего факт нарушения его прав, свобод или законных интересов. Тем самым основное бремя до-

казывания переносится на публичный субъект, что соответствует природе публичноправового спора и служит процессуальной гарантией частной стороне. Сходный механизм установлен и в арбитражном процессе. Согласно ч. 5 ст. 200 АПК РФ орган, издавший акт, должен обосновать причины его принятия, законность и соблюдение процедуры, тогда как заявитель, исходя из ч. 1 ст. 65 АПК РФ, доказывает нарушение своих прав и законных интересов. В этой части подходы КАС РФ и АПК РФ совпадают, подтверждая наличие общей принципиальной позиции законодателя: в публичноправовых спорах основная доказательственная нагрузка лежит на носителе властных полномочий. Данная модель отлична от общего искового производства, где каждая сторона доказывает обстоятельства, на которые она ссылается. При этом также бремя доказывания в общем исковом производстве распределяется между сторонами более симметрично. Таким образом, перераспределение бремени доказывания в административном судопроизводстве сущностная характеристика института, административной юстиции, вытекающая из самой природы публично-правового спора [15].

Предмет судебного разбирательства в административной юстиции обладает качественным своеобразием, позволяющим провести чёткую грань между данным видом судопроизводства и гражданским процессом. Если в гражданском процессе суд разрешает спор о субъективных гражданских правах, сталкивающий равных участников частноправового оборота, то в административном судопроизводстве предметом выступает проверка законности публичного акта, решения, действия или бездействия органа власти либо должностного лица. Иными словами, суд здесь не разрешает конфликт «равный против равного», а осуществляет судебный контроль за реализацией публично-властных полномочий. Данное различие предмета предопределяет и различие процессуальной функции суда. В административном судопроизводстве суд реализует нормоконтрольную функцию, оценивая оспариваемый акт на предмет его соответствия нормативному правовому акту большей юридической силы, проверяя соблюдение процедуры его принятия, устанавливая наличие или отсутствие у органа власти соответствующих полномочий. Суд, таким образом, не просто разрешает индивидуальный спор, но и обеспечивает законность в сфере публичного управления в целом. В рассматриваемом контексте административная юстиция решает взаимосвязанные задачи. В первую очередь, она обеспечивает судебную защиту нарушенных либо оспариваемых прав, свобод и законных интересов конкретного гражданина или организации. Во-вторых, она служит инструментом восстановления законности в деятельности публичной администрации, что придаёт результату разбирательства публичноправовой характер и выходит за пределы индивидуального значения. Сочетание частного правозащитного начала и публичного контроля законности и составляет важнейшую особенность предмета административного судопроизводства.

Специфика административного судопроизводства наглядно проявляется в двух элементах: пределах судебного контроля и мерах предварительной защиты. Эти институты отражают более высокую степень участия суда в разрешении публичноправового спора по сравнению с арбитражным процессом. Во-первых, различается объём судебной проверки оспариваемого акта. В арбитражном процессе, исходя из ст. 200 АПК РФ, суд устанавливает соответствие акта закону (иному нормативно-правовому акту), наличие полномочий у органа и факт нарушения прав заявителя. Это в целом ориентировано на формально-юридическую оценку. В административном судопроизводстве пределы контроля шире. По ст. 226 КАС РФ суд проверяет не только законность, но и обоснованность решения, исследуя фактические основания, доказательства и мотивировку публичного субъекта. Тем самым контроль по КАС РФ охватывает как юридическую, так и фактическую сторону административного акта, что усиливает защиту заявителя.

Во-вторых, административный процесс содержит более детально регламентированный механизм мер предварительной защиты (ст. 85–88 КАС РФ), который позволяет приостановить действие оспариваемого акта или принять иные меры для предотвращения неблагоприятных последствий до разрешения дела по существу. В отличие от обеспечительных мер в арбитражном процессе (ст. 90 АПК РФ), законодатель закрепил в КАС РФ развернутый перечень мер, основания и процедуру их применения, а также порядок отмены или замены. Дополнительно допускается принятие таких мер по инициативе суда, что соответствует его активной роли и не характерно для арбитражного процесса [16].

Заключительный комплекс особенностей административной юстиции как правового института включает три взаимосвязанных элемента, наглядно отражающих её публичноправовую природу, а именно: ограничение диспозитивности, ускоренные процедуры и специфику судебных актов и их исполнения. В административном судопроизводстве диспозитивные начала действуют в более узких пределах, чем в гражданском процессе. В силу ст.ст. 46, 137 и 157 КАС РФ суд вправе не принять отказ от административного иска, не признать иск и не утвердить соглашение о примирении, если такие распорядительные действия противоречат закону либо затрагивают права и законные интересы других лиц. Это обусловлено тем, что административный спор затрагивает не только интерес заявителя, но и состояние публичного правопорядка. Как следствие свободное «распоряжение процессом» не должно приводить к фактической легитимации незаконного административного акта.

Необходимость оперативной защиты заявителя в конфликтах с публичной властью обусловила закрепление ускоренных форм рассмотрения. Ключевым механизмом выступает упрощённое (письменное) производство (гл. 33 КАС РФ), которое позволяет разрешать отдельные дела без устного разбирательства на основе письменных мате-

риалов. Этой же цели служат сокращённые сроки по ряду категорий дел и инструменты немедленного реагирования, включая меры предварительной защиты (гл. 7 КАС РФ), позволяющие приостанавливать действие оспариваемого акта и предотвращать неблагоприятные последствия до принятия решения.

Судебные решения по административным делам характеризуются повышенной степенью конкретизации последствий. По ст. ст. 227–228 КАС РФ суд не только констатирует незаконность акта, но и указывает, какие нарушения подлежат устранению и какие юридические последствия это влечёт (например, отмена запрета, аннулирование начислений). Хотя аналогичная модель предусмотрена и ст. 201 АПК РФ, регулирование КАС РФ обеспечивает более детальную «исполнительную» конструкцию решения. Особый эффект имеют решения об оспаривании нормативных правовых актов. Согласно ст. 216 КАС РФ они распространяются на неопределённый круг лиц, что принципиально отличает их от обычных судебных актов, действующих преимущественно для участников конкретного дела.

Дополнительно КАС РФ предусматривает специальные средства понуждения к исполнению решений, обязывающих публичный орган совершить определённые действия, включая судебный штраф в отношении руководителя. Эти меры направлены на преодоление типичной проблемы административной юстиции — фактических затруднений при исполнении судебных актов публичными субъектами.

Проведённый анализ позволяет сделать ряд выводов. Хотя административная юстиция в Российской Феде-

рации не имеет легального определения, она фактически сложилась как самостоятельный правовой институт. Это подтверждается наличием КАС РФ, сформированного понятийного аппарата и специальных процессуальных механизмов. Институциональная специфика административной юстиции обусловлена публичноправовой природой административного спора и выражается в комплексе взаимосвязанных признаков: асимметрии субъектного состава, активной роли суда, смещении бремени доказывания в сторону публичного органа, осуществлении нормоконтроля, расширенных пределах судебной проверки, ограничении диспозитивности, использовании ускоренных процедур и особой конструкции судебных решений. В совокупности эти элементы формируют систему процессуальных гарантий, компенсирующую исходное неравенство сторон в публичных правоотношениях.

Принятие КАС РФ завершило институциональное отделение административного судопроизводства от гражданского процесса. Однако до настоящего времени модель судопроизводства остаётся двухконтурной. Часть публичноправовых споров продолжает рассматриваться арбитражными судами по правилам АПК РФ. Такая конструкция носит переходный характер и актуализирует вопрос о дальнейшей унификации процессуального регулирования. Представляется, что вектор развития административной юстиции должен быть направлен на преодоление двухконтурности и обеспечение единства процессуальных гарантий для всех категорий заявителей вне зависимости от того, в каком суде рассматривается публично-правовой спор.

Литература:

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 г. N 21-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 2015. N 10. ст. 1391.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. N 95-ФЗ (ред. от 15.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. N 30 ст. 3012.
3. Ефремова, Е. А. Становление административной юстиции в России: этапы и особенности /Е. А. Ефремова. — Текст: непосредственный // StudArctic forum. — 2025. — Т. 10, № 4. — С. 86–94.
4. Сиволапов, М. П. Правовой анализ признаков административной юстиции в Российской Федерации. /М. П. Сиволапов. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 53 (395). — С. 122–124
5. Панова, И. В. Административная юстиция /И. В. Панова. — Текст: непосредственный // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2020. — № 2. — С. 211–229.
6. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. 1993. № 237.
7. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 г. N 1-ФКЗ (ред. от 09.04.2026) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. N 1 ст. 1.
8. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 г. № 1-ФКЗ (ред. от 09.04.2026) «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. N 7 ст. 898
9. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. N 138-ФЗ (ред. от 04.07.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. N 46 ст. 4532.
10. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. N 146-ФЗ (ред. от 26.06.2026) Часть первая. // Собрание законодательства РФ. 1998. N 31. ст. 3824.

11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. N 195-ФЗ (ред. от 04.07.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. N 1 (часть I). ст. 1.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2012 № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного Собрания
13. Табельский, С. В. О некоторых проблемах субъектного состава административно-процессуальных правоотношений / С. В. Табельский. — Текст: непосредственный // Вестник ВГУ. Серия: Право. — 2023. — № 1 (52). — С.152–161.
14. Гуреева, О. А. Содержание принципа «активная роль суда» в административном судопроизводстве: понятие и проблемы законодательного регулирования /О. А. Гуреева, А.О Ботенко. — Текст: непосредственный // КриминалистЪ. — 2025. — № 1 (50). — С. 137–142.
15. Пурик, А. А. Сравнительный анализ процедуры оспаривания ненормативных правовых актов в арбитражном и административном судопроизводствах.... /А. А. Пурик //Право, экономика и управление: теория и практика: материалы III Всерос. науч.-практ. П68 конф.с междунар. участ. (Чебоксары, 17 дек. 2025 г.) / гл. ред. Э. В. Фомин; Чувашский государственный институт культуры и искусств Минкультуры Чувашии. — Чебоксары: Среда, 2025. — 312 с. — Текст: непосредственный.
16. Ярков, В. В. Административное судопроизводство: учебник. / В. В. Ярков. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2021. — 662 с. — Текст: непосредственный.

Соотношение понятий «административная юстиция» и «административное судопроизводство»

Ершов Александр Валерьевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Дудченко Оксана Сергеевна, доктор юридических наук, профессор

Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуется проблема соотношения понятий «административная юстиция» и «административное судопроизводство», определяется место квазисудебных органов в системе разрешения публично-правовых споров. Рассматриваются доктринальные подходы к пониманию административной юстиции — узкий, связывающий её исключительно с судебной деятельностью, и широкий, включающий судебные, внесудебные и квазисудебные механизмы защиты прав. Обосновывается вывод о том, что административная юстиция представляет собой комплексное правовое явление, направленное на обеспечение законности в сфере публичного управления и восстановление нарушенных прав граждан и организаций. Рассматриваются аргументы в пользу включения квазисудебных органов в её содержание: функциональное сходство с судами, взаимосвязь досудебных и судебных процедур, а также доступность и оперативность внесудебного разрешения административных споров.

Ключевые слова: административная юстиция, административное судопроизводство, судопроизводство, квазисудебные органы, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации, публично-правовой спор, судебный контроль, административное обжалование.

В отечественной науке административного права длительное время продолжается дискуссия о соотношении понятий «административная юстиция» и «административное судопроизводство». В научной литературе эти категории трактуются то как тождественные, то как взаимозаменяемые, то как частично пересекающиеся либо конкурирующие. Наличие устойчивой дискуссионной ситуации свидетельствует об отсутствии единого подхода к определению содержания каждого из рассматриваемых понятий.

Отечественное законодательство не содержит легального определения административной юстиции. Однако Конституция Российской Федерации (далее — Консти-

туция РФ) в части 2 статьи 118 использует термин «административное судопроизводство», относя его к самостоятельным формам судопроизводства наряду с конституционным, гражданским, арбитражным и уголовным [1]. В результате термин «административная юстиция» сохраняет исключительно доктринальный характер и употребляется неоднозначно. Его содержание трактуется в зависимости от того, насколько широко понимаются предмет, субъекты и формы соответствующей деятельности. Расхождение между конституционной терминологией и научным дискурсом ставит вопрос об уточнении соотношения данных понятий, в том числе выяснение вопроса, совпадают ли они по своему содержанию

и объёму либо административная юстиция представляет собой более широкое правовое явление, включающее административное судопроизводство в качестве одного из элементов.

В административно-правовой науке отсутствует единый подход к определению сущности административной юстиции и положения в системе отечественного права. Значительная группа учёных толкует содержание понятия «административная юстиция» в расширительном значении, как комплексный механизм разрешения публично-правовых конфликтов, который включает не только судебные, но и квазисудебные, а в отдельных случаях — внесудебные юрисдикционные процедуры [2]. Например, Н. Г. Салищева в ряде своих научных трудов [3–5] обосновывала необходимость комплексного подхода к пониманию административной юстиции. В трактовке Н. Г. Салищевой административная юстиция не сводится к рассмотрению дела судом. Она представляет собой более широкое правовое образование, включающее организационные и процессуальные механизмы обеспечения законности в сфере публичного управления.

И. В. Панова выделяет два подхода к определению административной юстиции — широкий и узкий [6]. В рамках широкого подхода к административной юстиции автор относит разрешение административных споров в специально установленном административном порядке как судебными органами, так и внесудебными (включая квазисудебные) административно-юрисдикционными органами. Панова И. В. подчёркивает, что административная юстиция и административное судопроизводство не тождественные категории, несмотря на непосредственную связь данных понятий, они не совпадают по своему содержанию и объёму [7,8]. Д. Н. Бахрах [9] также предлагает различать узкое и широкое понимание административной юстиции. В широком смысле он рассматривает её как судебную деятельность, возникающую по обращениям граждан и направленную на проверку законности решений, действий либо бездействия органов управления и их должностных лиц. К административной юстиции в ее широком значении, по мнению учёного, относятся также и отдельные гражданские дела, в которых заявлены требования к органам исполнительной власти. Ю. Н. Старилов [10] относил административную юстицию к институтам административного права. При этом, ученый характеризовал её как самостоятельное правовое образование. Он полагал, что данный институт реализуется в рамках как административнопроцессуальных, так и гражданскопроцессуальных правоотношений. В трактовке Ю. Н. Старилова административная юстиция выступает как особое направление судебной деятельности, ориентированное на разрешение конфликтов в сфере публичного управления. В свою очередь, И. Г. Пирожкова [11] указывает, что административная юстиция охватывает разрешение административных споров в специальном порядке и может осуществляться не только судами, но и внесудебными, в том числе квазисудебными административноюрисдикционными органами.

С точки зрения широкого подхода административная юстиция понимается не просто как вид судопроизводства, а как системный комплекс органов, процедур и норм, которые призваны обеспечивать не только судебный контроль за законностью действий публичной администрации, но и защиту права частных лиц. Эта деятельность может осуществляться как судебными органами, так и самостоятельно уполномоченными административно-юрисдикционными (квазисудебными) органами.

В узком понимании административная юстиция сводится к процедурному порядку разрешения публично-правовых споров между частными лицами и носителями публичной власти, то есть к административному судопроизводству. К таким делам относятся, в частности, споры об оспаривании решений, действий либо бездействия государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц. К сфере административной юстиции могут относиться и конфликты между самими публичными субъектами, если они связаны с осуществлением властных полномочий и защитой публичных интересов [12].

В исследовании 2023 года И. В. Панова [13] отмечает, что судьи и мировые судьи, рассматривая дела, урегулированные нормами административного права, могут выступать не только как субъекты судебной защиты, но и как органы, применяющие административную ответственность и иные меры административного принуждения. Автор подчёркивает, что административное судопроизводство не является элементом административного процесса.

Административное судопроизводство представляет собой установленный законом порядок осуществления судебной деятельности по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений. Выделение административного судопроизводства в качестве самостоятельной формы осуществления судебной власти обусловило его специальное нормативное регулирование. Основным актом в этой сфере является Кодекс административного судопроизводства РФ [14] (далее — КАС РФ). Вместе с тем особенности рассмотрения публично-правовых споров в сфере экономической деятельности регулируются Арбитражным процессуальным кодексом РФ [15] (далее — АПК РФ).

Рассмотрение административного судопроизводства требует учёта особенностей российской судебной системы. В государствах континентальной правовой традиции разграничение частного и публичного права нередко отражается в структуре судебных органов. В Российской Федерации такого организационного разделения в полной мере не сформировано: суды общей юрисдикции и арбитражные суды рассматривают как частноправовые, так и публично-правовые споры.

Часть 2 статьи 118 Конституции РФ закрепляет административное судопроизводство как самостоятельную форму осуществления судебной власти наряду с конституционным, гражданским, арбитражным и уголовным судопроизводством. Однако это конституционное раз-

граничение не означает создания отдельной системы административных судов. В Российской Федерации административные дела рассматриваются судами разных юрисдикций в зависимости от предмета спора, состава участников и характера спорного правоотношения: Верховным Судом РФ в пределах компетенции, установленной законодательством о Верховном Суде РФ [16,17] и КАС РФ; судами общей юрисдикции по правилам КАС РФ; арбитражными судами по нормам АПК РФ при разрешении экономических споров, возникающих из административных и иных публичных правоотношений. При этом административное судопроизводство представляет собой не отдельную систему судов, а особую процессуальную форму осуществления судебной власти. Посредством неё собственно и реализуется административная юстиция, выражающаяся в разрешении публичноправового конфликта, проверке законности актов и действий публичной администрации и защите прав и законных интересов участников соответствующих отношений [18]. Следовательно, административное судопроизводство — это законодательно установленный порядок рассмотрения публичноправовых споров судами общей юрисдикции и арбитражными судами, не предполагающий в настоящий момент существования в РФ самостоятельной системы административных судов.

В широком доктринальном понимании административная юстиция включает не только судебное, но и внесудебное разрешение публично-правовых споров, которое осуществляется («как бы» судебными) квазисудебными органами. Данные органы призваны контролировать законность в сфере государственного управления, в том числе в процессе рассмотрения административных споров по процедуре, сходной с судебной. Квазисудебные органы обладают административно-юрисдикционными полномочиями, но не входят в судебную систему и не осуществляют правосудие. Данные органы могут действовать внутри органов исполнительной власти как его структурные элементы, либо создаваться как самостоятельные органы, связанные с отдельными публичными функциями. К ним относятся административные комиссии, антимонопольные органы, органы ведомственного обжалования, иные учреждения, уполномоченные разрешать отдельные категории публично-правовых споров. Полномочия квазисудебных органов устанавливаются законом или иным нормативным актом. Совокупность нормативных положений определяет правовой статус конкретного квазисудебного органа, его компетенцию, порядок создания и формирования, принципы деятельности, а также процедуру рассмотрения и разрешения споров. В пределах предоставленной компетенции квазисудебные органы рассматривают административные споры, возникающие в сфере публичного управления, и принимают решения, имеющие юридическое значение. Их юрисдикционная деятельность не относится к осуществлению судебной власти. Именно поэтому такие полномочия принято обозначать как «квазисудебные» («как

бы» судебные), то есть внешне сходные с судебными, но не являющиеся правосудием. Правосудие может осуществляться исключительно судом [19].

Содержание дискуссии о включении квазисудебных органов в систему административной юстиции не имеет универсального ответа и зависит от исходной методологической позиции исследователя. В доктрине формулируется ряд аргументов в пользу включения квазисудебных органов в понятие административной юстиции. Во-первых, отмечается функциональное единство судов и квазисудебных органов, поскольку ими решаются такие сходные задачи, как рассмотрение публично-правовых споров, проверка законности решений администрации и восстановление нарушенных прав. Во-вторых, примеры из историко-правовой традиции как ряда зарубежных государств (Франция, Германия), так и отечественные исторические модели административной юстиции, содержат примеры административных трибуналов и иных квазисудебных органов, сочетавших управленческие и юрисдикционные полномочия, которые постепенно эволюционировали в полноценные административные суды [20]. В-третьих, отмечается единство досудебной и судебной защиты, поскольку по отдельным категориям споров установленное обязательное досудебное обжалование фактически связывает квазисудебные органы с судебной системой защиты прав. Внесудебная и судебная стадии в таких случаях выступают последовательными элементами единого механизма [21]. В-четвертых, квазисудебные процедуры нередко более доступны, позволяют разрешить спор оперативнее и с меньшими затратами, чем судебное разбирательство. Исключение процедур, реализуемых в квазисудебных органах, из системных элементов понятия административной юстиции по мнению ряда административистов не отражает фактически действующую систему защиты прав. Таким образом, включение квазисудебных органов в понятие административной юстиции обосновывается единством их правозащитной функции с судами, взаимосвязью досудебных и судебных процедур, а также большей доступностью и оперативностью внесудебного разрешения публично-правовых споров [22].

Сторонники узкого толкования понятия административной юстиции приводят в научных работах аргументы, которые характеризуют как доктринальные, так и практические риски расширительной трактовки.

Во-первых, ключевой признак дефиниции юстиции как правосудия в том, что оно осуществляется независимым и беспристрастным судом. В то же время, квазисудебные органы структурно встроены в систему исполнительной власти, и поэтом не обладают полной институциональной независимостью от неё. Если квазисудебный орган не будет соответствовать обязательным для его функционала критериям, то нельзя говорить о включении его в широкую трактовку административной юстиции. К таким критериям, которые должны выступать едиными стандартами для всех квазисудебных органов, относятся обеспечение: организационной и функ-

циональной независимости от стороны спора; гарантий состязательности и равенства доступа к материалам рассмотрения; мотивированного решения и возможности его эффективного обжалования в суд; разумных сроков и публичности (в пределах нормативно допустимого). Без данных критериев квазисудебная процедура превращается в административное рассмотрение жалобы без достаточных гарантий. Такая ситуация не может быть отнесена к понятию «юстиция». Включение таких органов в понятие административной юстиции создаёт риск смешения принципиально двух разных по своей природе механизмов: судебного контроля (внешнего по отношению к администрации) и административного обжалования (внутриведомственного контроля).

Во-вторых, также указывается, что расширительная трактовка административной юстиции, охватывающая и квазисудебные процедуры, потенциально снижает уровень процессуальных гарантий и стандарты судебной защиты. Если разрешение спора административной комиссией и разрешение спора судом — явления одного порядка, то стирается качественная грань между ними, что не соответствует конституционному праву на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ) [19].

В-третьих, квазисудебные органы действуют на основе разнородных процедурных регламентов, закрепленных в как в законодательных актах, так и в актах подзаконных (например, Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [23], Постановление Правительства РФ от 30.04.2018 г. N 533 «Об утверждении Правил рассмотрения (урегулирования) споров и разногласий, связанных с установлением и (или) применением цен (тарифов)...» [24]; Приказ Минэкономразвития России от 04.05.2012 г. № 263 «Об утверждении Порядка создания и работы комиссии по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости и признании утратившим силу Приказа Минэкономразвития России от 22.02.2011 г.» [25] и др.). Единый нормативный акт, который регулирует деятельность всех квазисудебных органов по разрешению административных споров отсутствует. Также остается неясной нормативная основа для концептуального объединения деятельности квазисудебных органов с судебным порядком. Поэтому объединение принципиально различных процессуальных режимов квазисудебных и судебных органов в рамках толкования единого понятия «административная юстиция» носит во-многом искусственный характер [11].

Анализ российского законодательства показывает, что законодатель преимущественно придерживается узкого, процессуального понимания административной юстиции, фактически связывая её с административным судопроизводством. Это подтверждается тем, что в Конституции РФ закреплён термин «административное судопроизводство» (ч. 2 ст. 118), но не используется понятие «административная юстиция». Кроме того, КАС РФ регулирует именно судебный порядок рассмотрения

административных дел и не охватывает деятельность внесудебных и квазисудебных органов. Административное судопроизводство в его позитивно-правовом значении понимается как урегулированный КАС РФ (а в части экономических споров — АПК РФ) процессуальный порядок рассмотрения и разрешения административных дел судами общей юрисдикции и арбитражными судами. Данное понятие имеет чёткие формальные границы. Оно охватывает исключительно судебную деятельность, осуществляется в строго установленных процессуальных формах и ограничено компетенцией судебных органов.

Такой подход имеет положительную сторону. Он обеспечивает определённую терминологию и чётко устанавливает процессуальную форму судебного рассмотрения публично-правовых споров. Однако одновременно подобный подход к пониманию содержательной сути административной юстиции оставляет за пределами как законодательной, так и доктринальной конструкции иные механизмы защиты прав, действующие в сфере публичного управления. В результате административная юстиция рассматривается преимущественно через деятельность судов, тогда как роль административных и квазисудебных органов остаётся недостаточно систематизированной. Это сужает научное понимание административной юстиции и затрудняет формирование единых подходов к защите прав граждан и организаций во взаимоотношениях с публичной администрацией.

Проведённый в настоящей статье анализ позволяет рассматривать «административную юстицию» и «административное судопроизводство» как взаимосвязанные, но не тождественные категории. Считаем, что соотношение исследуемых понятий следует раскрывать через модель пересекающихся множеств. В данной модели административное судопроизводство образует центральный, наиболее формализованный элемент административной юстиции, поскольку осуществляется независимым судом и предполагает наличие развитых процессуальных гарантий: состязательности, равенства участников, обязательности судебного акта и возможности его принудительного исполнения.

Вместе с тем содержание административной юстиции не может исчерпываться судебной деятельностью. Принадлежность квазисудебных и досудебных механизмов к административной юстиции рекомендуется определять не формальным статусом органа, а таким функциональным критерием как осуществление деятельности по разрешению административно-правового спора между частным лицом и публичной администрацией. Необходимо учитывать направленность такой деятельности на проверку законности административного акта и восстановление нарушенного права [26]. Квазисудебные процедуры нельзя приравнять к административному судопроизводству. Квазисудебные органы обеспечивают доступность и оперативность защиты, рассматривают значительное количество жалоб, снижают нагрузку на

суды и позволяют учитывать особенности отдельных сфер, включая антимонопольные, финансовые и налоговые отношения. В связи с этим их можно рассматривать как предварительный или досудебный контур административной юстиции, предваряющий административное судопроизводство. Квасисудебные органы не входят в судебную систему, не осуществляют правосудие и, как правило, не обладают такой же степенью институциональной независимости и процессуальными гарантиями, как суды.

Оптимальным представляется разграничение законодательного и доктринального подходов. На законода-

тельном уровне термин «административное судопроизводство» должен использоваться в узком значении для обозначения судебного порядка рассмотрения административных дел. В научной доктрине «административную юстицию» целесообразно понимать шире, как комплексную систему судебных, досудебных и квазисудебных механизмов разрешения публично-правовых споров и контроля за деятельностью публичной администрации. Такое разграничение позволяет не только сохранить точность процессуальной терминологии, но и одновременно учитывать все реально действующие способы защиты прав граждан и организаций.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. 1993. № 237.
2. Калашник, Ф. А. Сущность административного судопроизводства. Соотношение понятий административный процесс, административная юстиция, административное судопроизводство / Ф. А. Калашник. — Текст: непосредственный // Право и управление. 2024. № 11. С. 273–281.
3. Салищева, Н. Г. Административная юстиция и административное судопроизводство в Российской Федерации / Н. Г. Салищева, Н. Ю. Хаманева. — М.: Академический правовой университет при Институте государства и права РАН, 2001. — 66 с.
4. Салищева, Н. Г. Административная юстиция, административное судопроизводство / Н. Г. Салищева, Н. Ю. Хаманева. — Текст: непосредственный // Государство и право. 2002. № 1. С. 5–11.
5. Салищева, Н. Г., Е. В. Абросимова Е. В. О некоторых вопросах административного судопроизводства / Н. Г. Салищева, Е. В. Абросимова. — Текст: непосредственный // Административное право и процесс. 2008. № 1. С. 2–5.
6. Панова, И. В. Административная юстиция / И. В. Панова — Текст: непосредственный // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 2. С. 211–229.
7. Панова, И. В. Административно-процессуальное право России / И. В. Панова. — 2-е изд., пересмотр. и доп. — М.: НОРМА, 2008. — 335 с.
8. Панова, И. В. Какая юстиция подходит для России? / И. В. Панова, А. Б. Панов. — Текст: непосредственный // Публичное право сегодня. 2026. N 1. С. 79–90. N 2. С. 64–88.
9. Бахрах, Д. Н. Административное судопроизводство и административная юстиция / Д. Н. Бахрах. — Текст: непосредственный // Современное право. 2005. № 5. С. 19–25.
10. Старилов, Ю. Н. Административное судопроизводство: учебное пособие для бакалавриата, магистратуры, специалитета по направлениям «Юриспруденция» и «Судебная и прокурорская деятельность» / Ю. Н. Старилов, С. Н. Махина, О. С. Рогачева и др.; под ред. Ю. Н. Старилова. — 2-е изд., пересмотр. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. — 624 с.
11. Пирожкова, И. Г. Квасисудебные институты в правовом пространстве: дефиниция и подходы к определению / И. Г. Пирожкова, А. Г. Карташова. — Текст: непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 3(83). С. 49–54.
12. Ефремова, Е. А. Становление административной юстиции в России: этапы и особенности / Е. А. Ефремова. — Текст: непосредственный // StudArctic Forum. 2025. Т. 10, № 4. С. 86–94.
13. Панова, И. В. Ещё раз об административной юстиции / И. В. Панова, А. Б. Панов. — Текст: непосредственный // Публичное право сегодня. 2023. N 1. С. 67–73.
14. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 г. N 21-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 2015. N 10. ст. 1391.
15. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. N 95-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. N 30. ст. 3012.
16. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 г. N 1-ФКЗ (ред. от 04.08.2026) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. N 1. Ст. 1.
17. Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 г. N 3-ФКЗ (ред. от 04.08.2026) «О Верховном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. N 6. Ст. 550.

18. Ярков, В. В. Административное судопроизводство: учебник для студентов юридических высших учебных заведений по направлению «Юриспруденция» (специалист, бакалавр, магистр) / В. В. Ярков. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2021. — 662 с.
19. Леонов, Д. В. Квасисудебное разрешение административно-правовых споров в России на примере споров в сфере кадастровой оценки недвижимости / Д. В. Леонов. — Текст: непосредственный // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2020. № 1 (220). С. 77–82.
20. Зеленцов, А.Б., Ястребов, О. А. Современные модели административно-процессуального регулирования: опыт сравнительно-правового исследования / А. Б. Зеленцов, О. А. Ястребов. — Текст: непосредственный // Право. Журнал ВШЭ. 2022. N 3. С. 96–131.
21. Давыденкова, У. А. Досудебный (административный) порядок обжалования действий и решений органов публичной власти / У. А. Давыденкова, С. Л. Мельник — Текст: непосредственный // Вестник науки. 2025. № 19 (93) Т.2. С. 395–400.
22. Голубош, О. С. Возможности внедрения концепции квазисудебного порядка разрешения публично-правовых споров в российской правовой системе / О. С. Голубош. — Текст: непосредственный // Юридическая наука. 2024. № 8. С.58–64.
23. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства РФ. 2010. N 31. Ст. 4179.
24. Постановление Правительства РФ от 30.04.2018 г. N 533 (ред. от 12.12.2022) «Об утверждении Правил рассмотрения (урегулирования) споров и разногласий, связанных с установлением и (или) применением цен (тарифов), о внесении изменений в постановление Правительства РФ от 09.01.2009 г. N 14 и признании утратившими силу некоторых актов Правительства РФ» // Собрание законодательства РФ. 2018. N 19. Ст. 2755.
25. Приказ Минэкономразвития России от 04.05.2012 г. № 263 (ред. от 26.04.2018) «Об утверждении Порядка создания и работы комиссии по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости и признании утратившим силу Приказа Минэкономразвития России от 22.02.2011 г.». // Российская газета, 03.08.2012. N 177.
26. Бондарь, Е. В. Виды и процедуры разрешения административных споров / Е. В. Бондарь. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2026. № 16 (619). С. 244–249.

Компенсация морального вреда при ненадлежащем оказании медицинских услуг

Зайнуллина Алина Рамисовна, студент магистратуры
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязева

Статья посвящена исследованию правовой природы и проблемных аспектов компенсации морального вреда, причиненного пациентам при ненадлежащем оказании медицинских услуг. Анализируются основания возникновения деликтного обязательства, особенности распределения бремени доказывания, а также критерии определения размера компенсации. Особое внимание уделяется разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ и современным тенденциям судебной практики. Рассматриваются дискуссионные вопросы квалификации медицинской деятельности как источника повышенной опасности и перспективы развития института компенсации морального вреда в медицинской сфере.

Ключевые слова: моральный вред, медицинская услуга, деликтная ответственность, презумпция вины, компенсация, источник повышенной опасности, бремя доказывания, судебная практика.

Конституционное право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь предопределяет повышенные требования к качеству медицинских услуг. В условиях развития медицинских технологий и усложнения врачебных манипуляций возрастает риск причинения вреда жизни и здоровью пациентов, что актуализирует проблему эффективной правовой защиты их прав. Институт компенсации морального вреда выступает одним из наиболее значимых механизмов такой защиты, позволяя восстановить нарушенные личные неимущественные права и ком-

пенсировать физические и нравственные страдания, перенесенные пациентом [3, с. 7].

Принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 33 от 15 ноября 2022 г. «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» стало важным этапом развития судебной практики и доктрины в данной сфере [2]. Вместе с тем сохраняется ряд теоретических и практических проблем, связанных с основаниями ответственности медицинских организаций, распределением бремени доказывания и определением размера ком-

пенсации, что обуславливает необходимость дальнейшего научного осмысления обозначенной проблематики.

Компенсация морального вреда при ненадлежащем оказании медицинских услуг представляет собой специфический вид деликтной ответственности, имеющий компенсационную и штрафную функции. Как справедливо отмечается в доктрине, появление у граждан новых охраняемых законом интересов и ожиданий относительно уровня правовой защиты потребовало более современной трактовки института компенсации морального вреда.

Специфика медицинских деликтов заключается в том, что объектом неправомерного посягательства выступают такие нематериальные блага, как жизнь и здоровье — высшие ценности, охраняемые государством. Причинение вреда здоровью в процессе оказания медицинской помощи влечет для пациента не только физические страдания, но и нравственные переживания, связанные с утратой трудоспособности, изменением образа жизни, необходимостью длительного лечения и реабилитации.

Верховный Суд РФ в своих разъяснениях подчеркивает, что сам по себе факт нарушения прав пациента на охрану здоровья является достаточным основанием для презюмирования причинения морального вреда. Вместе с тем Пленум ограничил действие презумпции наличия морального вреда лишь некоторыми случаями нарушения прав гражданина, в числе которых посягательства на жизнь и здоровье, а также нарушение прав потребителей [2].

В соответствии с действующим законодательством, основанием для компенсации морального вреда при ненадлежащем оказании медицинских услуг является установление совокупности юридических фактов, образующих состав гражданского правонарушения: противоправность действий (бездействия) медицинской организации, наличие вреда, причинная связь между нарушением и наступившими последствиями, а также вина причинителя вреда [1]. При этом вина причинителя вреда презюмируется, что означает возложение бремени доказывания отсутствия вины на медицинскую организацию.

Анализ судебной практики показывает, что российские суды рассматривают вину медицинского учреждения как необходимое условие его ответственности. Однако переложение бремени доказывания на ответчика (медицинскую организацию) оправданно лишь в некоторых случаях, например, при отсутствии или искажении медицинской документации. В иных ситуациях это может привести к формальному подходу при разрешении соответствующих споров — присуждению компенсации морального вреда при наличии любого, даже самого незначительного дефекта медицинской услуги [2].

Дискуссионным является вопрос о квалификации вакцин, анестетиков и сильнодействующих лекарственных препаратов как источников повышенной опасности. Некоторые авторы предлагают относить вакцины к источникам повышенной опасности ввиду высокого риска поствакцинальных осложнений, возникающих даже при соблюдении всех медицинских стандартов и ин-

струкций производителя вакцины. Существует судебная практика, в которой компенсация морального вреда при поствакцинальных осложнениях взыскивается со ссылкой на ст. 1079 ГК РФ [1].

Вместе с тем имеется и противоположная судебная практика, в которой вакцинация не признается источником повышенной опасности. Суды исходят из того, что поствакцинальные осложнения признаются неизбежными и «одобренными» органами здравоохранения. При наиболее серьезных осложнениях законодательством предусмотрена выплата государственных пособий, соответственно, если медицинская организация соблюдает протокол вакцинации, иск о компенсации вреда подлежит отклонению.

Как справедливо отмечается в литературе, причина поствакцинальных осложнений кроется не столько в действиях медицинских работников, сколько в свойствах (биологических, химических) самой вакцины. В связи с этим обоснованным представляется формирование ответственности за осложнения, связанные с вакцинами, в рамках ст. 1095 ГК РФ, а соответствующие требования потерпевших должны быть обращены к производителям и поставщикам небезопасных вакцин [1].

Анализ судебной практики свидетельствует о значительном росте числа исков о компенсации морального вреда в связи с ненадлежащим оказанием медицинских услуг. Так, исследование судебной практики по стоматологическим спорам за период 2013–2025 гг. показывает, что требования о компенсации морального вреда предъявляются в 97 % случаев, при этом 56 % таких требований удовлетворяются судами. Отмечается 36-процентный рост удовлетворенных требований о компенсации морального вреда за десятилетний период, что свидетельствует о повышении судебной защиты прав пациентов.

При определении размера компенсации морального вреда суды руководствуются требованиями разумности и справедливости, учитывая характер причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, степень вины причинителя вреда, фактические обстоятельства дела, индивидуальные особенности потерпевшего. Однако, как справедливо отмечается в доктрине, детализация критериев размера компенсации морального вреда вместо ориентации на применение средних значений взыскиваемых сумм по аналогичным делам не повлияет существенно на практику произвольного и недостаточно мотивированного определения судами размера компенсации.

Институт компенсации морального вреда при ненадлежащем оказании медицинских услуг находится в стадии активного развития. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 33 от 15 ноября 2022 г. отражает сложившиеся в доктрине и судебной практике подходы к определению оснований и условий компенсации морального вреда, субъектного состава и динамики данного обязательства [2].

Вместе с тем сохраняется ряд нерешенных проблем, требующих дальнейшего научного осмысления и законодательного урегулирования. В их числе — вопрос о квали-

фикации медицинской деятельности как источника повышенной опасности, необходимость уточнения стандартов доказывания причинной связи и вины в медицинских де-

ликтах, а также выработка более четких критериев определения размера компенсации, учитывающих специфику причиненного вреда здоровью пациента.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 09.06.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Российская газета. — 2022. — 25 ноября.
3. Старчиков, М. Ю. Гражданско-правовая ответственность медицинских организаций за вред, причиненный жизни (здоровью) пациентов при оказании медицинских услуг: теоретические положения и судебная практика / М. Ю. Старчиков. — Москва: Инфотропик Медиа, 2016. — 185 с.

Изменение критериев выбора юрисдикции для международных корпоративных структур: роль бенефициарного владельца в XXI веке

Лишина Виктория Евгеньевна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье рассматривается изменение подходов к выбору юрисдикции для международных корпоративных структур в XXI веке. Анализируется трансформация критериев выбора юрисдикций (зачастую офшорных) под влиянием международных стандартов налоговой прозрачности и раскрытия информации о бенефициарных владельцах.

Ключевые слова: международные корпоративные структуры, юрисдикция, бенефициарный владелец, офшорные юрисдикции, налоговая привлекательность, налоговая прозрачность.

В условиях развития международных экономических отношений выбор юрисдикции для создания и обслуживания корпоративной структуры остается одним из ключевых вопросов трансграничного структурирования бизнеса и владения активами. На протяжении длительного времени основными критериями выбора юрисдикции являлись налоговый режим, конфиденциальность сведений о владельцах, простота регистрации и последующего корпоративного администрирования. Именно сочетание указанных факторов обеспечило широкое распространение классических офшорных юрисдикций, в том числе Белиза, Панамы и Британских Виргинских островов.

В XXI веке можно наблюдать существенное изменение подхода к выбору юрисдикции. Развитие международных стандартов налоговой прозрачности, автоматического обмена финансовой информацией и противодействия легализации преступных доходов привело к постепенному сокращению значения конфиденциальности как самостоятельного преимущества корпоративной структуры. Организация экономического сотрудничества и развития продолжает развивать международный стандарт автоматического обмена финансовой информацией, что подтверждает дальнейшее укрепление международной системы налоговой прозрачности.

Одновременно усиливаются требования к раскрытию информации о конечных бенефициарных владельцах.

Группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег предусматривает необходимость обеспечения компетентным органам доступа к достоверной и актуальной информации о действительных владельцах юридических лиц [1]. Реестры бенефициарных владельцев, вводимые в большинстве стран, делают прозрачными структуры собственности. Ранее данные реестры были закрытыми и сохраняли конфиденциальность конечных выгодоприобретателей [2], [3]. Таким образом, регистрация компании в юрисдикции с благоприятным налоговым режимом сама по себе уже не гарантирует практической эффективности созданной структуры. Выбор юрисдикции должен учитывать совокупность юридических, налоговых и организационных факторов, а также особенности конечного бенефициарного владельца.

Традиционные офшорные юрисдикции получили широкое распространение благодаря возможности использовать юридические лица для владения активами и осуществления трансграничных операций при относительно низких затратах на их создание и содержание. Существенное значение имели также благоприятные налоговые режимы, отсутствие либо ограниченный объем требований к раскрытию информации и сравнительно простые корпоративные административные процедуры.

Такая модель соответствовала условиям международного бизнеса конца XX и начала XXI века. Однако даль-

нейшее развитие международного регулирования постепенно изменило ее практическую привлекательность. В настоящее время юридическое лицо рассматривается финансовыми организациями и государственными органами не только с точки зрения места его регистрации, но и с учетом характера деятельности, структуры владения, источника денежных средств и резидентства конечного владельца.

Особое значение приобрели международные стандарты налоговой прозрачности и требования к раскрытию информации о бенефициарных владельцах [4]. В результате конфиденциальность, которая ранее являлась одним из существенных преимуществ классических офшорных юрисдикций, уже не может рассматриваться как достаточное основание для выбора территории регистрации. Информация о структуре владения должна быть доступна компетентным органам, а финансовые организации при проведении проверки клиента устанавливают его конечного бенефициарного владельца и оценивают соответствующие риски.

Одновременно меняются и требования к самой корпоративной отчетности. Показательным примером являются Британские Виргинские Острова, где для большинства компаний введена обязанность представления ежегодного финансового отчета зарегистрированному агенту. Изменения происходят и в других традиционных офшорных юрисдикциях. Например, налоговая служба Белиза с начала 2020-х годов существенно усилила требования по отчетности и раскрытию финансовой и налоговой информации компаний [5]. Таким образом, классические офшорные юрисдикции не перестали существовать и не утратили возможности использования в международных структурах, однако их применение стало требовать большего объема раскрываемой информации и документального подтверждения деятельности, что также отразилось на объеме корпоративных услуг.

При этом налоговая привлекательность продолжает оставаться одним из значимых критериев выбора. Изменение подходов не означает отказа собственников от стремления снизить налоговую нагрузку. Напротив, в современных условиях налоговый режим оценивается одновременно с другими характеристиками юрисдикции.

Именно сочетание налоговых условий с развитой финансовой и деловой инфраструктурой объясняет изменение интереса к отдельным юрисдикциям. В практической деятельности при структурировании для российских бенефициарных владельцев все чаще рассматриваются ОАЭ, Гонконг и Сингапур. При этом указанные территории не следует относить к классическим офшорным юрисдикциям. Они представляют собой развитые международные финансовые и деловые центры, в которых корпоративное структурирование осуществляется в рамках более прозрачных правовых систем.

В качестве показательного примера можно рассмотреть ОАЭ. Введение корпоративного налога не привело к утрате их налоговой привлекательности [6]. Для

лиц, отвечающих установленным требованиям, законодательство предусматривает ставку 0 процентов в отношении квалифицируемого дохода, тогда как доход, не соответствующий установленным критериям, облагается по ставке 9 процентов [7]. При этом для применения льготного режима требуется соблюдение ряда условий, включая наличие достаточного присутствия в ОАЭ и соблюдение требований трансфертного ценообразования.

Отдельного внимания заслуживает личность бенефициарного владельца, так как при выборе юрисдикции международная корпоративная структура не может рассматриваться отдельно от ее собственника. Данный фактор имеет особое значение при структурировании для российских бенефициаров. Выбор юрисдикции в таком случае может зависеть от того, в какой стране находится центр жизненных интересов собственника, где он является налоговым резидентом, с какими странами связан его источник благосостояния (SoW) и какие финансовые учреждения предполагается использовать для обслуживания структуры. Таким образом, одна и та же юрисдикция не может считаться одинаково подходящей для всех клиентов.

Именно в этом заключается одно из основных отличий современного подхода к международному структурированию от традиционной модели использования офшорных компаний. Ранее основное внимание уделялось характеристикам самой компании и юрисдикции ее регистрации. В настоящее время выбор становится индивидуализированным и зависит от совокупности характеристик структуры и ее бенефициара. Для российских собственников, которым необходимо не только создать юридическое лицо, но и обеспечить его последующее функционирование, значение получают такие факторы, как возможность открытия и поддержания банковского счета, прохождение процедур проверки клиента (KYC и compliance) и соответствие структуры профилю конечного владельца.

Таким образом, выбор юрисдикции целесообразно осуществлять не путем механического сравнения налоговых ставок или стоимости регистрации компании, а посредством комплексной оценки всей предполагаемой структуры. В рамках такой оценки необходимо учитывать предполагаемые функции компании, характер активов и операций, налоговый статус собственника, источники происхождения капитала, страны контрагентов и требования финансовых организаций, с которыми планируется взаимодействие.

Проведенное исследование показывает, что в XXI веке критерии выбора юрисдикции для международных корпоративных структур претерпели изменения: усиление международных стандартов налоговой прозрачности, развитие автоматического обмена финансовой информацией, повышение требований к раскрытию сведений о бенефициарных владельцах и увеличение объема корпоративной отчетности существенно изменили традиционный подход к использованию офшорных юрисдикций.

Основным направлением развития международного корпоративного структурирования в XXI веке становится переход от выбора формально наиболее льготной юрисдикции к формированию устойчивой корпоративной структуры, соответствующей налоговому, правовому и финансовому профилю ее бенефициарного владельца.

При этом налоговая привлекательность не утратила своего значения. Она по-прежнему является одним из ос-

новных факторов международного структурирования, однако в современных условиях должна оцениваться в совокупности с иными характеристиками юрисдикции. На первый план выходят возможности банковского обслуживания, качество правовой и финансовой инфраструктуры, требования к отчетности и способность структуры соответствовать установленным регуляторным требованиям.

Литература:

1. Руководство ФАТФ по бенефициарному владению юридических лиц, / -. — Текст: электронный — URL: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Guidance-Beneficial-Ownership-Legal-Persons.html>
2. Азбука оффшора. GSL. — Москва: РИПОЛ классик, 2017. — 254 с. — 184 с.
3. Бенефициарный владелец: кому может быть раскрыта информация?. — Текст: электронный // International Wealth: [сайт]. — URL: <https://clck.ru/3P9SWV>.
4. Налоговая прозрачность и международное сотрудничество. — Текст: электронный // Официальный сайт ОЭСР: [сайт]. — URL: [https://www.oecd.org/en/topics/tax-transparency-and-international-co-operation.html#:~:text=The%20international%20standards%20developed%20by,financial%20account%20information%20\(AEOI\)](https://www.oecd.org/en/topics/tax-transparency-and-international-co-operation.html#:~:text=The%20international%20standards%20developed%20by,financial%20account%20information%20(AEOI))
5. Belize Tax Service / -. — Текст: электронный // bts.gov.bz: [сайт]. — URL: <https://bts.gov.bz/>
6. Квалифицирующиеся Лица Свободных Зон в корпоративном налоге ОАЭ / -. — Текст: электронный // Saifaudit.com: [сайт]. — URL: <https://www.saifaudit.com/Russian/polnoe-rukovodstvo-po-kvalifikatsii-lic-iz-svobodnoj-ekonomicheskoy-zony-v-korporativnom-naloge-oae.html>
7. Официальный портал ОАЭ / -. — Текст: электронный // uae information: [сайт]. — URL: <https://u.ae/en/information-and-services/finance-and-investment/taxation/corporate-tax>

Двухуровневая модель правового регулирования сделок с заинтересованностью: баланс формальных требований и принципа добросовестности

Малыхина Екатерина Романовна, студент магистратуры

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

В статье автор исследует дуализм правового режима сделок с заинтересованностью в российском корпоративном праве.

Ключевые слова: хозяйственные общества, сделки с заинтересованностью, юридические акты.

Проблематика квалификации юридических актов хозяйственных обществ в качестве сделок с заинтересованностью занимает центральное место в регулировании корпоративных отношений.

При этом оценка юридических актов хозяйственных обществ как сделок с заинтересованностью опирается на совокупность нормативных критериев (закрепленных в ГК РФ, Законе об ООО, Законе об АО и иных актах) и доктринальных подходов, развиваемых в научной литературе и судебной практике (в том числе в Постановлениях Пленума ВАС РФ и Верховного Суда РФ).

Гражданский кодекс РФ определяет сделку как действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей согласно ст. 153 ГК РФ [1]. Соответственно, те юридические акты хозяйственного общества, которые отвечают данному критерию (например, договор

залога, договор купли-продажи, договор займа, договор поручительства и пр.), подлежат оценке на предмет наличия в них заинтересованности в порядке, установленном Законом об ООО и Законом об АО.

При этом корпоративные решения в доктрине рассматриваются либо как особый вид корпоративных актов, либо как разновидность многосторонней сделки.

Это дискуссионный вопрос и основания оценки юридических актов хозяйственных обществ как сделок с заинтересованностью формируются на стыке общих положений гражданского права о сделках (ГК РФ) и специальных корпоративных норм о сделках с заинтересованностью (ст. 45–46 Федерального закона от 08.02.1998 № 14ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»; ст. 81–84 Федерального закона от 26.12.1995 № 208ФЗ «Об акционерных обществах»).

Указанные акты формируют систему критериев, по которым юридический акт хозяйственного общества может

быть оценен как сделка с заинтересованностью. Эти критерии условно можно разделить на:

- субъектные (кто участвует в сделке и каким образом связан с обществом);
- объективные (какие правовые и экономические последствия порождает сделка; кому она приносит выгоду или освобождает от бремени);
- структурные (каково положение данного юридического акта в системе корпоративного управления: обуславливает ли он распоряжение имуществом общества, выполнение обществом обязательств, предоставление обеспечения и т. п.)

Ключевым исходным основанием признания сделки хозяйственного общества сделкой с заинтересованностью является наличие в ней участия определенных законом лиц. Закон об АО (ст. 81) и Закон об ООО (ст. 45) формируют специальный перечень таких субъектов.

В соответствии со ст. 45 Закона об ООО к лицам, чья заинтересованность подлежит учету, относятся, в частности:

- участник общества, имеющий совместно с аффилированными лицами двадцать и более процентов голосов от общего числа голосов участников общества;
- единоличный исполнительный орган общества (генеральный директор, директор);
- члены коллегиального исполнительного органа (правления, дирекции);
- члены совета директоров (наблюдательного совета) общества;
- лица, имеющие право давать обществу обязательные для него указания [2].

Аналогичный перечень содержится в ст. 81 Закона об АО применительно к акционерным обществам, с учетом специфики их корпоративной структуры (учет крупных акционеров, членов ревизионной комиссии и др.).

Наличие у названных лиц формального статуса (участник с определенной долей, член органа управления, контролирующее лицо) предполагает потенциальный конфликт интересов между ними и обществом. Как отмечается в литературе, законодатель исходит из презумпции, что перечисленные лица обладают информационной и организационной возможностью влиять на принятие решений и реализацию сделок, а следовательно, могут использовать служебное положение в ущерб интересам общества и его иных участников [3].

Наличие в структуре сделки хотя бы одного из перечисленных законом лиц — первое и обязательное основание для оценки сделки как «с потенциальной заинтересованностью».

В доктрине широко обсуждается вопрос: является ли перечень лиц, указанных в ст. 45 Закона об ООО и ст. 81 Закона об АО, исчерпывающим или допускается более широкое толкование категории «заинтересованных лиц». Заинтересованность в сделке устанавливается в случаях, когда предусмотренные законом лица — как непосредственно заинтересованные, так и родственники в близкой

степени родства или аффилированные лица — являются одной из сторон договора, выгодоприобретателями, посредниками либо представителями в сделке, или занимают определенные должности в органах управления, либо владеют долями или акциями юридического лица (отдельно или суммарно в объеме 20 % и выше), выступающего в соответствующем качестве.

Список лиц, чья заинтересованность в совершении обществом сделок может признаваться, не является исчерпывающим. Это объясняется тем, что наличие или отсутствие объективного интереса к сделке не всегда подтверждается формально-юридическими признаками. Так, даже при отсутствии реального интереса, определенное лицо при включении в установленный перечень (например, ст. 45 ФЗ «Об ООО» или ст. 81 ФЗ «Об АО») все же будет считаться заинтересованным, если оно, либо его аффилированные лица, напрямую или косвенно участвуют в сделке в качестве стороны.

Между тем, ст. 4 Закона РФ от 22.03.1991 г. № 948–1 («О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках») не содержит понятия аффилированности лиц, относящихся к физическим лицам, не являющимся предпринимателями. Например, если стороной сделки выступает юридическое лицо, а его фактическим контролирующим лицом (через пакет акций или долю) является физическое лицо, подчиненные ему общества также будут признаны заинтересованными при заключении сделки.

Однако если стороной сделки оказывается организация, не зависящая от контролирующего юридического лица напрямую, то аффилированность с контролирующим физическим лицом учитываться не будет. Это дает возможность физическому лицу — мажоритарному собственнику — создавать подчиненные структуры и дочерние организации, а затем, при совершении сделок через такие структуры, обходить необходимость получения особого согласия либо одобрения со стороны совета директоров или общего собрания участников хозяйственного общества.

С одной стороны, включение лица в установленный законом перечень приводит к тому, что оно презюмируется заинтересованным, если выполняются объективные признаки его участия в сделке (сторона, выгодоприобретатель и др.), — даже если в конкретной ситуации материальный интерес отсутствует. С другой стороны, реально заинтересованное лицо, не подпадающее под формальные критерии, может «выпасть» из сферы действия института, что создает возможности для обхода закона.

Наряду с формальным статусом лица (участник, директор, член совета и т. п.), законодатель требует установить объективную вовлеченность такого лица (или его аффилированных лиц) в конкретную сделку. Это проявляется в следующих формах:

- Лицо является стороной сделки.
- Лицо выступает выгодоприобретателем по сделке.
- Лицо является посредником в сделке.

– Лицо действует как представитель одной из сторон сделки.

– Лицо владеет (в том числе совместно с аффилированными лицами) долей (акциями) в юридическом лице, выступающем в качестве стороны сделки, в размере не менее 20 % (либо иным, предусмотренным законом порогом).

Особое значение для практики имеет категория выгодоприобретателя. Выгодоприобретателем по сделке следует признавать не только непосредственную сторону, но и лицо, которое, не участвуя в сделке:

- освобождается от обязательств;
- получает иные имущественные или иные преимущества;

– приобретает права по договору в свою пользу на основании ст. 430 ГК РФ (договор в пользу третьего лица), договора поручительства, банковской гарантии, договора доверительного управления, договора страхования и др.

Из этого следует, что юридический акт общества, оформленный, например, как договор поручительства или договор залога в обеспечение обязательств должника — участника общества, может быть признан сделкой с заинтересованностью, поскольку выгодоприобретателем по нему является именно этот участник-должник. Аналогично, договор банковской гарантии, предоставленной обществом в интересах контролирующего акционера, или договор перевода долга, освобождающий такое лицо от обязательства, подпадает под режим сделок с заинтересованностью.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025).
2. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «Об обществах с ограниченной ответственностью».
3. Габов А. В. Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования. — М.: Статут, 2005, С. 5.

Процессуальная самостоятельность следователя: современные вызовы цифровизации и ведомственного контроля

Молостов Денис Владимирович, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье анализируется трансформация процессуальной самостоятельности следователя под влиянием ведомственного контроля и цифровизации. На основе судебной практики (2020–2024 гг.) и доктринальных подходов автор обосновывает вывод о фактическом превращении следователя в технического исполнителя решений вышестоящих лиц, формулирует тезис о «скрытой утрате независимости» и предлагает меры по совершенствованию УПК РФ.

Ключевые слова: следователь, процессуальная самостоятельность, цифровизация, ведомственный контроль, руководитель следственного органа, судебная практика.

Введение

Процессуальная самостоятельность следователя, традиционно считающаяся гарантией объективности следствия, в современных условиях сталкивается с новыми вызовами: беспрецедентным усилением роли руководителя следственного органа и стремительной цифровизацией, создающей дополнительные рычаги давления на следователя. Цель исследования — выявление проблем, ограничивающих самостоятельность следователя, и разработка предложений по совершенствованию УПК РФ.

1. Скрытая утрата независимости: от процессуальной фигуры к технической функции

Ст. 38 УПК РФ закрепляет самостоятельность следователя в направлении расследования, принятии решений

и ответственности за них. Однако практика показывает, что эта норма стала декларативной.

Как отмечает Л. В. Головкин, ключевые решения фактически принимает руководитель следственного органа, а следователь выполняет оформительские функции. Конституционный Суд в Постановлении от 21.07.2020 № 36-П указал, что право обжалования указаний РСО (ч. 3 ст. 39 УПК РФ) формально, поскольку исполнение не приостанавливается, и следователь вынужден действовать вопреки убеждению.

Шаблонизация работы усугубляет проблему: А. С. Александров и П. М. Федоров отмечают, что электронные базы и типовые формы превращают следователя в «оператора шаблонов», лишая инициативы. Так происходит переход от самостоятельности решений к техническому исполнению — сути скрытой утраты независимости.

2. Ведомственный контроль: критерии допустимого вмешательства

Проблема соотношения власти РСО и свободы следователя — центральная для науки. Е. В. Марковичева говорит о «гипертрофии полномочий» руководителя, которая без процессуальных гарантий парализует расследование.

Анализ кассационной практики выделяет ключевой критерий разграничения законного руководства и незаконного вмешательства — мотивированность указаний. ВС РФ (определение от 18.02.2021 № 5-УД20-156) подтвердил: РСО определяет направление расследования, но не вправе навязывать тактику следственных действий. В другом деле (определение от 09.03.2023 № 41-УД23-7) немотивированная отмена постановления следователя признана произвольным вмешательством.

КС РФ (Постановление КС РФ от 12.11.2021 № 45-П) указал, что судебный контроль не подменяется ведомственным, однако на практике РСО часто используют полномочия как «цензуру», блокируя доступ спорных решений в суд. Избыточный двойной надзор (прокурор + РСО), по мнению В. Ф. Крюкова, ставит следователя под давление двух инстанций с противоречивыми требованиями, вынуждая действовать в логике бюрократического согласования, а не по закону.

3. Цифровое давление: новые грани ограничения свободы

Влияние цифровизации — новый вызов: речь не только об электронном документообороте, но и о системах аналитики (АИК «Надзор»). Суд (решение Мосгорсуда от 15.12.2023) указал, что автоматизированный контроль не подменяет оценку деятельности, а использование метрик без учёта обстоятельств создаёт незаконное давление. Цифровая среда позволяет отслеживать каждый шаг следо-

вателя, порождая «работу на показатель» вместо установления истины; формализация, по мнению Петрухина, разрушает творческий характер профессии. В итоге цифровизация без гарантий стала инструментом тотального контроля, ограничивающего свободу следователя сильнее письменных указаний.

4. Предложения по совершенствованию законодательства

Для преодоления кризиса процессуальной самостоятельности предлагается: модернизировать ст. 39 УПК РФ, закрепив приостановление исполнения указаний РСО при несогласии следователя до рассмотрения жалобы; ввести требование письменных, мотивированных указаний, касающихся только направления расследования, без тактических предписаний; запретить использование цифровых метрик как основания для дисциплинарных взысканий, перейдя к качественным критериям оценки (законность, отсутствие судебных ошибок, обоснованность прекращения дел); а также расширить судебную юрисдикцию на споры следователя с РСО для реальной судебной защиты самостоятельности.

Заключение

Исследование подтверждает, что процессуальная самостоятельность следователя деградирует до технической функции под воздействием ведомственного доминирования и цифрового контроля; судебная практика 2020–2024 годов фиксирует дефекты регулирования, но фрагментарные решения проблему не решают — необходимо системное обновление УПК, поскольку только реальная автономия следователя, основанная на законе и внутреннем убеждении, способна обеспечить защиту прав и законных интересов граждан.

Литература:

1. Адыгезалова Г. Э., Гладышева О. В., Лукожев Х. М., Семенцов В. А. Органы предварительного следствия России и процессуальная самостоятельность следователя: монография / под ред. В. А. Семенцова. — М.: Юрлитинформ, 2021. — 194 с.
2. Гришин Д. А. Правовой статус личности в условиях цифровизации уголовного судопроизводства: монография. — М.: Юрлитинформ, 2025. — 124 с.
3. Моругина Н. А. Цифровая трансформация уголовного судопроизводства России и зарубежных стран: монография. — М.: Норма, 2026. — 208 с.
4. Зуев С. В., Моругина Н. А., Чурикова А. Ю. (ред.). Экономика данных и цифровая трансформация уголовного судопроизводства: монография. — М.: Znanium, 2026.

Оспаривание сделок в банкротстве физического лица

Попов Кирилл Игоревич, студент магистратуры

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье автор исследует правовые основания и проблемы оспаривания сделок должника-гражданина в процедурах несостоятельности, анализирует соотношение специальных и общегражданских оснований недействительности.

Ключевые слова: оспаривание сделок, банкротство физических лиц, подозрительные сделки, сделки с предпочтением, недействительность сделки, конкурсная масса, финансовый управляющий, добросовестность контрагента.

Институт банкротства физических лиц, введенный в российское законодательство с 2015 года, существенно изменил правовой ландшафт в сфере регулирования долговых отношений граждан. Одним из ключевых механизмов, обеспечивающих пополнение конкурсной массы и защиту интересов кредиторов, является оспаривание сделок должника, совершенных до или в ходе процедуры банкротства. Как справедливо отмечает А. Ф. Асташкин, с момента введения института банкротства граждан наблюдается стремительное увеличение числа дел, связанных с признанием сделок недействительными, что обусловлено как ростом количества самих банкротных процедур, так и активной позицией финансовых управляющих и кредиторов [1, с. 113–114]. По мнению некоторых исследователей, действующее правовое регулирование предоставляет кредиторам и управляющим слишком широкий уровень дискреции для оспаривания сделок, в том числе заключенных с добросовестными контрагентами, что создает угрозу нарушения разумного баланса интересов участников банкротных отношений [5, с. 41]. Целью настоящей статьи является системный анализ оснований и порядка оспаривания сделок в банкротстве физических лиц, а также выявление правовых проблем, возникающих в данной сфере.

Оспаривание сделок в процедуре банкротства физического лица представляет собой механизм возврата имущества в конкурсную массу, позволяющий восстановить нарушенные имущественные права кредиторов. Как указывает Д. А. Иванов, оспаривание сделок должника является важнейшим инструментом пополнения конкурсной массы, поскольку зачастую именно за счет признания недействительными сделок, совершенных в преддверии банкротства, удается сформировать имущественную базу для удовлетворения требований кредиторов [3, с. 719–721].

В доктрине гражданского права традиционно выделяют две группы оснований для оспаривания сделок в банкротстве: общегражданские (предусмотренные Гражданским кодексом РФ) и специальные (предусмотренные Законом о банкротстве). Как отмечает Д. О. Османова в своей монографии, посвященной банкротству граждан, соотношение общих и специальных оснований оспаривания является одной из наиболее сложных проблем правоприменения, поскольку зачастую одни и те же фактические обстоятельства могут квалифицироваться

как по специальным, так и по общегражданским основаниям [10, с. 147].

Согласно статье 61.1 Закона о банкротстве, сделки, совершенные должником или другими лицами за счет должника, могут быть признаны недействительными как по основаниям, предусмотренным Гражданским кодексом РФ, так и по специальным основаниям, установленным самим Законом о банкротстве [2, с. 168]. К числу специальных оснований относятся: подозрительные сделки (ст. 61.2 Закона о банкротстве) и сделки с предпочтением (ст. 61.3 Закона о банкротстве).

Подозрительные сделки — это сделки, совершенные должником в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов. В соответствии с пунктом 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве, сделка, совершенная должником при неравноценном встречном исполнении обязательств, может быть признана судом недействительной. Как отмечает Е. Н. Жуков и А. Е. Жукова, неравноценность встречного исполнения является ключевым критерием для квалификации сделки как подозрительной по данному основанию, при этом суды активно применяют рыночные критерии оценки стоимости переданного имущества и полученного встречного предоставления [2, с. 169].

Пункт 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве предусматривает более широкий состав подозрительных сделок — сделок, совершенных с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов. Для признания такой сделки недействительной необходимо доказать совокупность следующих условий: сделка совершена в течение трех лет до принятия заявления о признании должника банкротом (для физических лиц — в течение одного года по сделкам с неравноценным встречным исполнением); целью сделки являлось причинение вреда имущественным правам кредиторов; в результате совершения сделки был причинен вред имущественным правам кредиторов; другая сторона сделки знала или должна была знать об указанной цели должника к моменту совершения сделки.

С. О. Лобан, анализируя проблемы соблюдения баланса интересов при оспаривании подозрительных сделок, отмечает, что ключевой сложностью является доказывание цели причинения вреда, поскольку должник и его контрагенты, как правило, отрицают наличие такой цели. Ученый предлагает использовать систему презумпций,

позволяющих суду делать вывод о наличии цели причинения вреда на основе объективных признаков, таких как совершение сделки с заинтересованным лицом, безвозмездный характер сделки, совершение сделки незадолго до возбуждения дела о банкротстве [7, с. 184–185].

Необходимо также обращать внимание на проблему статуса покупателя как слабой стороны оспоримой сделки. При применении статьи 61.2 Закона о банкротстве суды должны учитывать не только действия должника, но и добросовестность контрагента, который может и не знать о цели должника причинить вред кредиторам.

Сделки с предпочтением (ст. 61.3 Закона о банкротстве) — это сделки, в результате которых одному из кредиторов оказывается предпочтение перед другими кредиторами в отношении удовлетворения требований. Как отмечает Е. А. Нагайцева, сделки с предпочтением представляют собой особую категорию оспоримых сделок, поскольку их недействительность обосновывается не столько ущемлением интересов кредиторов как таковых, сколько нарушением принципа пропорциональности удовлетворения требований кредиторов одной очереди [8, с. 116].

Для признания сделки недействительной по основанию предпочтения необходимо, чтобы сделка была совершена после принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом или в течение одного месяца до принятия такого заявления. В некоторых случаях (при наличии осведомленности кредитора о признаках неплатежеспособности должника) срок может быть увеличен до шести месяцев.

О. С. Нестерова, исследуя последствия завершения процедуры банкротства для гражданина-должника, обращает внимание на то, что оспаривание сделок с предпочтением является одним из наиболее эффективных способов пополнения конкурсной массы, поскольку такие сделки часто совершаются в отношении «дружественных» кредиторов или родственников должника. При этом автор подчеркивает, что удовлетворение требований одного из кредиторов в ущерб другим является прямым нарушением принципа равенства кредиторов, что должно влечь соответствующие правовые последствия [9, с. 72–73].

Одной из наиболее дискуссионных проблем является соотношение специальных оснований оспаривания сделок в банкротстве и общегражданских оснований недействительности сделок, предусмотренных Гражданским кодексом РФ. Как отмечает коллектив авторов под редакцией С. А. Карелиной и И. В. Фролова в монографии «Законодательство о банкротстве: преемственность и новации», оспаривание сделок в банкротстве может осуществляться как по специальным, так и по общим основаниям, однако применение общих оснований (например, статьи 10 и 168 ГК РФ) не должно подменять собой специальный механизм, предусмотренный Законом о банкротстве [6, с. 50–52].

Е. М. Геворгян, исследуя проблему создания искусственной задолженности, приходит к выводу, что в ряде случаев должники используют общегражданские кон-

струкции (например, мнимые и притворные сделки) для создания видимости обязательств перед «дружественными» кредиторами. В таких ситуациях применение общегражданских оснований недействительности является более целесообразным, чем специальных банкротных оснований, поскольку позволяет более полно учесть все обстоятельства дела [2, с. 166–167].

Вместе с тем, как справедливо указывает Н. Г. Копылова, широкое применение общегражданских оснований оспаривания в делах о банкротстве может привести к необоснованному ущемлению прав добросовестных контрагентов, которые не имели возможности знать о финансовых проблемах должника. Ученый предлагает внести изменения в законодательство, направленные на уточнение оснований для оспаривания сделок должника с целью соблюдения разумного баланса между интересами кредиторов и добросовестных контрагентов [5, с. 42–43].

Оспаривание сделок в процедуре банкротства физического лица осуществляется в рамках обособленного спора в деле о банкротстве. Заявление об оспаривании сделки может быть подано финансовым управляющим по собственной инициативе либо по требованию кредиторов или собрания кредиторов.

Как отмечает А. Ф. Асташкин, важной процессуальной особенностью является то, что финансовый управляющий, в отличие от конкурсного управляющего в банкротстве юридических лиц, не всегда обладает достаточными ресурсами и информацией для выявления всех подозрительных сделок, совершенных должником. Это создает дополнительные сложности для эффективного оспаривания сделок и пополнения конкурсной массы [1, с. 114–116].

Д. А. Иванов в своем исследовании обращает внимание на проблему обесценивания прав требования должника как кредитора к его контрагентам при продаже такого права требования на торгах. Ученый предлагает два возможных варианта решения данной проблемы: во-первых, активное оспаривание сделок должника с целью восстановления его прав требования; во-вторых, реализацию прав требования должника на торгах с сохранением возможности их последующего оспаривания новым кредитором [3, с. 722–723].

Важным аспектом является также срок исковой давности по заявлениям об оспаривании сделок. В соответствии с пунктом 2 статьи 61.9 Закона о банкротстве, заявление об оспаривании сделки может быть подано в течение трех лет со дня, когда арбитражный управляющий узнал или должен был узнать о наличии оснований для оспаривания, но не позднее чем в течение десяти лет со дня совершения сделки.

Признание сделки недействительной влечет применение последствий недействительности сделки, предусмотренных статьей 167 ГК РФ: возврат всего полученного по сделке в конкурсную массу (реституция) либо возмещение стоимости полученного в денежной форме. Как отмечает Е. Н. Жуков и А. Е. Жукова, применение по-

следствий недействительности подозрительных сделок вызывает на практике ряд сложностей, связанных с определением стоимости имущества, подлежащего возврату, а также с возможностью истребования имущества у добросовестных приобретателей [2, с. 177–178].

В случае невозможности возврата имущества в натуре (например, при его отчуждении третьим лицам) суд возмещает с контрагента должника действительную стоимость имущества на момент его приобретения. Кроме того, в некоторых случаях контрагент может быть обязан возместить убытки, причиненные кредиторам.

С. О. Лобан, анализируя последствия признания сделок недействительными, приходит к выводу, что существующий механизм возврата имущества в конкурсную массу не всегда обеспечивает реальное восстановление нарушенных прав кредиторов, особенно в случаях, когда имущество было многократно перепродано или уничтожено. Ученый предлагает усилить механизмы ответственности не только непосредственных контрагентов должника, но и последующих приобретателей имущества, если они знали или должны были знать о наличии признаков недобросовестности в сделке [7, с. 187–188].

В заключении хотелось бы отметить, что Институт оспаривания сделок в банкротстве физических лиц является важнейшим механизмом защиты прав кредиторов и обеспечения справедливого распределения конкурсной массы. Как показывает анализ доктринальных источников и правоприменительной практики, основания для оспаривания сделок (подозрительные сделки и сделки с предпочтением) имеют сложную правовую природу и требуют тщательного доказывания всех элементов состава. При этом ключевой проблемой остается соблюдение разумного баланса между интересами кредиторов, нуждающихся в пополнении конкурсной массы, и добросовестными контрагентами должника, которые могут не знать о его финансовых проблемах.

Как справедливо заключает Е. А. Нагайцева, дальнейшее развитие законодательства в данной сфере должно идти по пути конкретизации критериев добросовестности контрагентов и уточнения сроков оспаривания сделок, что позволит повысить эффективность механизма оспаривания и одновременно снизить риски необоснованного ущемления прав добросовестных участников оборота [8, с. 119].

Литература:

1. Асташкин А. Ф. Правовые особенности оспаривания сделок при банкротстве гражданина в процедуре реализации имущества // Вестник науки. 2025. № 6 (87). С. 113–117.
2. Геворгян Е. М. Недобросовестное поведение должника: создание искусственной задолженности // Скиф. 2022. № 12 (76). С. 166–170.
3. Иванов Д. А. Оспаривание сделок в процедуре банкротства физических лиц // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 11–4. С. 717–725.
4. Копылова Н. Г. Основания и порядок оспаривания сделок должника в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) // Вестник магистратуры. 2024. № 1–1 (148). 2023. С. 3–35.
5. Жуков Е. Н., Жукова А. Е. Некоторые проблемы применения последствий недействительности подозрительных сделок // Право и практика. 2025. № 1. С. 174–179.
6. Карелина С. А., Фролов И. В. «Законодательство о банкротстве: преемственность и новации» // Москва: Юстицинформ, 2023
7. Лобан С. О. Недобросовестное поведение должника в деле о банкротстве: проблемы соблюдения баланса интересов // Вестник науки. 2024. № 2 (71). С. 184–189.
8. Нагайцева Е. А. Критерий добросовестности в рамках дела о банкротстве физических лиц // Вестник науки. 2023. № 2 (59). С. 116–120.
9. Нестерова О. С. Неосвобождение гражданина-должника от исполнения обязательств при завершении процедуры банкротства // Экономика. Социология. Право. 2023. № 2 (30). С. 72–78.
10. Османова Д. О. Процедура несостоятельности (банкротства): quo vadis? // Lex Russica. 2024. № 5 (210). С. 144–161

Специально-криминологические меры предупреждения экологической преступности

Попов Николай Николаевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена исследованию мер одного из видов предупреждения экологической преступности — специально-криминологического предупреждения. В работе выделяются три вида специально-криминологических мер предупреждения экологической преступности: правовые, организационные, правоприменительные, а также раскрывается их

содержание. По итогам исследования дается авторское определение понятию специально-криминологические меры предупреждения экологической преступности.

Ключевые слова: экологическая преступность, предупреждение экологической преступности, специально-криминологические меры.

Экологическая преступность обладает высоким уровнем латентности, а выявление и расследование экологических преступлений порой вызывают сложности у правоохранительных органов, в этой связи приобретают особое значение специально-криминологические меры предупреждения экологической преступности.

Специально-криминологические меры предупреждения преступности можно определить как «состоящие в целенаправленном воздействии на преступность в целом и на ее отдельные виды» [1, с. 47]. Такие меры необходимы для повышения эффективности общесоциальных мер предупреждения преступности.

Специально-криминологические меры предупреждения экологической преступности условно можно разделить на следующие группы:

1. правовые меры;
2. организационные меры;
3. правоприменительные меры.

Правовые меры предупреждения экологической преступности представляют собой систему норм различных отраслей (уголовного, уголовно-процессуального, административного, экологического, земельного и др.) права, направленную на формирование и совершенствование национального законодательства, регулирующего предупреждение, выявление и пресечение экологических преступлений, а также обеспечение неотвратимости наказания и возмещения причиненного вреда.

Стоит отметить, что порой дословного содержания уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления в сфере экологии, недостаточно для правильной квалификации деяния, поскольку эти нормы носят бланкетный характер, в этой связи «при расследовании и рассмотрении уголовных дел об экологическом преступлении для уяснения уголовно-правовых понятий необходимо обращение к законодательным и иным нормативно-правовым актам, относящимся к другим отраслям права, прежде всего к экологическому, земельному, водному и т. д». [2, с. 150].

Важное значение имеют нормы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [3], поскольку некоторые составы преступлений содержат в качестве криминообразующего признака наличие административной преюдиции, например, ч. 2 ст. 255 Уголовного кодекса РФ [4].

Уголовно-процессуальный кодекс РФ [5] регламентирует процедуру расследования и рассмотрения экологических преступлений, субъектный состав.

В рамках правовых мер предупреждения экологической преступности следует также упомянуть Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»

[6], а также Постановления Пленума Верховного Суда РФ, например, «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» [7], «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» [8].

По мнению И. О. Кравченко «уголовная политика в сфере охраны природы слишком статична и явно отстает от современных реалий, не имея возможности достойно ответить на новые вызовы и угрозы» [9, с. 246]. Тем не менее, проанализировав правовые меры предупреждения экологической преступности, которые представляют собой совокупность норм различных отраслей и уровней права, стоит отметить, что их эффективность возможна только в случае их согласованности между собой, а также в случае приведения ведомственных правовых актов в соответствие с федеральным законодательством [10, с. 24].

Организационные меры предупреждения экологической преступности направлены на формирование антикриминальной системы специальных субъектов, механизмов их взаимодействия, а также повышение квалификации сотрудников в целях оптимизации противодействия экологической преступности.

Например, в Российской Федерации действует специализированное подразделение единой системы органов прокуратуры — система природоохранных прокуратур [11], при Главном следственном управлении Следственного комитета Российской Федерации создан Отдел по расследованию преступлений в сфере экологии и эпидемиологии [12]. Е. А. Антонян указывает, что «одной из проблем, связанной с выявлением экологических преступлений, в том числе преступлений, посягающих на биоресурсы, а также их предупреждением является отсутствие в системе органов внутренних дел подразделений экологической полиции» [13, с. 23].

Нельзя не согласиться с высказыванием, что в настоящее время также «отсутствует устоявшаяся система подготовки специалистов эколого-правового профиля для службы в правоохранительных органах, работники последних, как правило, не обладают глубокими знаниями о сущности и содержании экологических правонарушений с учетом их узкой специфики и порой неочевидности» [14, с. 383]. В этой связи становится актуальным создание системы непрерывного повышения квалификации в области экологической преступности.

Правоприменительные меры предупреждения экологической преступности представляют собой непосредственную деятельность уполномоченных субъектов (органов предварительного расследования, прокуратуры,

суда и др.) по реализации правовых норм, связанных с противодействием экологической преступности.

Правоприменительные меры включают в себя: оперативно-розыскные мероприятия, следственные действия, меры прокурорского реагирования, координационную деятельность прокуратуры, деятельность по разъяснению законодательства, профилактические мероприятия и др.

Подводя итог, стоит отметить, что для обеспечения высокого уровня охраны окружающей среды «необходимы комплексное правовое регулирование, а также последовательная и системная профилактическая деятельность многочисленных субъектов в различных экологических сферах» [15, с. 72].

Таким образом, специально-криминологические меры предупреждения экологической преступности представляют собой совокупность целенаправленных правовых, организационных и правоприменительных мер, реализуемых уполномоченными субъектами (органами предварительного расследования, прокуратуры, суда и др.), сформированных в результате анализа криминологической характеристики экологической преступности и направленных на снижение ее уровня, устранение криминогенных детерминант, обеспечение неотвратимости ответственности за совершение деяний против экологической безопасности и экологического правопорядка.

Литература:

1. Криминология: учебное пособие / Е. А. Писаревская, М. А. Дворжицкая. — Казань: Бук, 2023. — 94 с.
2. Тангиев Б. Б. Проблемы правового регулирования экологических преступлений в современном законодательстве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2005. — № 3(27). — С. 150–156.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (с изм. и доп. от 26.07.2026 № 250-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1), — ст. 1; — 2026. — № 30, — ст. 4096.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп. от 10.06.2026, № 164-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25, — ст. 2954; — 2026. — № 24, — ст. 3096.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изм. и доп. от 26.07.2026 № 251-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I), — ст. 4921; — 2026. — № 30, — ст. 4097.
6. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (с изм. и доп. от 01.04.2025 № 41-ФЗ) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 33, — ст. 3349; — 2025. — № 14, — ст. 1574.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» // Российская газета. — 2017. 11 декабря.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (с изм. и доп. от 15.12.2022 № 38) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Российская газета. — 2012. 31 октября; — 2022. 28 декабря.
9. Кравченко И. О. Некоторые современные тенденции предупреждения экологической преступности // Право и государство: теория и практика. — 2022. — № 2(206). — С. 244–246.
10. Поликарпова И. В. Правоприменительная деятельность субъектов профилактики правонарушений // Вопросы безопасности. — 2022. — № 3. — С. 19–27.
11. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-I (с изм. и доп. от 29.12.2025 № 533-ФЗ) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 47, — ст. 4472; — 2025. — № 52, — ст. 8320.
12. В СК России создано подразделение по расследованию преступлений в сфере экологии и эпидемиологии [Интернет ресурс] // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации URL: <https://sledcom.ru/news/item/1486356/?print=1> (дата обращения 18.08.2026).
13. Антонян Е. А. Современное состояние, детерминанты и проблемы предупреждения преступлений, посягающих на биоресурсы // Вестник Московского университета МВД России. — 2023. — № 6. — С. 20–25.
14. Яхонтова О. С. Причины и пути предупреждения экологических правонарушений // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований: Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 08 декабря 2017 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ. — 2018. — С. 382–385.
15. Клещина Е. Н. О мерах предупреждения экологической преступности и проблемах их реализации в современный период // Актуальные проблемы квалификации и предупреждения экологических преступлений: Материалы всероссийского научно-практического круглого стола, Москва, 28 марта 2025 года. Москва: Московская академия следственного комитета. — 2025. — С. 68–72.

Проблемы и направления совершенствования координации органами прокуратуры деятельности правоохранительных органов по борьбе с экологической преступностью

Попов Николай Николаевич, студент магистратуры

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия»
Институт магистратуры и заочного обучения (г. Саратов)

Статья посвящена исследованию одной из функций органов прокуратуры — координации деятельности правоохранительных органов в рамках борьбы с экологической преступностью. В работе выделяются формы координационной деятельности органов прокуратуры, связанные с противодействием экологической преступности, и подчиненные субъекты. Автор раскрывает предполагаемые проблемы координационной деятельности органов прокуратуры по борьбе с экологической преступностью и предлагает пути ее совершенствования. По итогам исследования делается вывод о том, что одним из основных условий предупреждения экологической преступности является эффективная координационная функция органов прокуратуры.

Ключевые слова: экологическая преступность, борьба с экологической преступностью, координация деятельности правоохранительных органов, проблемы и направления координирующей функции органов прокуратуры.

Борьба с экологической преступностью может быть результативной лишь в случае совместных и скоординированных действий всех правоохранительных органов, а также в случае взаимодействия последних с другими государственными органами.

Именно прокуратуре РФ «отведена роль координаторов деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, что обусловлено наличием у них обширной и объективной информации о совершенных преступлениях и их вредных последствиях, раскрываемости, причинах и условиях, способствующих их совершению, результатах рассмотрения уголовных дел в судах, успехах и недостатках в борьбе с преступностью участников координационной деятельности» [1, с. 411].

Органы прокуратуры в рамках борьбы с экологической преступностью координируют деятельность следующих правоохранительных органов:

1. органов внутренних дел Российской Федерации;
2. органов федеральной службы безопасности;
3. таможенных органов Российской Федерации;
4. войск национальной гвардии Российской Федерации;
5. органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации;
6. органов принудительного исполнения Российской Федерации;
7. следственных органов Следственного комитета Российской Федерации и др.

Положение о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью предусматривает основные направления координационной деятельности органов прокуратуры в данной области [2]. В рамках предупреждения экологической преступности можно выделить следующие формы координационной деятельности органов прокуратуры:

1. проведение координационных совещаний руководителей правоохранительных органов, направленных на охрану окружающей среды и природопользования;
2. обмен информацией по вопросам борьбы с экологической преступностью;
3. совместные выезды в регионы для проведения согласованных действий, проверок и оказания помощи местным правоохранительным органам в борьбе с экологической преступностью, изучения и распространения положительного опыта;
4. инициирование создания следственно-оперативных групп для расследования экологических преступлений;
5. проведение совместных целевых мероприятий для выявления и пресечения экологических преступлений, а также устранения причин и условий, способствующих их совершению;
6. взаимное использование возможностей правоохранительных органов для повышения квалификации работников, проведение совместных семинаров, конференций в области охраны окружающей среды и природопользования;
7. оказание взаимной помощи в обеспечении собственной безопасности в процессе деятельности по борьбе с экологической преступностью;
8. издание совместных приказов, указаний, подготовка информационных писем и иных организационно-распорядительных документов в экологической сфере;
9. выпуск совместных бюллетеней (сборников) и других информационных изданий, в том числе о важности сохранения окружающей среды и бережном отношении к природе;
10. разработка и утверждение согласованных планов координационной деятельности по борьбе с экологической преступностью.

Стоит отметить, что вышеуказанный перечень форм координационной деятельности не является исчерпы-

вающим и определяется ее участниками, исходя из конкретной обстановки.

Органы прокуратуры осуществляют координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с экологической преступностью на федеральном, региональном и местном (муниципальном) уровнях [1, с. 413].

Среди проблем координации органами прокуратуры деятельности правоохранительных органов по борьбе с экологической преступностью по нашему мнению можно выделить:

1. Отсутствие специального нормативно-правового или ведомственного акта, всесторонне регламентирующего координационную функцию органов прокуратуры в области охраны окружающей среды и природопользования.

В национальном законодательстве Российской Федерации имеются различные нормативно-правовые и ведомственные акты, в которых регламентация вопросов координации органами прокуратуры деятельности правоохранительных органов по борьбе с экологической преступностью носит преимущественно декларативный характер и ограничивается общими формулировками, что создает риск формального подхода к реализации имеющихся положений и снижению эффективности борьбы с экологической преступностью.

2. Проблема кадрового обеспечения.

Данная проблема проявляется в дефиците сотрудников правоохранительных органов и органов прокуратуры, которые одновременно обладают глубокими юридическими и специальными познаниями в сфере экологии, а также в нехватке штатной численности этих органов.

3. Сложность выявления и доказывания экологических преступлений. Подобные трудности возникают ввиду определенной специфики экологической преступности, в том числе ввиду ее латентности и бланкетного характера норм.

4. Недостаточная эффективность природоохранных прокуратур.

Так, Я. Б. Дицевич было проведено исследование, в результате которого было установлено, что в системе органов прокуратуры РФ необходимо увеличить численность специализированных природоохранных прокуратур, поскольку из-за небольшого кадрового состава эффективность работы природоохранных прокуратур уступает эффективности территориальных прокуратур [3, с. 10–17].

Исходя из характера содержания вышеизложенных проблем координации органами прокуратуры деятельности правоохранительных органов по борьбе с экологической преступностью можно сформулировать следующие направления совершенствования координации прокуратурой борьбы с экологической преступностью:

1. Совершенствование нормативно-правовой базы.

В целях повышения эффективности координационной деятельности органов прокуратуры следует раз-

работать и принять ведомственный нормативный акт, а именно — приказ Генерального прокурора РФ «О координации деятельности правоохранительных органов в области охраны окружающей среды и природопользования», в котором помимо целей и задач, будут комплексно изложены все направления такой деятельности, формы и механизмы координации исходя из специфики экологической преступности и взаимодействия органов прокуратуры с различными правоохранительными органами.

2. Увеличение численности квалифицированного кадрового состава и повышение квалификации штатных сотрудников в области экологического познания как органов прокуратуры, так и правоохранительных органов.

В рамках настоящего направления необходимо на федеральном уровне создать систему достойных социальных гарантий и конкурентного уровня оплаты труда для сотрудников правоохранительных органов и прокуратуры. А также необходимо создать систему непрерывного повышения квалификации, например, путем внедрения специализированных учебных курсов или путем создания единой специализированной образовательной платформы в области экологического познания, которая будет нацелена на повышение квалификации не только сотрудников правоохранительных органов и прокуратуры, но и иных государственных структур, которым необходимы подобные знания.

3. Предыдущее направление обуславливает потребность в необходимости создания единой межведомственной информационной базы учета экологических правонарушений и преступлений, которая будет полезна не только в практической деятельности, но и в теоретическом смысле, поскольку будет способствовать изучению экологической преступности в криминологической аспекте.

4. По мнению Д. Г. Добрецова в рамках координационной деятельности органам прокуратуры «правоохранительные органы следует ориентировать, в частности, на налаживание тесного взаимодействия и принятие адекватных мер реагирования в случае выявления нарушений» [4, с. 34]. Прокурорам следует требовать от правоохранительных органов качественного расследования, контролировать ход проверок и законность и целесообразность выносимых решений по итогам.

5. Повышение эффективности специализированных природоохранных прокуратур.

И. В. Орловская видит разрешение этой ситуации путем «создания природоохранных прокуратур в каждом регионе; уравнивания численности природоохранных прокуратур в каждом из федеральных округов «...»; укрепления и расширения системы межрегиональных природоохранных прокуратур; исключения практики ограничения полномочий природоохранного прокурора по территориальному принципу в границах субъекта, в котором он осуществляет свою

деятельность; активного внедрения бассейнового (экосистемного) принципа организации системы природоохранных прокуратур на территориях отдельных экосистем и крупных природных комплексов России» [5, с. 189].

Подводя итог стоит отметить, что одним из основных условий предупреждения экологической преступности является эффективная координация органами прокуратуры деятельности правоохранительных органов по борьбе с экологической преступностью.

Литература:

1. Прокурорский надзор: учебник для вузов / под ред. Ю. Е. Винокурова. — 18-е изд. — М.: Издательство Юрайт, 2026. — 498 с.
2. Указ Президента РФ от 18.04.1996 № 567 (с изм. и доп. от 14.06.2024 № 512) «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (вместе с «Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью») // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 17, — ст. 1958; — 2024. — № 25, — ст. 3469.
3. Дицевич Я. Б. Направления развития деятельности органов прокуратуры России по обеспечению законности в сфере экологии (по материалам анкетирования) // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2020. — № 1(75). — С. 10–17.
4. Добрецов Д. Г. Координация природоохранными прокурорами деятельности правоохранительных органов по борьбе с экологической // Мониторинг правоприменения. — 2017. — № 2(23). — С. 29–35.
5. Орловская И. В. Система специализированных природоохранных прокуратур Российской Федерации: исторические, организационно-правовые аспекты и принципы ее формирования // Вестник Костромского государственного университета. — 2022. — Т. 28, № 1. — С. 180–192.

Адвокат как субъект доказывания в уголовном процессе

Пронин Игорь Григорьевич, студент
Московский университет «Синергия»

Современное уголовное судопроизводство Российской Федерации строится на принципе состязательности сторон. Он предполагает разграничение функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела. Для реального осуществления этого принципа сторона защиты должна иметь возможность не только оспаривать доводы обвинения, но и самостоятельно участвовать в собирании и представлении доказательств. Поэтому особое значение имеет правовое положение адвоката как участника уголовного судопроизводства и субъекта доказывания.

В соответствии со статьей 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации защитником является лицо, которое осуществляет защиту прав и интересов подозреваемого или обвиняемого и оказывает ему юридическую помощь при производстве по уголовному делу. В качестве защитников, как правило, выступают адвокаты. Их деятельность непосредственно связана с реализацией права человека на квалифицированную юридическую помощь и права обвиняемого или подозреваемого на защиту.

При этом работа адвоката не ограничивается консультированием доверителя, участием в следственных действиях и выступлением в суде. Согласно пункту 2 части 1 статьи 53 УПК РФ защитник вправе собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридиче-

ской помощи, в порядке, установленном частью 3 статьи 86 УПК РФ. Кроме того, он может привлекать специалиста, заявлять ходатайства и отводы, знакомиться с материалами уголовного дела и использовать иные не запрещенные законом способы защиты.

В соответствии с частью 3 статьи 86 УПК РФ защитник вправе собирать доказательства путем получения предметов, документов и иных сведений, проведения опроса лиц с их согласия, а также истребования справок, характеристик и других документов у органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций.

Предоставление защитнику права самостоятельно собирать доказательства является важным проявлением принципа состязательности. Однако на практике возможности стороны защиты и стороны обвинения существенно различаются.

Следователь и дознаватель обладают государственно-властными полномочиями и могут проводить предусмотренные законом следственные и иные процессуальные действия. Полученные в результате таких действий сведения при соблюдении требований УПК РФ могут использоваться в качестве доказательств.

Адвокат такими полномочиями не обладает и самостоятельно проводить следственные действия не вправе.

Он может получить документы, предметы или сведения, однако их дальнейшее использование в уголовном деле во многом зависит от решения дознавателя, следователя или суда.

В связи с этим возникает один из основных вопросов рассматриваемой темы: можно ли считать адвоката полноценным субъектом доказывания, если возможности по собиранию и процессуальному закреплению полученной информации у него значительно уже, чем у стороны обвинения.

Согласно статье 85 УПК РФ доказывание состоит из собирания, проверки и оценки доказательств в целях установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Следовательно, доказывание представляет собой более сложную деятельность, чем простое получение информации, документов или предметов.

При этом закон прямо предоставляет защитнику право «собирать доказательства». Это позволяет говорить о его активном участии в доказательственной деятельности. Вместе с тем пределы такого участия и объем полномочий адвоката остаются предметом обсуждения в науке уголовного процесса.

Одной из наиболее заметных проблем является использование результатов опроса лиц, проведенного адвокатом. Защитник имеет право опрашивать граждан с их согласия, однако полученные таким способом сведения не всегда могут непосредственно использоваться в качестве доказательств.

Такая информация должна быть проверена в предусмотренном уголовно-процессуальным законом порядке. Например, лицо, опрошенное адвокатом, впоследствии может быть допрошено в качестве свидетеля. Таким образом, между получением защитником значимой для дела информации и ее полноценным использованием в процессе существует дополнительная стадия.

Схожая проблема возникает при истребовании адвокатом документов и иных сведений. Закон предоставляет ему возможность направлять адвокатские запросы в государственные органы, органы местного самоуправления, общественные объединения и организации.

Однако само наличие такого права еще не гарантирует его эффективной реализации. Адвокат может столкнуться с длительным рассмотрением запроса, ограничениями доступа к определенной информации или отказом в ее предоставлении. Кроме того, после получения необходимых документов остается вопрос об их приобщении к материалам уголовного дела.

Таким образом, предусмотренное законом право защитника самостоятельно собирать доказательства на практике связано с рядом процессуальных ограничений. Изучение этих ограничений позволяет оценить, насколько эффективно в уголовном процессе реализуется принцип состязательности сторон.

Не менее важной является проблема допустимости материалов, представляемых защитником. Закон запрещает использование доказательств, полученных с нарушением

установленных требований. Поэтому значение имеет не только содержание полученной адвокатом информации, но и способ ее получения.

В то же время процедура собирания доказательств защитником урегулирована менее подробно, чем порядок проведения следственных действий. Из-за этого возникает вопрос о том, какие требования должны предъявляться к документам, предметам и иным сведениям, полученным адвокатом, чтобы они могли быть использованы в уголовном деле.

Важно также учитывать, что сам факт получения адвокатом определенного документа или предмета еще не означает его автоматического признания доказательством. Материал должен быть представлен дознавателю, следователю или суду, после чего решается вопрос о его приобщении к делу и дальнейшем использовании.

В результате эффективность доказательственной деятельности стороны защиты в значительной степени зависит от процессуальных решений других участников уголовного судопроизводства. Поэтому большое значение имеет порядок рассмотрения ходатайств адвоката о приобщении полученных им материалов, допросе определенных лиц, назначении экспертиз и проведении других процессуальных действий.

Доказательственная деятельность адвоката имеет значение не только на стадии предварительного расследования, но и при рассмотрении уголовного дела в суде. Защитник вправе представлять доказательства, участвовать в их исследовании, задавать вопросы свидетелям, экспертам и специалистам, заявлять ходатайства и оспаривать доводы стороны обвинения.

Таким образом, участие адвоката в доказывании включает получение документов, предметов и иных сведений, проведение опросов лиц с их согласия, направление адвокатских запросов, привлечение специалистов, представление материалов органам предварительного расследования и суду, заявление ходатайств, а также участие в исследовании и оценке доказательств.

Актуальность выбранной темы связана прежде всего с тем, что в науке уголовного процесса отсутствует единое мнение о месте адвоката среди субъектов доказывания. С одной стороны, закон прямо предоставляет защитнику право собирать и представлять доказательства. С другой стороны, адвокат не обладает полномочиями самостоятельно придавать полученной информации процессуальную форму, аналогичную результатам следственных действий.

Практическое значение темы связано с необходимостью повышения эффективности полномочий защитника. Речь при этом не идет о полном уравнивании адвоката со следователем или дознавателем, поскольку они выполняют разные процессуальные функции. Однако сторона защиты должна иметь реальные возможности для выявления обстоятельств, которые опровергают обвинение, подтверждают позицию подзащитного или смягчают его ответственность.

Особое значение имеет совершенствование порядка представления и приобщения материалов, собранных адвокатом, использования результатов опросов, получения сведений по адвокатским запросам и привлечения специалистов.

Исследование данных вопросов непосредственно связано с обеспечением права человека на квалифицированную юридическую помощь, права подозреваемого и обвиняемого на защиту, а также с реализацией принципа состязательности и равноправия сторон.

Таким образом, актуальность темы «Адвокат как субъект доказывания в уголовном процессе» имеет как теоретическое, так и практическое значение. С теоретической точки зрения необходимо определить место адвоката в системе субъектов доказывания и содержание его деятельности по собиранию и представлению доказательств. С практической точки зрения важно выявить проблемы реализации предоставленных защитнику полномочий и определить возможные способы их устранения.

Исследование данной темы позволит более полно оценить роль адвоката в уголовно-процессуальном доказывании, выявить существующие ограничения его деятельности и определить направления совершенствования законодательства и практики его применения в целях обеспечения эффективной защиты прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых.

Степень научной разработанности темы

Тема участия адвоката в доказывании достаточно широко рассматривается в российской юридической литературе. Исследователи изучают как общие вопросы уголовно-процессуального доказывания, так и отдельные полномочия защитника: собирание и представление доказательств, проведение опросов лиц с их согласия, направление адвокатских запросов, участие в следственных действиях и представление полученных материалов следователю или суду.

Одним из основных вопросов остается определение места адвоката среди субъектов доказывания. Уголовно-процессуальный закон предоставляет защитнику право собирать и представлять доказательства, однако его возможности отличаются от возможностей следователя и дознавателя. В связи с этим в научной литературе нет полностью единого подхода к вопросу о том, можно ли считать адвоката полноценным субъектом доказывания.

Например, П. А. Самаркин рассматривает защитника именно как субъекта доказывания и анализирует предоставленные ему уголовно-процессуальным законодательством права. Автор связывает участие защитника в доказывании с реализацией принципов состязательности и равноправия сторон уголовного процесса [1. с. 28].

В то же время в научной литературе существует и более осторожный подход. Его сторонники обращают внимание на то, что адвокат не обладает государственно-властными полномочиями и не может самостоятельно проводить

следственные действия. Поэтому полученные им предметы, документы и сведения не всегда сразу приобретают статус доказательств и требуют дальнейшего процессуального оформления.

Таким образом, один из главных научных споров связан не с тем, участвует ли адвокат в доказывании вообще, а с объемом и характером такого участия.

Значительное внимание исследователи уделяют вопросу самостоятельного собирания доказательств стороной защиты. М. С. Ремизова отмечает, что действующее законодательство предоставляет адвокату такое право, однако порядок его практической реализации урегулирован недостаточно подробно. По мнению автора, отсутствие четкой процессуальной формы создает сложности при реализации предусмотренных законом полномочий защитника [2. с. 28].

Схожие вопросы рассматривает О. А. Малышева. Исследуя участие защитника в доказывании на досудебной стадии уголовного процесса, автор обращает внимание на зависимость стороны защиты от решений следователя и дознавателя. В частности, это касается рассмотрения ходатайств защитника и использования собранных им материалов. В работе предлагается совершенствовать существующий порядок участия защитника в доказывании на предварительном расследовании [3. с. 28].

И. М. Павлов также рассматривает проблемы правового регулирования участия защитника в доказывании. В его исследовании обращается внимание на существующие противоречия и недостатки правового механизма, регулирующего деятельность стороны защиты при работе с доказательствами [4. с. 28].

Отдельным направлением научных исследований является вопрос о способах, которыми адвокат может самостоятельно получать сведения, имеющие значение для уголовного дела.

Одним из таких способов является адвокатский запрос. С его помощью адвокат может получать документы и сведения, необходимые для оказания юридической помощи. Однако на практике использование этого полномочия также связано с определенными трудностями.

Д. П. Майко в работе, посвященной собиранию доказательств посредством адвокатского запроса, рассматривает существующие проблемы применения данного инструмента и возможные способы их решения. Сам факт появления отдельных исследований, посвященных именно адвокатскому запросу как способу собирания доказательственной информации, показывает практическое значение этого вопроса для деятельности защитника [5. с. 28].

Еще одним обсуждаемым способом получения информации является опрос лиц с их согласия. Основной научный вопрос здесь состоит в том, какое процессуальное значение имеют сведения, которые адвокат получил во время такого опроса.

Часть исследователей считает, что предусмотренное законом право защитника проводить опрос позволяет рас-

смагивать его как самостоятельный способ собирання доказательственной информации. Другой подход связан с тем, что результаты такого опроса сами по себе не всегда могут использоваться так же, как показания, полученные в ходе допроса. Для их дальнейшего использования может потребоваться проведение предусмотренных УПК РФ процессуальных действий.

Поэтому проблема заключается не столько в самом праве адвоката опрашивать граждан, сколько в дальнейшем использовании полученной информации.

В научной литературе также рассматривается вопрос о возможности так называемого адвокатского расследования. Под ним обычно понимают самостоятельную деятельность стороны защиты по поиску и собиранню сведений, предметов и документов, имеющих значение для дела.

В современных исследованиях отмечается, что отдельные элементы такого расследования уже предусмотрены российским законодательством, однако самостоятельный институт адвокатского расследования подробно не урегулирован.

Исследователи уделяют внимание и участию адвоката в формировании доказательств не только на стадии предварительного расследования, но и непосредственно в суде.

Таким образом, научные работы по рассматриваемой теме можно условно разделить на несколько направлений.

Во-первых, исследуются общие вопросы процессуального положения адвоката и его места среди субъектов уголовно-процессуального доказывания.

Во-вторых, рассматриваются конкретные способы собирання информации стороной защиты: получение предметов и документов, проведение опросов, направление адвокатских запросов и привлечение специалистов.

В-третьих, изучаются проблемы дальнейшего использования полученных защитником материалов, в том числе их представления и приобщения к уголовному делу.

В-четвертых, отдельное внимание уделяется соотношению процессуальных возможностей сторон обвинения и защиты, а также вопросу о необходимости дальнейшего развития элементов адвокатского расследования.

Несмотря на значительное количество научных работ, тема не может считаться полностью исследованной и не вызывающей споров. Современные публикации продолжают поднимать вопросы о процессуальном положении адвоката, порядке собирання им доказательственной информации и гарантиях использования полученных материалов. Например, исследования 2023–2025 годов продолжают предлагать изменения порядка участия защитника в доказывании и отдельно анализируют содержание его прав как субъекта доказывания.

В современных исследованиях значительное внимание уделяется общим вопросам уголовно-процессуального доказывания. В работах С. А. Шейфера рассматриваются проблемы собирання, проверки и оценки доказательств, а также особенности участия различных субъектов в доказательственной деятельности [6, с. 28]. В. А. Лазарева уделяет внимание общим положениям доказательственного права,

включая понятие доказывания, виды доказательств и порядок их оценки. Эти исследования создают теоретическую основу для изучения более узкого вопроса — участия адвоката в собираннии и представлении доказательств [7, с. 28].

Наиболее спорным остается вопрос о том, насколько самостоятельно адвокат может участвовать в формировании доказательственной базы. Закон предоставляет ему право собирать и представлять доказательства, но процессуальные возможности защитника и стороны обвинения различаются. Кроме того, дальнейшее использование собранных адвокатом материалов во многих случаях связано с решениями следователя, дознавателя или суда.

Следовательно, имеющиеся научные исследования создают достаточно серьезную основу для изучения выбранной темы, однако не устраняют существующих теоретических и практических вопросов. Это позволяет продолжить исследование статуса адвоката как субъекта доказывания, способов реализации предоставленных ему полномочий и проблем использования, собранных стороной защиты материалов в уголовном процессе.

1.1. Нормативно-правовая база исследования

Правовую основу исследования темы «Адвокат как субъект доказывания в уголовном процессе» составляют нормы Конституции Российской Федерации, уголовно-процессуального законодательства, законодательства об адвокатской деятельности, а также акты, регулирующие отдельные способы реализации адвокатом своих полномочий.

1.1.1. Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.

Конституция Российской Федерации закрепляет основные гарантии, имеющие значение для деятельности адвоката в уголовном процессе. К ним относятся право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, право на квалифицированную юридическую помощь, запрет использования доказательств, полученных с нарушением федерального закона, а также принцип состязательности и равноправия сторон.

Для темы исследования особое значение имеют статьи 45, 48, 49, 50 и 123 Конституции Российской Федерации.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ

УПК РФ является основным нормативным актом, регулирующим участие адвоката в уголовном судопроизводстве и его деятельность в процессе доказывания.

Особое значение для исследования имеют следующие нормы:

- статья 15 — состязательность сторон;
- статья 16 — обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту;

- статья 17 — свобода оценки доказательств;
- статья 49 — защитник;
- статья 53 — полномочия защитника;
- статья 58 — специалист;
- статья 73 — обстоятельства, подлежащие доказыванию;
- статья 74 — доказательства;
- статья 75 — недопустимые доказательства;
- статьи 85–88 — доказывание, собирание, проверка и оценка доказательств;
- статьи 119–122 — порядок заявления и разрешения ходатайств;
- статья 159 — обязательность рассмотрения ходатайств участников уголовного судопроизводства;
- статья 271 — заявление и разрешение ходатайств в судебном разбирательстве;
- статья 274 — порядок исследования доказательств.

Особенно важной является часть 3 статьи 86 УПК РФ, которая прямо предоставляет защитнику право собирать доказательства путем получения предметов, документов и иных сведений, опроса лиц с их согласия и истребования документов у государственных органов, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций.

Статья 53 УПК РФ также прямо устанавливает право защитника собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи.

3. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Данный Федеральный закон определяет правовой статус адвоката, его основные полномочия, права и обязанности.

В соответствии со статьей 6 адвокат вправе собирать сведения, необходимые для оказания юридической помощи, опрашивать с согласия лиц, предположительно владеющих относящейся к делу информацией, собирать и представлять предметы и документы, которые могут быть признаны доказательствами, а также привлекать специалистов.

Особое значение имеет статья 6.1 Федерального закона, регулирующая адвокатский запрос. Адвокат вправе направлять его в органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения и организации с целью получения справок, характеристик и иных документов, необходимых для оказания квалифицированной юридической помощи.

4. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 14 декабря 2016 г. № 288 «Об утверждении требований к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса»

Приказ устанавливает требования к содержанию адвокатского запроса, порядку его оформления и направления.

Данный акт имеет значение для темы исследования, поскольку адвокатский запрос является одним из основных предусмотренных законом способов самостоятельного получения защитником документов и иной информации.

Приказ предусматривает возможность оформления запроса как на бумажном носителе, так и в электронной форме, устанавливает обязательные сведения, которые должны быть в нем указаны, а также регулирует порядок его направления.

1.1.2. Материалы судебной практики, имеющие значение для исследования

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве».

В данном постановлении Верховный Суд Российской Федерации обращает внимание на то, что обеспечение права на защиту является одним из основных принципов уголовного судопроизводства и действует на всех его стадиях.

Право обвиняемого на защиту включает возможность пользоваться помощью защитника, лично защищать свои интересы, заявлять ходатайства, представлять свою позицию и использовать иные способы защиты, не запрещенные законом.

Постановление имеет значение для исследования, поскольку связывает деятельность адвоката не только с его формальным участием в уголовном деле, но и с необходимостью обеспечить реальную возможность реализации стороной защиты своих процессуальных прав.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2004 г. № 467-О.

В данном определении Конституционный Суд Российской Федерации рассмотрел положения статьи 86 УПК РФ и указал, что право подозреваемого, обвиняемого и их защитников собирать и представлять доказательства является одним из проявлений права на защиту и принципа состязательности сторон.

Конституционный Суд также отметил, что дознаватель, следователь и другие должностные лица не вправе произвольно отказывать стороне защиты в приобщении или исследовании представленных ею доказательств.

Отказ должен быть связан с конкретными основаниями, например, с отсутствием отношения представленного материала к делу или с его недопустимостью.

3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2006 г. № 100-О.

Данное определение имеет непосредственное значение для оценки результатов опроса лиц, проведенного адвокатом в соответствии с частью 3 статьи 86 УПК РФ.

Конституционный Суд подтвердил право защитника самостоятельно собирать сведения посредством опроса лиц с их согласия. При этом результаты такого опроса подлежат дальнейшей проверке и оценке в установленном уголовно-процессуальным законодательством порядке.

Также было подтверждено, что сторона защиты имеет право представлять собранные материалы, а органы расследования и суд не могут произвольно отказывать в их принятии и исследовании.

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия».

Для рассматриваемой темы имеют значение разъяснения Верховного Суда о принципе состязательности и равноправия сторон.

Суд должен обеспечивать участникам процесса равные возможности для представления и исследования доказательств, а также заявления ходатайств. Кроме того, Верховный Суд обращает внимание на недопустимость использования доказательств, полученных с нарушением закона.

Вывод

Таким образом, нормативную основу участия адвоката в доказывании составляют прежде всего Конституция Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Эти акты закрепляют как общее право обвиняемого на защиту, так и конкретные полномочия адвоката по получению и представлению предметов, документов и иных сведений, проведению опросов, направлению адвокатских запросов и привлечению специалистов.

Судебная практика Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации дополняет положения законодательства и разъясняет порядок их применения. В частности, она подтверждает право стороны защиты активно участвовать в доказывании и указывает на недопустимость произвольного отказа в рассмотрении представленных защитником доказательств и заявленных им ходатайств.

Адвокат как субъект доказывания в уголовном процессе

2.1. Понятие и место адвоката среди субъектов доказывания

Доказывание является одним из центральных институтов уголовного процесса, поскольку именно посредством доказательственной деятельности устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела. Согласно положениям уголовно-процессуального законодательства, доказывание включает в себя собирание, проверку и оценку доказательств.

В процессе доказывания участвуют различные субъекты уголовного судопроизводства, обладающие определёнными правами и обязанностями. При этом их про-

цессуальное положение различается в зависимости от выполняемой функции. Органы расследования и государственные обвинители осуществляют деятельность, связанную с установлением обстоятельств дела и поддержанием обвинения, тогда как сторона защиты направлена на защиту прав и интересов обвиняемого, а также на представление обстоятельств, опровергающих обвинение либо смягчающих ответственность лица.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов современной уголовно-процессуальной науки является определение места адвоката-защитника в системе субъектов доказывания. Проблема заключается в том, что действующее законодательство предоставляет адвокату определённые полномочия по участию в доказательственной деятельности, однако объём этих возможностей отличается от полномочий органов расследования.

В соответствии с частью 3 статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации защитник вправе собирать доказательства путём получения предметов, документов и иных сведений, опроса лиц с их согласия, а также получения заключения специалиста. Данные положения позволяют говорить о том, что адвокат непосредственно участвует в формировании доказательственной базы стороны защиты.

Однако в научной литературе отсутствует единый подход к вопросу о том, можно ли считать адвоката полноценным субъектом доказывания.

Первая позиция: адвокат является субъектом доказывания

Согласно первой позиции, адвокат должен рассматриваться как самостоятельный субъект доказывания, поскольку он обладает предусмотренными законом полномочиями по получению и представлению информации, имеющей значение для уголовного дела.

Сторонники данного подхода обращают внимание на то, что доказывание не может рассматриваться исключительно как деятельность органов обвинения. В условиях принципа состязательности каждая сторона должна иметь возможность самостоятельно формировать свою позицию и представлять доказательства в её подтверждение.

Адвокат, осуществляя защиту доверителя, не является пассивным участником процесса. Он анализирует материалы уголовного дела, выявляет обстоятельства, имеющие значение для защиты, получает сведения от различных лиц, взаимодействует со специалистами и представляет результаты своей деятельности органам расследования или суду.

Вторая позиция: ограниченный статус адвоката

Вместе с тем существует и противоположный подход, согласно которому адвокат не может быть признан полноценным субъектом доказывания в том же смысле, что органы расследования.

Основным аргументом данной позиции является отсутствие у защитника властных процессуальных полномочий.

Следователь и дознаватель обладают возможностью:

- проводить следственные действия;
- применять меры процессуального принуждения;
- получать сведения независимо от желания иных лиц.

Адвокат такими полномочиями не обладает. Он может получить информацию только при добровольном предоставлении её соответствующими лицами либо организациями.

Кроме того, сведения, полученные адвокатом самостоятельно, требуют дополнительной процессуальной оценки для признания их доказательственным материалом.

Именно это обстоятельство создаёт основное противоречие: *адвокат имеет право участвовать в доказывании, но его возможности по формированию доказательственной базы не являются равными возможностям стороны обвинения.*

Промежуточный вывод по 2.1

На мой взгляд, наиболее обоснованным является подход, согласно которому адвокат может рассматриваться как субъект доказывания, однако обладающий особым, ограниченным процессуальным статусом.

В отличие от органов расследования адвокат не наделён государственно-властными полномочиями, однако его деятельность непосредственно связана с формированием доказательственной позиции стороны защиты.

Следовательно, основная проблема заключается не в отсутствии у адвоката статуса субъекта доказывания, а в несоответствии между формальным признанием его прав и фактическими возможностями реализации этих прав.

2.2. Полномочия адвоката при собирании доказательств

После определения места адвоката среди субъектов доказывания необходимо рассмотреть, какие именно возможности предоставляет ему уголовно-процессуальное законодательство для участия в формировании доказательственной базы.

Одним из основных элементов доказывания является собирание доказательств. Согласно статье 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации доказательства могут собираться различными участниками уголовного процесса. При этом защитник наделён правом собирать доказательства путём получения предметов, документов и иных сведений, опроса лиц с их согласия, а также истребования документов от организаций и государственных органов.

Таким образом, законодатель признаёт за адвокатом возможность принимать участие в формировании доказательственной базы стороны защиты. Однако способы такого участия отличаются от способов, которыми располагают органы расследования.

Следователь и дознаватель получают доказательства преимущественно через проведение следственных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законом. Адвокат же действует другими способами: получает документы, собирает сведения, взаимодействует с лицами, обладающими необходимой информацией, а также привлекает специалистов.

Именно различие в механизмах получения информации является одной из главных особенностей положения адвоката в процессе доказывания.

2.2.1. Получение предметов, документов и иных сведений

Одним из основных способов участия адвоката в доказывании является получение документов и иных сведений, которые могут иметь значение для уголовного дела.

Например, защитник может получить документы, подтверждающие обстоятельства, важные для позиции обвиняемого: характеристики личности, сведения о состоянии здоровья, документы о месте работы, финансовые документы и иные материалы.

Полученные сведения могут использоваться адвокатом для:

- подтверждения позиции защиты;
- опровержения доводов обвинения;
- выявления обстоятельств, смягчающих ответственность лица;
- подготовки ходатайств и жалоб.

Однако возникает важная проблема.

Сам факт получения информации адвокатом ещё не означает автоматического превращения этой информации в доказательство. Материалы, представленные защитником, должны быть оценены и приобщены к материалам уголовного дела в установленном порядке.

Именно здесь проявляется различие между положением адвоката и органов расследования. Следователь получает информацию в рамках предусмотренных законом процессуальных действий, а адвокат в большинстве случаев получает сведения вне такой процедуры.

Некоторые исследователи отмечают, что именно отсутствие равного механизма закрепления полученной информации является одной из причин дискуссий о полноценном статусе адвоката как субъекта доказывания.

2.2.2. Адвокатский запрос как способ получения информации

Одним из практических инструментов деятельности адвоката является адвокатский запрос.

Данный механизм позволяет защитнику получать документы и сведения, необходимые для оказания квалифицированной юридической помощи.

Адвокатский запрос особенно важен в тех случаях, когда необходимая информация находится у организаций или государственных органов.

Например, адвокат может запросить:

- документы;
- справки;
- сведения о лице;
- информацию, необходимую для проверки обстоятельств дела.

Однако эффективность данного инструмента зависит от возможности фактического получения информации. На практике могут возникать проблемы, связанные с отказом в предоставлении сведений, ограничениями доступа к информации и необходимостью дополнительного подтверждения правомерности запроса.

Поэтому адвокатский запрос является важным способом участия защитника в доказывании, но его возможности пока не полностью равнозначны возможностям органов расследования.

2.2.3. Опрос лиц с их согласия

Ещё одним способом собирания информации адвокатом является опрос лиц с их согласия.

Данный механизм позволяет защитнику получать сведения от очевидцев, специалистов и других лиц, которые могут обладать информацией, имеющей значение для дела.

Однако опрос отличается от допроса.

При проведении допроса следователь действует в рамках уголовно-процессуальной процедуры:

- лицо предупреждается об ответственности;
- составляется протокол;
- соблюдаются специальные процессуальные правила.

Адвокат таких полномочий не имеет.

Он может только получить информацию при добровольном согласии лица.

Именно поэтому сведения, полученные адвокатом при опросе, вызывают научные споры. С одной стороны, они позволяют защите самостоятельно искать информацию. С другой стороны, отсутствие полноценной процессуальной формы может влиять на дальнейшую оценку таких сведений.

2.2.4. Использование специальных знаний

Современный уголовный процесс всё чаще требует использования специальных знаний.

В связи с этим адвокат может привлекать специалистов для получения заключений и консультаций.

Использование специалиста позволяет стороне защиты:

- проверить выводы обвинения;
- обнаружить ошибки в исследованиях;
- получить дополнительную информацию по сложным вопросам.

Однако и здесь существует проблема.

Заключение специалиста, полученное по инициативе защиты, не всегда автоматически воспринимается так же, как заключение, полученное в рамках официального процессуального действия.

Исследователи отмечают, что порядок использования специальных знаний стороной защиты требует дальнейшего совершенствования, поскольку возможность привлечения специалиста является одним из важных способов обеспечения равенства сторон.

Вывод по подразделу 2.2

Таким образом, адвокат обладает достаточно широкими возможностями для участия в собирании доказательств. Закон предоставляет защитнику право получать документы, собирать сведения, опрашивать лиц и использовать помощь специалистов.

Однако данные полномочия имеют определённые ограничения. Главная проблема заключается в том, что адвокат получает информацию преимущественно вне процедуры следственных действий, что может затруднять её дальнейшее использование в качестве доказательств.

Следовательно, современное положение адвоката можно охарактеризовать как участие в доказывании с ограниченными механизмами реализации. Защитник имеет право формировать доказательственную позицию, однако существующий порядок получения и закрепления информации не всегда обеспечивает ему возможности, равные стороне обвинения.

2.3. Проблемы реализации адвокатом статуса субъекта доказывания

Несмотря на закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве права адвоката участвовать в доказывании, практическая реализация данных полномочий продолжает вызывать научные споры.

Основная проблема заключается в существующем различии между формальным статусом адвоката и реальными возможностями его участия в формировании доказательственной базы.

С одной стороны, защитник обладает правом собирать доказательства, представлять их органам расследования и суду, привлекать специалистов и использовать иные предусмотренные законом способы защиты.

С другой стороны, адвокат не обладает теми же процессуальными возможностями, что органы уголовного преследования. Это связано прежде всего с отсутствием у него властных полномочий по получению информации и проведению процессуальных действий.

В результате возникает ситуация, при которой адвокат признаётся участником доказательственной деятельности, однако возможности реализации данного статуса остаются ограниченными.

2.3.1. Проблема равенства возможностей стороны защиты и стороны обвинения

Одной из основных проблем участия адвоката в доказывании является различие процессуальных возможностей сторон.

Принцип состязательности уголовного процесса предполагает, что стороны обвинения и защиты должны иметь возможность самостоятельно отстаивать свою позицию и представлять доказательства.

Однако фактическое положение сторон отличается.

Органы расследования обладают государственными полномочиями, позволяющими им:

- проводить следственные действия;
- получать сведения независимо от желания отдельных лиц;
- использовать меры процессуального принуждения;
- привлекать специалистов в рамках официальной процедуры.

Адвокат такими возможностями не обладает.

Он может получить информацию только:

- при добровольном согласии лица;
- через предоставление документов организациями;
- посредством адвокатского запроса;
- с помощью специалистов.

Таким образом, сторона обвинения получает доказательства через предусмотренную законом процедуру, тогда как защита чаще получает первоначально лишь сведения, которые ещё требуют дополнительного процессуального оформления.

Как отмечают исследователи, именно это различие является одной из причин дискуссий о реальном равенстве сторон в уголовном процессе. Формальное предоставление защитнику права собирать доказательства само по себе не устраняет различие между возможностями защиты и обвинения.

2.3.2. Проблема процессуального закрепления материалов, полученных защитником

Следующей проблемой является вопрос о дальнейшем использовании информации, полученной адвокатом.

На практике адвокат может самостоятельно получить документы, сведения или заключение специалиста. Однако сам факт получения таких материалов ещё не означает их автоматического признания доказательствами.

Полученные защитником материалы должны пройти процедуру проверки и оценки.

Именно здесь возникает одна из главных особенностей положения адвоката.

Следователь, проводя следственное действие, одновременно осуществляет получение и процессуальное закрепление доказательства.

Адвокат же зачастую находится в иной ситуации:

1. сначала получает информацию;
2. затем представляет её следователю или суду;
3. после этого решается вопрос о возможности её использования.

Таким образом, защитник не всегда может самостоятельно обеспечить полный процессуальный путь получения доказательства.

Данное обстоятельство ограничивает самостоятельность адвоката как субъекта доказывания.

Некоторые исследователи указывают, что проблема заключается не в отсутствии у адвоката права собирать информацию, а в недостаточной определённости механизма её последующего использования в уголовном процессе.

2.3.3. Проблема отсутствия полноценного института адвокатского расследования

Одним из наиболее дискуссионных вопросов является возможность развития института адвокатского расследования.

Под адвокатским расследованием обычно понимается самостоятельная деятельность защитника по поиску, получению и анализу информации, необходимой для защиты доверителя.

Сторонники развития данного института считают, что его введение могло бы усилить принцип состязательности и обеспечить более равные возможности сторон.

Основной аргумент заключается в том, что адвокат уже фактически выполняет отдельные элементы расследования:

- ищет информацию;
- устанавливает лиц, располагающих сведениями;
- привлекает специалистов;
- анализирует доказательственную базу обвинения.

Однако отсутствие полноценной процессуальной формы такой деятельности ограничивает возможности защиты.

В то же время введение полноценного адвокатского расследования требует осторожного подхода. Простое копирование зарубежных моделей невозможно, поскольку российский уголовный процесс имеет собственную систему распределения процессуальных функций.

Поэтому более реалистичным направлением является не создание альтернативного расследования, а расширение гарантий участия защитника в существующей модели уголовного процесса.

2.3.4. Проблемы использования специальных и цифровых доказательств

Современное развитие технологий приводит к появлению новых направлений доказательственной деятельности адвоката.

Одним из таких направлений является работа с цифровой информацией.

К цифровым доказательствам могут относиться:

- данные электронных устройств;
- переписка;
- цифровые документы;
- информация из информационных систем.

Для защиты такие материалы могут иметь большое значение, поскольку позволяют проверять позицию обвинения и выявлять обстоятельства, подтверждающие невиновность либо смягчающие ответственность.

Однако цифровые доказательства создают дополнительные сложности:

- необходимость специальных знаний;
- вопросы достоверности информации;
- сложность самостоятельного получения данных;
- зависимость от технических специалистов.

Аналогичная проблема возникает при использовании заключений специалистов.

Адвокат может привлечь специалиста, однако вопрос о дальнейшем процессуальном значении такого заключения остаётся дискуссионным.

Таким образом, развитие современных технологий одновременно расширяет возможности защиты и создаёт новые требования к профессиональной деятельности адвоката.

Вывод по подразделу 2.3

Проведённый анализ показывает, что основная проблема статуса адвоката как субъекта доказывания заключается не в отсутствии у него соответствующих прав, а в ограниченности механизмов их реализации.

Адвокат обладает возможностью участвовать в формировании доказательственной позиции стороны защиты, однако его полномочия существенно отличаются от полномочий органов расследования.

Ключевыми проблемами остаются:

- различие возможностей сторон обвинения и защиты;
- сложности процессуального закрепления материалов, полученных адвокатом;
- отсутствие полноценного механизма адвокатского расследования;
- необходимость совершенствования работы с современными видами доказательств.

Следовательно, дальнейшее развитие института адвоката как субъекта доказывания должно быть связано не только с расширением формальных прав защитника, но и с созданием эффективных механизмов их практического осуществления.

2.4. Направления совершенствования правового положения адвоката как субъекта доказывания

Проведённый анализ показывает, что современное уголовно-процессуальное законодательство признаёт адвоката участником доказательственной деятельности. Защитник обладает правом собирать сведения, представлять документы и предметы, привлекать специалистов и использовать полученную информацию для защиты интересов доверителя.

Однако существующий механизм реализации данных полномочий не всегда позволяет адвокату выступать как равноправному участнику процесса доказывания. Основная проблема заключается в различии между закреплёнными законом возможностями защиты и фактическими условиями их реализации.

В связи с этим совершенствование положения адвоката как субъекта доказывания должно быть направлено не только на расширение его прав, но и на создание более эффективных механизмов их практического использования.

2.4.1. Совершенствование порядка представления доказательств стороной защиты

Одним из направлений совершенствования может стать развитие механизма представления доказательств, полученных адвокатом.

В современных условиях защитник вправе самостоятельно собирать сведения, однако дальнейшее использование таких материалов зависит от их оценки органами расследования или судом.

Представляется необходимым обеспечить более чёткий порядок рассмотрения материалов, представленных стороной защиты.

Такой порядок должен включать:

- обязательное рассмотрение представленных защитой материалов;
- мотивированное решение об отказе в их принятии или использовании;
- возможность эффективного обжалования такого решения.

Это позволило бы снизить ситуацию, когда информация, полученная защитником, фактически не получает надлежащей оценки только из-за особенностей её получения.

При этом речь не идёт о предоставлении адвокату полномочий государственных органов. Основная цель заключается в обеспечении равного отношения к доказательственной информации, представленной обеими сторонами.

2.4.2. Развитие института адвокатского запроса

Одним из наиболее важных инструментов деятельности адвоката является адвокатский запрос.

Данный механизм позволяет защитнику получать сведения, необходимые для оказания квалифицированной юридической помощи. Однако практика показывает, что эффективность адвокатского запроса зависит от готовности организаций и должностных лиц предоставить необходимую информацию.

В связи с этим возможно дальнейшее совершенствование данного института.

К возможным направлениям относятся:

- повышение ответственности за необоснованный отказ в предоставлении информации;
- совершенствование порядка рассмотрения запросов;
- обеспечение более быстрого получения сведений, имеющих значение для защиты.

Развитие адвокатского запроса позволит повысить самостоятельность защитника при формировании доказательственной позиции и уменьшить зависимость стороны защиты от возможностей органов расследования.

2.4.3. Совершенствование использования специальных знаний стороной защиты

Современное уголовное судопроизводство всё чаще требует использования специальных знаний.

Адвокат уже обладает возможностью привлекать специалистов, однако практическое значение таких заключений и консультаций остаётся одной из дискуссионных проблем.

Для повышения эффективности данного направления возможно:

- более чёткое регулирование порядка использования заключений специалистов;
- обеспечение равного отношения к заключениям специалистов, представленным сторонами;
- развитие практики привлечения независимых специалистов стороной защиты.

Это особенно важно в делах, где для оценки доказательств необходимы специальные знания:

- технические;
- медицинские;
- финансовые;
- цифровые.

Расширение возможностей защиты в данной сфере позволит повысить качество проверки доказательственной информации и обеспечить более объективное рассмотрение уголовного дела.

2.4.4. Возможное развитие элементов адвокатского расследования

Одним из наиболее спорных направлений совершенствования является развитие института адвокатского расследования.

Полноценное внедрение данной модели требует серьёзного изменения уголовно-процессуального законодательства, поскольку российская система традиционно строится на ведущей роли государственных органов расследования.

Однако отдельные элементы адвокатского расследования уже существуют.

К ним можно отнести:

- поиск информации;
- получение документов;
- взаимодействие со специалистами;
- анализ доказательственной базы;
- установление лиц, располагающих значимой информацией.

Поэтому перспективным направлением может быть не создание полностью самостоятельного расследования защитника, а постепенное расширение процессуальных гарантий уже существующих полномочий адвоката.

Такой подход позволит сохранить баланс между интересами государства и необходимостью обеспечения эффективной защиты.

2.4.5. Развитие возможностей защиты при работе с цифровыми доказательствами

Отдельного внимания требует вопрос участия адвоката в работе с цифровыми доказательствами.

Современные уголовные дела всё чаще связаны с использованием:

- электронных устройств;
- цифровых документов;
- данных информационных систем;
- электронной переписки.

Для эффективной защиты адвокату необходимо иметь возможность не только знакомиться с такими материалами, но и полноценно участвовать в их проверке.

Возможными направлениями развития являются:

- повышение доступности специалистов для стороны защиты;
- развитие методик проверки цифровых данных;
- совершенствование правил представления цифровых доказательств.

Это позволит адаптировать статус адвоката к современным условиям уголовного процесса.

Вывод по подразделу 2.4

Таким образом, совершенствование положения адвоката как субъекта доказывания должно быть направлено не на простое увеличение количества его полномочий, а на обеспечение реальной возможности использовать уже предоставленные законом права.

Основными направлениями развития являются:

- совершенствование порядка представления материалов защиты;
- повышение эффективности адвокатского запроса;
- развитие использования специальных знаний;
- расширение элементов адвокатского расследования;
- адаптация деятельности защитника к современным видам доказательств.

Решение указанных проблем позволит укрепить принцип состязательности уголовного процесса и обеспечить более равные возможности сторон при формировании доказательственной позиции.

Вывод по главе 2. Адвокат как субъект доказывания в уголовном процессе

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что адвокат занимает особое место в системе субъектов доказывания уголовного процесса. Его деятельность непосредственно связана с формированием доказательственной позиции стороны защиты, поскольку защитник вправе собирать сведения, представлять документы и предметы, привлекать специалистов и использовать полученную информацию для защиты интересов доверителя.

При этом положение адвоката как субъекта доказывания имеет определённую специфику. В отличие от органов расследования адвокат не обладает государственно-властными полномочиями и не может самостоятельно проводить следственные действия или использовать меры процессуального принуждения. В связи с этим возможности защитника при получении и закреплении доказательственной информации объективно отличаются от возможностей стороны обвинения.

Анализ законодательства и научных подходов показывает, что основная проблема заключается не в отсутствии у адвоката права участвовать в доказывании, а в различии механизмов реализации этого права. Формально защитник обладает достаточно широкими полномочиями, однако на практике возникают сложности при получении информации, представлении материалов и их дальнейшем использовании в качестве доказательств.

Особое значение имеют проблемы, связанные с процессуальным закреплением сведений, полученных адвокатом самостоятельно. Получение документов, проведение опросов, использование заключений специалистов и работа с цифровой информацией являются важными направлениями деятельности защиты, однако существующий порядок их реализации не всегда обеспечивает равные возможности сторон уголовного процесса.

В связи с этим совершенствование положения адвоката как субъекта доказывания должно быть направлено прежде всего на повышение эффективности уже существующих механизмов. К таким направлениям относятся развитие института адвокатского запроса, совершенствование порядка рассмотрения материалов, представленных защитой, расширение возможностей использования специальных знаний и дальнейшее развитие элементов адвокатского расследования.

Таким образом, адвокат может рассматриваться как самостоятельный субъект доказывания в уголовном процессе, однако его статус отличается от статуса органов уголовного преследования. Главной задачей дальнейшего развития уголовно-процессуального законодательства является обеспечение не только формального признания прав защитника, но и создание условий для их реального осуществления.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что адвокат занимает важное место в системе субъектов доказывания уголовного процесса. Его деятельность направлена не только на защиту прав и интересов обвиняемого, но и на активное участие в формировании доказательственной позиции стороны защиты.

В ходе исследования было установлено, что современное уголовно-процессуальное законодательство предоставляет адвокату ряд полномочий, позволяющих участвовать в процессе доказывания. Защитник вправе собирать сведения, получать документы и предметы, опрашивать лиц с их согласия, привлекать специалистов, а также представлять полученные материалы органам расследования и суду.

Вместе с тем анализ законодательства и научных подходов показал, что статус адвоката как субъекта доказывания остаётся дискуссионным. Основная проблема за-

ключается в существовании различия между формальным закреплением прав защитника и возможностями их практической реализации.

В отличие от органов уголовного преследования адвокат не обладает государственно-властными полномочиями и не может самостоятельно проводить следственные действия или применять меры процессуального принуждения. В связи с этим возможности защиты при получении и закреплении доказательственной информации являются более ограниченными.

Исследование научной литературы позволило выявить основные проблемные направления участия адвоката в доказывании. К ним относятся:

- отсутствие равных возможностей сторон при формировании доказательственной базы;
- сложности использования материалов, самостоятельно полученных защитником;
- недостаточная эффективность механизма адвокатского запроса;
- проблемы использования заключений специалистов;
- необходимость адаптации деятельности адвоката к развитию цифровых доказательств.

При этом следует отметить, что проблема заключается не в отсутствии у адвоката права участвовать в доказывании. Современное законодательство уже признаёт за защитником возможность осуществлять деятельность, связанную с получением и представлением доказательственной информации. Основным вопросом остаётся обеспечение реальной возможности использовать данные полномочия на практике.

В целях совершенствования положения адвоката как субъекта доказывания целесообразно дальнейшее развитие механизмов реализации его процессуальных прав. К возможным направлениям относятся совершенствование порядка представления и рассмотрения материалов, полученных стороной защиты, повышение эффективности адвокатского запроса, расширение возможностей использования специальных знаний и развитие отдельных элементов адвокатского расследования.

Таким образом, адвокат может рассматриваться как самостоятельный субъект доказывания в уголовном процессе, однако его статус отличается от статуса органов уголовного преследования. Перспективным направлением развития уголовно-процессуального законодательства является не только расширение формальных полномочий защитника, но и создание условий для их практического осуществления.

Обеспечение реального равенства возможностей сторон является одним из ключевых условий реализации принципа состязательности уголовного процесса и повышения эффективности защиты прав участников уголовного судопроизводства.

Литература:

1. Самаркин, П. А. Анализ прав защитника как субъекта доказывания в контексте уголовно-процессуального законодательства / П. А. Самаркин. // Право и государство: теория и практика. — 2025. — № 5. — С. 596–597.

2. Ремизова, М. С. К вопросу о процессуальной форме собирания доказательств адвокатом в уголовном судопроизводстве / М. С. Ремизова. // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2022. — № 6. — С. 202–210.
3. Малышева, О. А. Процессуальная форма участия защитника в доказывании в досудебном производстве требует оптимизации / О. А. Малышева. // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — № 5. — С. 123–131.
4. Павлов, И. М. Полномочия защитника по участию в процессе доказывания по уголовному делу / И. М. Павлов. // Образование и право. — 2021. — № 11. — С. 250–253.
5. Майко, Д. П. Полномочие адвоката по собиранию доказательств в Российской Федерации путем направления адвокатского запроса: анализ, проблемы и пути их решения / Д. П. Майко. // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 4. — С. 490–491.
6. Шейфер, С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография / С. А. Шейфер. // Норма. — 2022. — С. 112.
7. Лазарева, В. А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для вузов / В. А. Лазарева. // Юрайт. — 2024. — С. 302.

Стадия возбуждения уголовного дела: современные теоретические дискуссии и проблемы правоприменения

Резинков Денис Александрович, студент
Московский университет «Синергия»

В работе представлен всесторонний обзор теоретических и прикладных аспектов стадии возбуждения уголовного дела в российском праве. Автор анализирует дискуссионные вопросы, касающиеся сущности доследственной проверки, объёма допустимых проверочных мероприятий и правового положения участников процесса. Особый акцент сделан на проблеме систематических отказов в возбуждении дел, а также на влиянии цифровых технологий на деятельность правоохранительных структур. В статье сформулированы рекомендации по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, инициирование уголовного преследования, доследственная проверка, процессуальные действия, цифровизация, защита прав граждан, законность.

Введение

Стадия возбуждения уголовного дела выступает отправной точкой отечественного уголовного процесса, выполняя роль своеобразного «правового барьера». Данный институт призван сбалансировать две задачи: оперативное реагирование на криминальные проявления и предотвращение неоправданного вмешательства в права и свободы граждан. Тем не менее, в современной юридической науке и правоприменении этот этап досудебного производства остаётся дискуссионным. Ряд законодательных реформ последних лет не только не разрешил имеющиеся противоречия, но и создал новые вызовы, требующие глубокого научного анализа.

Теоретический диспут о судьбе стадии

Дискуссия о целесообразности стадии

В современной процессуальной науке сложились две диаметрально противоположные позиции относительно будущего стадии возбуждения уголовного дела.

Сторонники радикальных преобразований (например, А. С. Александров, Б. Я. Гаврилов) выступают за упразднение данного этапа, ссылаясь на опыт зарубежных госу-

дарств. Их позиция базируется на том, что наличие предварительной проверки необоснованно затягивает сроки, создаёт избыточную бюрократическую нагрузку и препятствует доступу потерпевших к правосудию. По их мнению, уголовное преследование должно инициироваться автоматически сразу после фиксации сообщения о преступлении.

Их оппоненты — представители консервативного подхода (В. Н. Григорьев, С. Б. Россинский) — настаивают на сохранении данного института. Они полагают, что отмена «фильтра» в условиях российской правовой действительности спровоцирует резкий рост необоснованных уголовных дел, возбуждаемых по надуманным или гражданско-правовым спорам. Это не только перегрузит следственные органы, но и приведёт к массовым нарушениям прав граждан, вовлечённых в уголовный процесс без достаточных оснований.

Трансформация доследственной проверки

Одной из острых проблем правоприменения является фактическое превращение доследственной проверки в полноценное предварительное расследование. Законодатель планомерно расширяет перечень следственных действий, допустимых в рамках ст. 144 УПК РФ до момента официального возбуждения уголовного дела

Такая законодательная конструкция создаёт серьёзное правовое противоречие. По сути, проверочные мероприятия по своему объёму и значимости для сбора доказательств практически не отличаются от полноценных следственных действий. Однако процессуальная защита граждан, в отношении которых проводятся эти проверки, остаётся крайне слабой по сравнению с правами подозреваемого или обвиняемого. В частности, при назначении экспертизы до возбуждения уголовного дела человек часто лишён возможности заявить отвод эксперту или предложить свои вопросы, так как его статус в законе чётко не прописан.

Проблема «бесконечных отказов» и сокрытия преступлений

Одной из самых болезненных тем остаётся законность постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. Ежегодно прокуроры выявляют сотни тысяч нарушений на этой стадии.

В работе правоохранительных органов прочно закрепились практика «циклических отказов». Пытаясь уложиться в сжатые процессуальные сроки при нехватке доказательств, следователь выносит необоснованное постановление об отказе. Прокуратура отменяет его, возвращая материал на доработку. Из-за перегруженности следователь не успевает провести реальную проверку и снова выносит аналогичное решение. Этот замкнутый круг приводит к затягиванию процесса и нарушает право потерпевших на доступ к правосудию, гарантированное 52-й статьёй Конституции РФ

Вызовы цифровой эпохи

Стремительный рост киберпреступности — одна из главных примет нашего времени. Дистанционные хищения средств с банковских счетов занимают значительную часть в структуре преступности.

Специфика цифровых улик в том, что они легко стираются или меняются, а сами преступления часто носят трансграничный характер. Действующая бюрократическая система, основанная на бумажном документообороте, не справляется с такими вызовами. Пока следова-

тель ждёт ответов на запросы от банков или провайдеров, которые могут идти неделями, преступники успевают вывести деньги и уничтожить следы. Отсутствие оперативного электронного обмена данными между госорганами и частным сектором на стадии проверки сообщений о преступлениях делает процесс принятия решений критически медленным.

Выводы и рекомендации по оптимизации уголовно-процессуального законодательства

Анализ текущего состояния досудебного производства свидетельствует о том, что стадия возбуждения уголовного дела требует не упразднения, а качественного реформирования. Для устранения выявленных правовых коллизий предлагаются следующие меры:

Оптимизация проверочных мероприятий: законодательно ограничить перечень действий до возбуждения дела исключительно неотложными следственными мероприятиями (осмотр места происшествия, освидетельствование). Проведение полномасштабных судебных экспертиз на данном этапе следует исключить, за исключением случаев, когда они критически необходимы для подтверждения факта совершения преступления (например, установление степени тяжести вреда здоровью или идентификация веществ).

Борьба с необоснованным затягиванием сроков: внедрить в УПК РФ механизм противодействия практике многократных отказов в возбуждении дела. В случае повторной отмены прокурором постановления об отказе, материалы должны направляться вышестоящему руководителю следственного органа для проведения служебной проверки в отношении должностного лица, допустившего волокиту.

Цифровизация взаимодействия: закрепить на законодательном уровне обязанность банков и операторов связи отвечать на электронные запросы следователя в рамках ст. 144 УПК РФ в течение 24 часов, если запрос касается фиксации доказательств киберпреступлений.

Данные преобразования позволят сбалансировать начальный этап уголовного процесса, повысить эффективность раскрытия преступлений и обеспечить строгое соблюдение законности.

Литература:

1. Александров, А. С., Грачев, С. А. Концепция ликвидации досудебного производства в уголовном процессе: за и против // Государство и право. — 2022. — № 4. — С. 112–121. (В статье аргументируется позиция о том, что существующий порядок возбуждения дела препятствует эффективному расследованию).
2. Россинский, С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность, правовая природа и соотношение отдельных этапов. — М.: Норма, 2024. — 208 с.
3. Григорьев, В. Н. Стадия возбуждения уголовного дела — необходимый правовой фильтр // Законность. — 2021. — № 9. — С. 34–38.

Вопросы обеспечения конституционного права на квалифицированную юридическую помощь

Салманова Амина Бахрузовна, студент

Научный руководитель: Балашкина Ирина Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье исследуется трансформация современного содержания конституционного права Российской Федерации сквозь призму реализации конституционных прав граждан. Особый акцент сделан на праве на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституции РФ) и проблемах его practical обеспечения для специфической категории субъектов — участников специальной военной операции (СВО). На основе анализа нормативных правовых актов, позиций Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и мнений ведущих правоведов выявляются дефекты правового регулирования, предлагается авторская классификация доктринальных подходов и комплекс практических решений по гармонизации конституционного текста и правоприменительной реальности.

Ключевые слова: конституционное право, конституционные ценности, права человека, квалифицированная юридическая помощь, специальная военная операция, Конституционный Суд, судебный конституционализм.

Issues regarding the guarantee of the constitutional right to qualified legal assistance

The article examines the transformation of the modern content of the constitutional law of the Russian Federation through the prism of the realization of citizens' constitutional rights. Particular emphasis is placed on the right to receive qualified legal assistance (Article 48 of the Constitution of the Russian Federation) and the problems of its practical provision for a specific category of subjects — participants in the special military operation (SMO). Based on the analysis of regulatory legal acts, the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation and the opinions of leading legal scholars, defects in legal regulation are identified, an author's classification of doctrinal approaches and a set of practical solutions for harmonizing the constitutional text and law enforcement reality are proposed.

Keywords: constitutional law, constitutional values, human rights, qualified legal assistance, special military operation, Constitutional Court, judicial constitutionalism.

Конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи

Центральное место в субъектно-защитном элементе занимает ст. 48 Конституции РФ, гарантирующая каждому право на получение квалифицированной юридической помощи. Данное право является уникальным по своей юридической природе: оно относится к категории прав, которые не подлежат ограничению ни при каких обстоятельствах (в соответствии со ст. 56 Конституции РФ), и одновременно выступает фундаментальной гарантией и процессуальной предпосылкой реализации всех остальных прав и свобод — от имущественных до личных.

Современное понимание данного института предполагает, что государство обязано не просто декларировать возможность обращения к юристу, а создать эффективную, доступную и бесперебойно функционирующую систему получения такой помощи. При этом ключевым является критерий «квалифицированности». Согласно устоявшейся позиции Конституционного Суда РФ, под квалифицированной юридической помощью понимается помощь, оказываемая лицами, обладающими специальными профессиональными знаниями и навыками (в первую очередь, адвокатами), при наличии четких стандартов качества и механизмов государственного и кор-

поративного контроля. Тем не менее, в условиях ведения специальной военной операции обнаружилась системная проблема: классические институты бесплатной юридической помощи (БЮП), ориентированные на стандартные категории граждан (малоимущие, инвалиды), оказались организационно и содержательно не готовы к специфическим запросам военнослужащих и членов их семей, что порождает конституционно значимые диспропорции.

А) Актуальность проблемы оказания юридической помощи бойцам СВО

Актуальность проблемы правового обеспечения участников специальной военной операции и членов их семей сегодня вышла на общегосударственный уровень, заняв центральное место в публичной, медийной и научной повестке. В официальных выступлениях Президента РФ В. В. Путина неоднократно подчеркивалось, что защита прав бойцов СВО, обеспечение их всеми мерами поддержки и устранение бюрократических барьеров являются безусловным приоритетом государственной политики [1]. Высокая актуальность данной темы подтверждается также беспрецедентным объемом публикаций в средствах массовой информации, широким резонированием в прессе и экспертных сообществах, где регулярно освещаются случаи правовой неопределенности при получении выплат, статуса ветерана или прохождении воен-

но-врачебных комиссий [2]. Наличие системного кризиса в этой области констатируют и правозащитные институты: согласно докладом Уполномоченного по правам человека в РФ, количество обращений, связанных с защитой прав военнослужащих и мобилизованных граждан, за последние годы увеличилось в несколько раз [3]. Таким образом, неспособность традиционных конституционных механизмов ст. 48 Конституции РФ оперативно и в полном объеме удовлетворить специфический правовой запрос этой группы граждан создает угрозу социальной дестабилизации и требует глубокого научного переосмысления.

Б) Описание проблемы и методология исследования

В качестве методологической основы данного исследования выступает комплекс общенаучных и специальных юридических методов: системно-структурный метод (позволивший рассмотреть право на юридическую помощь

как элемент общей системы национальной безопасности), формально-юридический метод (применявшийся при анализе Федерального закона № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в РФ» и регионального законодательства), а также метод социологического анализа правоприменительной практики (анализ обращений граждан).

Основная проблема заключается в том, что бойцы СВО сталкиваются с уникальным комплексом правовых ситуаций, находящихся на стыке гражданского, трудового, административного и военно-уголовного права, в то время как существующая государственная система БЮП имеет жесткие территориальные и процедурные ограничения. Рядовые адвокаты или сотрудники государственных юридических бюро в регионах зачастую не обладают специальными знаниями в области военного права и военно-врачебной экспертизы.

Таблица 1. Дефекты реализации права на юридическую помощь для участников СВО

Конституционный вызов	Проявление в правоприменительной реальности	Юридические последствия
Территориальный разрыв	Бойцы находятся на линии боевого соприкосновения, а центры оказания БЮП — по месту их постоянной регистрации.	Физическая невозможность своевременного обращения за защитой прав.
Профессиональная асимметрия	Органы БЮП (адвокаты, нотариусы) специализируются на гражданских делах и не знают специфики военного права.	Низкое качество («неквалифицированность») предоставляемой помощи.
Бюрократическая перегрузка	Требование предоставить обширный пакет документов для подтверждения права на бесплатную помощь.	Пропуски процессуальных сроков обжалования актов органов военного управления.

Организационная схема проблемы наглядно демонстрирует, что классическая вертикаль «Гражданин — Адвокат по БЮП» разрывается из-за ведомственных барьеров между Министерством юстиции РФ (курирующим БЮП) и Министерством обороны РФ (которое контролирует доступ к воинским частям, госпиталям и закрытым приказам). В результате комбатанты оказываются в правовом вакууме.

В) Позиции высших судебных инстанций и доктринальная классификация

Анализ правоприменительной и судебной практики показывает, что высшие органы судебной власти — Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ — последовательно отстаивают позицию недопустимости снижения уровня правовой защищенности лиц, выполняющих государственные задачи. Конституционный Суд РФ в своих актах (например, применительно к социальным правам ветеранов боевых действий) неоднократно указывал, что государство обязано гарантировать равенство прав и законных интересов, независимо от формальных организационных процедур [4]. Верховный Суд РФ в своих обзорах судебной практики также ориентирует нижестоящие суды на защиту интересов военнослужащих, указывая на необходимость восстановления пропущенных процессуальных сроков из-за участия в боевых действиях [5].

В академическом сообществе подходы к пониманию современного содержания права на юридическую помощь в контексте СВО можно классифицировать на три основные группы:

1. Институционально-ведомственная группа (представители академических школ ведомственных вузов). Сторонники этого подхода полагают, что юридическая помощь участникам СВО должна оказываться исключительно внутри системы Министерства обороны (через органы военной юстиции, военных прокуроров и командиров частей). Они аргументируют это необходимостью сохранения режима секретности и спецификой военной службы. Однако этот подход критикуется за отсутствие независимости защитников от командования.

2. Корпоративно-адвокатская группа (представители традиционной адвокатуры, ученые МГЮА им. О. Е. Кутафина). Они настаивают на том, что защита прав военнослужащих должна осуществляться независимой адвокатурой в рамках расширения Федерального закона № 324-ФЗ. По их мнению, только независимый адвокат может эффективно противостоять нарушениям со стороны военных чиновников. Минусом является слабая мобильность адвокатов на прифронтовых территориях.

3. Интегративно-государственная группа (сторонники концепции публично-сервисного государства).

Данный подход, активно развивающийся в последние годы, предполагает создание единого межведомственного органа (например, Государственного фонда «Защитники Отечества»), который координирует усилия гражданских адвокатов, военных юристов и органов исполнительной власти, создавая режим «одного окна» для комбатантов. Данный подход наиболее полно отражает современное понимание солидарного конституционализма.

Г) Авторские предложения по решению проблемы

Для преодоления выявленных дефектов и обеспечения реального наполнения ст. 48 Конституции РФ для участников СВО предлагается внедрить комплекс нормативных и организационных мер:

Во-первых, на законодательном уровне необходимо ввести институт «военного адвоката» или специализированного государственного юридического бюро при фонде «Защитники Отечества», сотрудники которого будут проходить обязательную профильную переподготовку по курсу военного права и военно-врачебной экспертизы.

Во-вторых, требуется законодательно закрепить экстерриториальный принцип оказания БЮП участникам СВО. Это позволит военнослужащему или членам его семьи обращаться за бесплатной помощью в государственные органы любого субъекта РФ, независимо от места постоянной регистрации или места дислокации воинской части.

В-третьих, необходимо внедрить защищенные цифровые каналы связи (через портал «Госуслуги» или спе-

циализированные закрытые платформы) для обеспечения возможности дистанционного взаимодействия бойцов, находящихся в зоне СВО, с квалифицированными юристами и нотариусами, решив проблему пропуска процессуальных сроков.

Д) Выводы

Проведенное исследование наглядно демонстрирует глубокое противоречие, характерное для современного этапа развития отечественной правовой системы: текстуально в Конституции РФ закреплена идеальная, высокочеловеческая модель правового государства, гарантирующая каждому абсолютное право на квалифицированную помощь, однако реальное правоприменение сталкивается со сложнейшими организационными, ведомственными и техническими барьерами, которые частично нивелируют эти гарантии для тех, кто сегодня защищает суверенитет страны. Эволюция современного содержания конституционного права требует не изменения текста Основного Закона, а создания гибких, адаптивных правовых механизмов, способных преодолеть разрыв между конституционной декларацией и повседневной реальностью. Только через синергию независимой адвокатуры, цифровых технологий и специализированных государственных институтов возможно обеспечить подлинную, а не формальную реализацию права на квалифицированную юридическую помощь в современных условиях.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. — 04.08.2014. — № 31. — Ст. 4398.
2. Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. — 28.11.2011. — № 48. — Ст. 6725.
3. Авакьян С. А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. / С. А. Авакьян. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. — Т. 1. — 864 с.
4. Зорькин В. Д. Цивилизация права и развитие России / В. Д. Зорькин. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Норма, 2022. — 416 с.
5. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в РФ.

Правовые аспекты регистрации изображения гражданина в качестве товарного знака

Скабелкина Ксения Витальевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Новоселова Людмила Александровна, доктор юридических наук, профессор
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье исследуются правовые аспекты регистрации изображения гражданина в качестве товарного знака в российском и зарубежном правовом порядке. Анализируются доктринальные и судебные подходы к определению понятия «изображение», а также проблемы его коммерческого использования в цифровую эпоху. На основании решений Ведомства по интеллектуальной собственности Европейского союза (EUIPO) и Международной ассоциации товарных знаков (INTA)

автором сформулированы требования, предъявляемые к регистрации «портретных» товарных знаков. Особое внимание уделяется проблемам экспертной оценки заявок в условиях цифровой коммерциализации внешнего облика. На основе сравнительно-правового исследования автором обосновываются предложения по совершенствованию российского законодательства, которое касается разработки специальных критериев оценки внешнего облика человека и уточнение предмета правовой охраны при регистрации подобных обозначений.

Ключевые слова: изображение гражданина, товарный знак, регистрация товарного знака, различительная способность, согласие на использование изображения, «портретный» товарный знак, EUIPO, INTA.

Legal aspects of registering a citizen's image as a trademark

The article examines the legal aspects of registering a citizen's image as a trademark in Russian and foreign legal systems. It analyses doctrinal and judicial approaches to defining the concept of "image," as well as the problems associated with its commercial use in the digital age. Based on the decisions of the European Union Intellectual Property Office (EUIPO) and the International Trademark Association (INTA), the author formulates the requirements for registering "portrait" trademarks. Special attention is paid to the problems of expert assessment of applications in the context of the digital commercialization of appearance. Based on a comparative legal study, the author substantiates proposals for improving Russian legislation concerning the development of special criteria for assessing a person's appearance and clarifying the subject of legal protection when registering such designations.

Keywords: image of a citizen, trademark, trademark registration, distinctive capacity, consent to use the image, "portrait" trademark, EUIPO, INTA.

В эпоху стремительного развития цифровых технологий, открывающих возможности для создания, копирования и неограниченного распространения визуальной информации, изображение гражданина приобретает особое значение. Сегодня оно выступает ключевым инструментом «самопрезентации» личности в интернет-пространстве, сфере медиа и искусства, позволяя человеку индивидуализировать себя в современном мире.

В доктрине сложилось устойчивое понимание изображения как внешнего облика человека. Так, Гринь Е. С. отмечает, что под изображением гражданина принято понимать его внешний облик, то есть все то, что будет достаточным для идентификации самой личности [1, стр. 3]. Останина Е. А. в свою очередь, подчеркивает, что основной функцией изображения является свойство идентифицировать определенного гражданина и запоминаться окружающим [2, стр. 5]. Судебная практика также исходит из того, что изображение человека представляет собой один из главных атрибутов его личности, поскольку демонстрирует уникальные характеристики человека и отличает его от всех остальных [3].

Нормативное закрепление этих свойств содержится в статье 152.1 ГК РФ, которая допускает фиксацию изображения на любых материальных носителях [4].

Обобщая приведенные доктринальные и судебные дефиниции с учетом данной нормы, можно определить изображение как средство идентификации внешнего облика гражданина, зафиксированное на каком-либо материальном носителе.

По своей правовой природе изображение является нематериальным благом и относится к объекту личных неимущественных прав. Как отмечает Останина Е. А. «охраняя личные неимущественные права, обеспечивающие существование гражданина в обществе, в том числе

право на изображение, цивилистика охраняет тем самым социально обусловленную уникальность человеческой личности» [5, стр. 179].

Однако в современном мире неразрывная связь изображения с личностью порождает не только личную, но и значительную экономическую ценность. Яценко Т. С. обоснованно отмечает, что в процессе использования нематериальных благ они позволяют переносить аккумулируемые в них качества, которые ассоциируются с личностью конкретного человека на товар, услугу или иной объект или даже субъекта [6, стр. 18].

В современном мире социальные сети стали неотъемлемой частью жизни, поэтому использование изображения знаменитости в интернет-пространстве с легкостью позволяет создать среди потребителей определенное доверие к тому или иному товару или услуге. С распространением технологии «дипфейк», позволяющей генерировать фото и видео известных лиц в режиме онлайн, эти изображения превратились в ценный ресурс, привлекающий массовые просмотры и оценки. Очевидно, что несанкционированное использование изображения среди неограниченного круга пользователей может причинить правообладателю серьезный вред репутации, а также повлечь убытки. В связи с этим знаменитости вынуждены контролировать использование своих изображений в сети, поскольку подобное вмешательство нарушает как личные права, так и экономические интересы.

Законодательство (пп. 2 п. 9 ст. 1483 ГК РФ) допускает использование чужих изображений исключительно при наличии согласия правообладателя [4]. Нарушение этого требования влечет гражданско-правовую ответственность, которая выражается в компенсации морального вреда и запрете использования изображения.

Однако в условиях коммерческого использования изображения такой способ защиты представляется недостаточно эффективным. Суды, как правило, удовлетворяют требования о компенсации морального вреда в незначительных размерах, вне зависимости от размера причиненных убытков. Более того, согласно разъяснениям Пленума Верховного суда РФ, изложенным в п. 34 Постановления от 23.04.2019 № 10, способы защиты, предусмотренные статьями 1251 и 1252 ГК РФ, не подлежат применению к такому нематериальному благу как изображение, так как его обнародование и дальнейшее использование не относится к интеллектуальным правам в том смысле, который изложен в части четвертой ГК РФ [7]. Таким образом, исходя из изложенного, экономический интерес обладателей изображений остается без надлежащей защиты.

Именно с целью создания личного бренда и эффективной защиты изображений в цифровом пространстве в зарубежных странах все более популярной становится практика регистрации так называемых «портретных» товарных знаков. Обозначением для них может являться как реалистичная фотография, так и стилизованное изображение внешнего облика гражданина.

Показательным примером является подача в этом году певицей Тейлор Свифт в Патентное ведомство США заявки на регистрацию своего голоса и изображения (фотография на сцене с розовой гитарой) в качестве товарных знаков. По мнению экспертов, такая регистрация вызвана необходимостью противодействовать созданию и использованию ее изображений, сгенерированных искусственным интеллектом [8]. В России данная практика не сильно распространена, однако, согласно открытому реестру Федерального института промышленной собственности, зарегистрированные товарные знаки в виде изображений также присутствуют. Например, недавно дагестанский видеоблогер Хасбик зарегистрировал свое изображение в качестве товарного знака (рег. № 1014793).

Главное преимущество такой регистрации заключается в возникновении исключительного (имущественного) права на товарный знак как объект интеллектуальной собственности. Это позволяет защищать свои права и законные интересы в соответствии со статьей 1252 ГК РФ, в частности, заявлять требования о выплате компенсации за его неправомерное использование. Таким образом, регистрация изображения в качестве товарного знака способствует не только созданию личного бренда, но и обеспечивает защиту экономического интереса правообладателя.

Основная сложность при получении свидетельства на такой товарный знак связана с самим процессом регистрации изображения, который следует рассматривать в двух аспектах: регистрация «собственного лица» и регистрация «чужого лица».

В соответствии со статьей 1477 ГК РФ товарным знаком может быть любое обозначение, которое способно индивидуализировать товары и услуги. Гражданский кодекс РФ не содержит специальных ограничений для регистрации

изображений в качестве товарного знака, но и не устанавливает единые требования с учетом специфики такого объекта. Согласно общим требованиям, предъявляемым к заявленному на регистрацию обозначению (статья 1483 ГК РФ), оно должно обладать различительной способностью, а также должны отсутствовать основания для отказа в государственной регистрации товарного знака [4].

В случае регистрации собственного фотоизображения (портрета) соблюдение критерия различительной способности представляется достаточным. Однако ситуация усложняется, если изображение создано иным лицом (автором). Известные лица нередко обращаются к дизайнерам или художникам для создания своего уникального стилизованного портрета. Несмотря на то, что по общему правилу исключительные права на изображение, созданное по заказу, принадлежат заказчику, у Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатента) могут возникнуть объективные сомнения в принадлежности права на изображение именно заявителю.

В связи с этим, во избежание возможных споров с автором созданного им изображения, целесообразно выделить дополнительное требование — приложение к заявке согласия автора (правообладателя) на использование фотографии или рисунка, либо подтверждение наличия у заявителя исключительных прав на данные объекты.

Особую актуальность это требование приобретает при регистрации «чужого лица». Согласно разъяснениям, изложенным в п. 34 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10, произведения, содержащие изображение граждан, охраняются по правилам об объектах авторского права [7]. Кроме того, пп. 2 п. 9 ст. 1483 ГК РФ в качестве основания для регистрации чужого портрета в качестве товарного знака указывает на обязательное получение согласия известного на дату подачи заявки лица либо его наследника [4]. Таким образом, для регистрации чужого портрета в качестве товарного знака необходимы два обязательных согласия: 1) автора изображения (или подтверждение наличия исключительных прав на изображение); 2) самого гражданина, изображенного на нем.

Однако, как показывает зарубежная практика, даже при соблюдении вышеуказанных условий, процедура регистрации сталкивается с трудностями в части установления их различительной способности, а также возможности использования таких изображений для индивидуализации товаров или услуг. Например, Ведомство по интеллектуальной собственности Европейского союза (EUIPO) отклонило заявку голландской модели Пак Шровер на регистрацию своего изображения в качестве товарного знака для 35 и 41 классов МКТУ, сославшись на отсутствие различительной (отличительной) способности. Заявленный знак был признан «естественным изображением лица молодой женщины, не демонстрирующим никаких уникальных или ярких характеристик», что, по мнению экспертов, не позволяет потребителям индивидуализировать услуги и установить источник их коммерческого происхождения. Четвертый апелляционный

совет (BoA), рассмотрев жалобу на данное решение, признал, что фотографическое изображение конкретного лица может восприниматься потребителями как идентификатор происхождения товаров и услуг, и зарегистрировал изображение модели в качестве товарного знака [9].

Решение BoA не только подтвердило способность внешнего облика человека выполнять функцию товарного знака, но и позволило выделить определенные требования, которые необходимы для регистрации изображения. Во-первых, изображение должно обладать способностью отличать товары и услуги одного производителя от другого, при этом отличительным признаком могут выступать уникальные внешние черты определенного лица. Во-вторых, внешние черты лица, особенно известного человека, могут быть зарегистрированы при условии, что они позволяют общественности (потребителям) определить коммерческое происхождение товаров и услуг. Этот критерий должен оцениваться с точки зрения рядового потребителя.

Вместе с тем неизбежно возникают проблемы, связанные с изменением внешнего облика человека (возрастные изменения, последствия аварии, пластическая операция и другие), а также с наличием двойников (близнецов) или обычной схожести между людьми. В таких случаях возникает вполне обоснованный вопрос возможности идентификации товаров или услуг при изменении внешнего облика человека по сравнению с его изображением, уже зарегистрированным в качестве товарного знака.

Ответы на возникающие вопросы предоставила Международная ассоциация товарных знаков (INTA) при рассмотрении дела голландского певца Яна Смита. Как и в случае с Пак Шровер, Ян Смит столкнулся с отказом в регистрации его фотореалистичного изображения на том основании, что изображению не хватает различительной способности, а потому имеет исключительно описательный характер [10]. INTA, рассмотрев дело, сформировала важную позицию в своем решении:

1) Предметом охраны товарного знака является не лицо человека или его подобие в целом, а только конкретное фотореалистичное изображение этого человека, которое существует независимо от изображенного лица (аналогично изображению полковника Харланда Дэвида Сандерса, основателя компании «KFC»).

2) Факт изменения физических характеристик человека не влияет на возможность регистрации конкретного фотореалистичного изображения в качестве товарного знака.

3) Фотореалистичные изображения по умолчанию обладают «врожденной» различительной способностью, однако ее необходимо оценивать в совокупности с конкретным изображением, описанием товаров либо услуг и классами МКТУ.

4) Помимо «врожденной» может быть и «приобретенная» различительная способность, но репутация лица сама по себе недостаточна для ее установления, требуется систематическое использование конкретного заявляемого

обозначения в качестве товарного знака, а не узнаваемость лица в целом.

Таким образом, предоставляемый объем охраны «портретному» товарному знаку достаточно узок: охраняется не внешний вид человека с его уникальными чертами в целом, а только конкретное изображение, сделанное или созданное в определенный период времени. При этом каждое фотореалистичное изображение должно обладать либо «врожденной», либо «приобретенной» различительной способностью.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что современное гражданское законодательство и правоприменительная практика постепенно адаптируются к коммерциализации изображения гражданина. Регистрация портрета в качестве товарного знака позволяет закрепить за правообладателем исключительное право на его использование в коммерческих целях, превращая его в личный бренд и средство индивидуализации определенных товаров или услуг. В случае несанкционированного использования изображения, его регистрация становится эффективным инструментом защиты экономических интересов, позволяя применять способы защиты, предусмотренные частью четвертой ГК РФ.

На основании анализа российского законодательства выделены дополнительные требования к регистрации: «собственного лица», для которого необходимо получение согласия автора изображения (либо подтверждение наличия исключительных прав на изображение) и «чужого лица», для которого дополнительно требуется согласие самого гражданина, изображенного на портрете, или его наследников.

Изучение зарубежной практики позволило сформулировать основные критерии регистрации «портретных» товарных знаков: способность отличать товары или услуги одного производителя от другого (отличительная способность), узнаваемость внешнего облика среди потребителей, позволяющая установить связь между изображением и гражданином как источником происхождения товаров или услуг. При этом предметом охраны признается конкретное зафиксированное изображение, а не внешность человека в целом, что исключает проблемы физического изменения внешнего облика и наличия схожих лиц между собой.

Вместе с тем проведенное исследование позволило выделить недостатки процедуры регистрации, первый из которых заключается в субъективном подходе экспертов, оценивающих по своему внутреннему убеждению уникальность внешнего облика человека и его различительную способность. Вторым недостатком является отсутствие специальных критериев для оценки «портретных» товарных знаков и неконкретизированный предмет охраны, что в совокупности порождает правовую неопределенность и риски необоснованных отказов.

В целях устранения указанных недостатков на основе уже имеющихся положений зарубежной практики представляется целесообразным предложить следующие направления совершенствования российского законодательства и правоприменительной практики. Во-первых, разработать и за-

крепить на уровне рекомендаций Роспатента специальные критерии различительной способности для «портретных» товарных знаков, учитывающие специфику изображения гражданина. Во-вторых, уточнить предмет правовой охраны, касающийся защиты конкретного зафиксированного изображения, а не внешнего облика человека в целом.

Реализация данных предложений позволит повысить правовую определенность в сфере регистрации пор-

третних товарных знаков, сформировать единообразный подход при проведении экспертизы заявки, обеспечить баланс интересов обладателей изображений, авторов и третьих лиц, а также адаптировать российское законодательство к современным вызовам цифровой эпохи, включая противодействие несанкционированному использованию изображений, в том числе генерируемых искусственным интеллектом.

Литература:

1. Гринь Е. С. Виртуальный образ как объект правовой охраны // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. // СПС «КонсультантПлюс». С. 3.
2. Останина Е. А. О договорном механизме приобретения права на использование элементов образа физического лица // Вестник гражданского права. 2025. № 2. // СПС «КонсультантПлюс» С. 5.
3. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14 августа 2024 г. N 88–24030/2024 по делу N 2–3633/2023 (УИД 50RS0052–01–2022–008256–36) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 года № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
5. Останина Е. А. Гражданин как субъект частного права: дис. д-ра юрид. наук: 5.1.3. / Останина Елена Александровна. — Екатеринбург, 2026, С. 179.
6. Яценко Т. С. Парадигма развития гражданско-правового режима нематериальных благ в условиях коммерциализации // Вестник гражданского права. 2026. N 1. // СПС «КонсультантПлюс» С. 18.
7. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
8. The Guardian «Taylor Swift files trademarks for voice and image amid concern over AI misuse». 27.04.2026. (Электронный ресурс) // URL: <https://www.theguardian.com/music/2026/apr/27/taylor-swift-trademarks-voice-image-ai/>.
9. The Case of Puck Schrover's Face as a Trademark. 24.02.2025. (Электронный ресурс) // URL: <https://www.gide.com/en/news-insights/the-case-of-puck-schrover-s-face-as-a-trademark/>.
10. The International Trademark Associations Files Amicus Brief Concerning the Registrability of a Human Face as an EU Trademark. January 9, 2025 (Электронный ресурс) // URL: <https://www.inta.org/news-and-press/press-releases/the-international-trademark-associations-files-amicus-brief-concerning-the-registrability-of-a-human-face-as-an-eu-trademark/>.

Соотношение имени гражданина как нематериального блага и коммерческого актива

Скабелкина Ксения Витальевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Новоселова Людмила Александровна, доктор юридических наук, профессор
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Работа посвящена правовой природе имени гражданина в условиях его активного использования в предпринимательской и творческой деятельности. На основе анализа доктринальных подходов и судебной практики разграничиваются личное неимущественное право на имя и производное от него имущественное право на использование имени. Обосновывается, что коммерческий оборот включает не само имя как нематериальное благо, а право на его использование, возникающее в порядке конститутивного правопреимства. Предлагаются рекомендации по совершенствованию законодательства в части договорного оформления такого права и защиты интересов как обладателя имени, так и пользователя.

Ключевые слова: имя как нематериальное благо, личное неимущественное право на имя, право на использование имени, конститутивное правопреимство, коммерциализация, псевдоним, товарный знак, согласие.

The relationship between a citizen's name as a non-material asset and as a commercial asset

The work is devoted to the legal nature of the citizen's name in terms of its active use in entrepreneurial and creative activities. Based on the analysis of doctrinal approaches and judicial practice, the personal non-property right to a name and the property right

to use a name derived from it are distinguished. It is proved that commercial turnover does not include the name itself as an intangible good, but the right to use it, arising by way of constitutive succession. Recommendations are proposed for improving legislation in terms of contractual registration of such a right and protecting the interests of both the name holder and the user.

Keywords: *name as an intangible asset, personal non-property right to a name, the right to use a name, constitutional succession, commercialization, pseudonym, trademark, consent.*

Имя занимает особое место в жизни каждого человека. С помощью имени гражданин индивидуализирует себя в обществе через присущие именно ему внешние и внутренние характеристики. Как справедливо отмечает Останина Е. А., «имя не только позволяет отличить этого гражданина от всех других, но и связать в памяти окружающих поступки гражданина с его личностью» [1, с. 188]. Яценко Т. С. также указывает на то, что интерес у пользователя вызывает не имя само по себе, а характеристики его носителя — гражданина, которые в глазах общественности ассоциируются с этим именем [2, с. 122]. Именно благодаря устойчивой ассоциативной связи между именем и личностью, имя приобретает не только личную, но и экономическую ценность.

В соответствии с п. 1 ст. 150 ГК РФ имя является неотчуждаемым и непередаваемым нематериальным благом. Однако в п. 4 ст. 19 ГК РФ законодатель допускает использование имени или псевдонима с согласия их обладателя в творческой, предпринимательской или иной экономической деятельности. Предоставленная законодателем возможность использования имени через согласие от его обладателя послужила основанием для возникновения как доктринальных, так и судебных споров относительно возможности использования имени в гражданском обороте [3].

В современной доктрине сложились подходы, разграничивающие личное неимущественное право на имя, предоставленное каждому гражданину от рождения, и имущественное право на использование имени, которое возникает на основании согласия носителя имени и является производным правом. Выявленные учеными отличия позволяют преодолеть кажущееся на первый взгляд противоречие между неотчуждаемостью имени и его вовлечением в гражданский оборот.

Руководствуясь действующим законодательством, актуальной судебной практикой, а также доктринальными концепциями, следует определить соотношение имени как нематериального блага и коммерческого актива, а также предложить направления по совершенствованию правового регулирования в этой сфере.

В соответствии со статьей 19 ГК РФ гражданин приобретает и осуществляет права и обязанности под своим именем, включающим фамилию и собственно имя, а также отчество, если иное не вытекает из закона или национального обычая [3]. При этом законодатель оставляет право за обладателем имени переменить такое имя, использовать как свое, так и вымышленное имя (псевдоним), либо даже чужое имя в предусмотренных законом случаях.

Все предоставленные законом возможности в отношении такого объекта гражданского права как имя реали-

зуются в рамках личного неимущественного права на имя, которое предоставляет абсолютную правовую охрану такого нематериального блага от третьих лиц.

На основании общегражданских норм права имя принадлежит каждому человеку от рождения и не подлежит отчуждению либо передаче из-за неразрывной связи с его носителем. Ю. К. Толстой отмечает, что основным свойством нематериального блага является его неотделимость от личности [4, с. 60].

Как и в статье 19 ГК РФ, статья 1483 ГК РФ прямо указывает на возможность получения согласия на использование имени известного лица иным лицом при осуществлении предпринимательской деятельности, а именно пп. 2 п. 9 статьи 1483 ГК РФ допускает регистрацию товарного знака, тождественного имени известного на дату подачи заявки лица при получении соответствующего согласия такого лица либо его наследника [3].

Этими нормами права законодатель заложил возможность для коммерциализации имени, учитывая то, что за время использования имени в карьерной деятельности оно может трансформироваться в самостоятельный коммерческий актив, имеющий экономическую ценность.

Однако в законе особенности правового регулирования имени в гражданском обороте отсутствуют. Также не определено, что представляет собой это согласие, его правовая форма, условия предоставления и правовые последствия.

В таком случае неизбежно появляется вопрос о предмете сделки, в которой выражено согласие на использование имени. Здесь важно уточнить, что имя как нематериальное благо в силу своей правовой природы не может являться предметом сделки — оно необоротоспособно. Не может являться предметом сделки и право на имя, так как оно является личным неимущественным правом, которое не подлежит передаче иному лицу.

Останина Е. А., используя разработанную Черепаниным Б. Б. теорию конститутивного правопреемства применительно к получению согласия на использование имени, указывает, что гражданин, которому принадлежит личное неимущественное право (право на имя), на его основании вправе создать имущественное право (право на использование имени) и распоряжаться этим правом, в том числе дать согласие на регистрацию товарного знака [5, с. 11–12].

Право на использование имени в таком случае является имущественным правом, которое возникает с момента получения согласия обладателя имени. Именно право на использование имени, как отмечают многие авторы, может являться предметом сделки.

Так, по мнению Т. С. Яценко, право использовать определенные аспекты личности (в том числе имени) для извлечения дохода следует рассматривать как самостоятельное имущественное право, связанное с неимущественным благом и первоначально принадлежащим носителю самого блага [6, с. 4]. Это имущественное право возникает на основании согласия правообладателя и является производным от личного права. Его ключевая особенность — оборотоспособность: оно может быть предметом как возмездных, так и безвозмездных договоров, переходить по наследству и защищаться как имущественное право.

При этом, предоставленное согласие в силу статей 19 и 150 ГК РФ не означает передачи самого личного неимущественного права — оно остается у гражданина в полном объеме.

Таким образом, создается коллизия в правовом регулировании: одно и то же имя может одновременно охраняться как нематериальное благо (объект личного неимущественного права), и как объект имущественного права, которое может выступать в роли коммерческого актива.

В связи с тем, что закон не дает ответ на вопрос о соотношении данных объектов, следует обратиться к судебной практике. Наиболее показательным с точки зрения разграничения личного неимущественного права на имя и производного имущественного права на его использование является дело, связанное с известным конструктором оружия Калашниковым М. Т.

При жизни Калашников М. Т. заключил договор с ликероводочным заводом «Глазовский», по которому разрешил заводу использовать свою фамилию в предпринимательской деятельности и зарегистрировать соответствующий товарный знак. В свою очередь завод принял на себя обязательства по выплате конструктору ежегодного вознаграждения. Спор вызван тем, что после смерти Калашникова М. Т. завод перестал выплачивать вознаграждение, ссылаясь на то, что право на имя «Калашников» прекратилось со смертью обладателя как неразрывно связанное с его личностью и не подлежащее передаче [7].

Верховный суд РФ, разрешая данный спор, сформулировал следующую правовую позицию: право на использование имени гражданина в предпринимательской деятельности может быть предоставлено только носителем этого имени, однако требование встречного предоставления по договору по уплате денежных средств может перейти к его наследникам. Суд указал, что право на имя принадлежит конкретному лицу в период его жизни, неотчуждаемо и непередаваемо, в том числе в порядке наследования. При этом, в отличие от права на имя, из закона не следует, что право на использование имени прекращается со смертью лица, которому оно принадлежит, если иное не предусмотрено соглашением сторон.

Данное разграничение имеет принципиальное значение. С одной стороны, суд подтвердил, что личное неимущественное право на имя не переходит по наследству и прекращается смертью его носителя. С другой стороны, суд признал, что на основании согласия обладателя имени

возникает самостоятельное имущественное право на использование имени, которое может являться предметом договора и порождать обязательства, сохраняющиеся и после смерти правообладателя. Как справедливо отмечает Е. А. Останина, комментируя данное определение: «обладатель права на имя вправе создать имущественное право — право на использование имени» [5, с. 13].

Таким образом, в деле «Калашникова» Верховный Суд РФ подтвердил возникновение имущественного права на использование имени в гражданском обороте, которое отличается от личного неимущественного права на имя, но является производным от него.

Данный судебный акт не только разграничил имущественное право на использование имени от личного неимущественного права на имя, но и создал основу для развития договорных форм коммерциализации имени.

Таким образом, исходя из проанализированных норм права и судебной практики, обладатель имени вправе как самостоятельно использовать имя в своей деятельности на основании принадлежащего ему личного неимущественного права на такое имя, так и предоставлять согласие на возмездной основе иным лицам на использование своего имени в их предпринимательской деятельности, в том числе для регистрации тождественного имени товарного знака, на основании созданного имущественного права на использование такого имени.

Как уже отмечалось ранее, в действующем законодательстве отсутствует определение формы и содержания согласия на использование имени, не установлены пределы и условия использования имени, что порождает неопределенность в отношениях между обладателем имени и пользователем.

Е. А. Останина указывает, что согласие может быть выражено как в форме односторонней сделки, так и в форме договора, который является совокупностью согласий его участников [5, с. 18].

Представляется, что договорная модель является более предпочтительной, так как позволяет исключить споры о действительности и объемах согласия на использование имени, а с учетом интересов обладателя имени и его пользователя позволяет детально урегулировать условия, способы и пределы его использования. При этом, соглашаясь с Останиной Е. А., к такому договору по аналогии закона можно применить нормы о лицензионном договоре, которые установлены в статье 1235 ГК РФ. В таком случае аналогия закона, а не прямое применение, вызвано тем, что предметом такого договора в отличие от лицензионного будет являться не исключительное право, а имущественное право на использование имени, которое не является результатом интеллектуальной деятельности, но имеет с ним сходство по режиму использования.

В связи с наличием сходства по режиму использования, представляется возможным также по аналогии закона к отношениям, возникающим по поводу использования имени применить отдельные нормы об интеллектуальных правах, которые касаются защиты исключительных прав

(1252 ГК РФ), что позволит пресечь действия, нарушающие право на использование имени, возместить ущерб или выплатить компенсацию, а также совершать иные действия по защите такого права.

Таким образом, на основании проведенного анализа можно предложить следующие направления совершенствования законодательства в целях устранения текущих пробелов:

1) Закрепить в ГК РФ имущественное право на использование имени как производного от личного неимущественного права на имя, которое возникает на основании согласия обладателя имени и подлежит передаче по договору.

2) Закрепить в ГК РФ новый вид договора: договор о предоставлении права на использование имени, с указанием на обязательную письменную форму, без соблюдения которой такой договор будет являться недействительным. В качестве существенных условий договора наряду с предметом (право на использование имени), предусмотреть: срок действия, способы и пределы использования имени, территорию, на которую распространяется право использования, размер и порядок выплаты вознаграждения.

3) К отношениям, возникающим по поводу использования имени применить по аналогии закона отдельные нормы об интеллектуальных правах, которые касаются защиты исключительных прав (1252 ГК РФ). При существенном нарушении условий договора предоставить право обладателю имени на односторонний отказ от такого договора.

4) Закрепить на законодательном уровне правило о том, что предоставленное согласие на использование имени не лишает его обладателя использовать свое имя как в личных целях, так в своей творческой либо предпринимательской деятельности.

Исходя из изложенного, имя гражданина имеет многоаспектную правовую природу. С одной стороны, это неотчуждаемое нематериальное благо, охраняемое личным

неимущественным правом, которое принадлежит каждому человеку от рождения и неразрывно связано с его личностью. С другой стороны, имя может обладать экономической ценностью и выступать в качестве коммерческого актива через производное имущественное право на его использование.

Современные доктринальные концепции, опираясь на теорию конститутивного правопреемства, разграничивают указанные правовые режимы и обосновывают возможность создания на основе личного права оборотоспособного имущественного права без умаления нематериального блага. Дело Калашникова М. Т. подтверждает, что судебная практика поддерживает это разграничение, признавая за обладателем имени возможность создания самостоятельного имущественного права на использование имени, которое может являться предметом договора и порождать обязательства, сохраняющиеся и после смерти правообладателя.

Однако действующее законодательство, несмотря на предоставленные в статьях 19 ГК РФ и 1483 ГК РФ возможности для коммерциализации имени, не устанавливает правовое регулирование отношений по его использованию. Предлагаемое введение в ГК РФ новой конструкции договора о предоставлении права на использование имени с указанием на обязательную письменную форму и четким перечнем существенных условий (предмет, срок, способы и пределы использования, территория, размер и порядок выплаты вознаграждения) позволит устранить существующие пробелы и исключить споры о действительности и объемах согласия на использование имени. Вместе с тем предлагаемые способы защиты права на использование имени, а также право обладателя имени на односторонний отказ от договора, позволят создать баланс, сочетающий охрану личного права на имя и его коммерческим использованием в гражданском обороте через производное от него имущественное право.

Литература:

1. Останина Е. А. Гражданин как субъект частного права: дис. д-ра юрид. наук: 5.1.3. / Останина Елена Александровна. — Екатеринбург, 2026, С. 188.
2. Яценко Т. С. Имя физического лица как предмет сделки: от критики до признания в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2022. N 3. С. 122.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 года № 51-ФЗ/ СПС «КонсультантПлюс».
4. Толстой Ю. К. Кодификация гражданского законодательства в СССР: Издательская группа «Закон», 2022. С. 60.
5. Останина Е. А. О договорном механизме приобретения права на использование элементов образа физического лица // Вестник гражданского права. 2025. № 2. // СПС «КонсультантПлюс» С. 11,12, 18.
6. Яценко Т. С. Парадигма развития гражданско-правового режима нематериальных благ в условиях коммерциализации// Вестник гражданского права. 2026. N 1. // СПС «КонсультантПлюс» С. 4.
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22 марта 2022 г. № 43-КГ21–7-К6// СПС «КонсультантПлюс».

Проблемы реализации целей наказания при назначении наказания в виде лишения свободы за совершение преступлений экономической направленности

Смирнов Владислав Юрьевич, студент

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

В представленной статье рассмотрены проблемы реализации целей наказания и исправления лица, приговоренного к наказанию в виде лишения свободы за совершение уголовного экономического преступления. Автором проанализированы основные виды экономических преступлений, цели наказания и исправления, предусмотренные уголовным и уголовно-исполнительным законодательством. На основе данного исследования выявлены проблемы реализации данного вида наказания и предложены перспективные изменения в действующее законодательство о применении конкретных видов наказаний за совершение экономических преступлений.

Ключевые слова: экономические преступления, наказание, лишение свободы.

Борьба с экономической преступностью является одним из приоритетных и главных направлений правоохранительных органов. Не смотря на развитие и стабилизацию экономики государства в целом, преступления данной направленности совершаются достаточно часто. Так, в 2024 году правоохранительными органами (в лице ЭБиПК — подразделение экономической безопасности и противодействия коррупции) было совершено более 65 тысяч экономических преступлений, в число которых входят тяжкие и особо тяжкие. Около 18 тысяч преступлений — коррупционной направленности. Исходя из статистики Министерства внутренних дел о состоянии преступности за 2024 [1], от общего числа преступлений, совершенных за 2024 год (1911,3 тыс.), экономические преступления составляют около 3,4 %. Данный показатель значительно больше, чем был в 2023 году (свыше 45 тыс. экономических преступлений за 2023).

Экономические преступления и наказания за них предусмотрены Главами 22–24 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) [2]. Данные преступления принято делить на 1) против собственности; 2) в сфере экономической деятельности и 3) против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Также возможна альтернативная классификация: финансовые махинации в банковской сфере, коррупционные действия, мошенничество в предпринимательской деятельности, кража интеллектуальной собственности и незаконные действия с недвижимостью [3, с. 80–81].

Рассматривая проблемы реализации целей наказания в виде лишения свободы за совершение экономического преступления, стоит отметить, что данный вид наказания предусмотрен ст. 44 УК РФ. Практически за все преступления данной направленности предусмотрено лишение свободы. Оно назначается с целью восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения новых преступлений.

Исходя из судебной практики и статистики за 2023 год [4], наказание в виде лишения свободы было назначено более 75 тыс. лицам. Больше всего лиц (17752) были осуждены за совершение преступления, предусмотренное ч. 2 ст. 158 УК РФ — кража по предварительному сговору; с незаконным проникновением в помещение либо иное

хранилище; с причинением значительного ущерба гражданину; из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем.

Проблема применения наказания в виде лишения свободы становится актуальной с апреля 2002 года, когда Президент впервые озвучил эту тему в своем ежегодном Послании Федеральному Собранию РФ. Он подчеркнул необходимость гуманизации уголовного законодательства и всей системы наказаний, так как применение жестких санкций за незначительные преступления не ведет к искоренению преступности, а, напротив, усиливает агрессию среди людей. В соответствии с целями уголовной политики, наказание должно быть соразмерным характеру и степени общественной опасности совершенного деяния, а также учитывать личность преступника. Оно не должно быть ни слишком строгим, ни слишком мягким, чтобы не создавать у общества ощущение безнаказанности, а также гарантировать соблюдение принципа неотвратимости наказания. В 2023 году Президент РФ отметил, что практика назначения такого наказания является довольно спорной.

В начале 2017 года появилась идея создания частных (негосударственных) тюрем для предпринимателей, которые были привлечены к уголовной ответственности. Некоторое время назад столичные предприниматели выдвинули идею о создании частных тюрем. Они рассматривали «частные тюрьмы» в буквальном смысле этого термина и планировали взимать плату с осужденных за их пребывание в учреждении. По мнению этих предпринимателей, «в частные тюрьмы должны направляться лица, совершившие преступления в сфере экономики» [5, с. 65]. Такая модель ответственности функционировала в ряде стран: в США (до 2016 года), в Великобритании, Франции, Германии и Японии. Но стоит отметить, что в данных странах не существует полностью частных исправительных учреждений, абсолютно независимых от государства. Тюрьмы по-прежнему остаются под контролем государства. Это не столько приватизация системы исполнения наказаний, сколько приватизация внутри самого учреждения.

Одним из самых распространенных и широко применяемых видов наказания является штраф. В контексте преступлений в сфере экономической деятельности штраф

действительно представляет собой одну из наиболее эффективных мер уголовного преследования. Он способствует пополнению государственной казны и не требует значительных затрат на своё исполнение. Однако важной проблемой, связанной с этим видом наказания, остаётся размер штрафов [6, с. 154].

Таким образом, наказание в виде лишения свободы не способствует восстановлению социальной справедливости, вряд ли поможет исправить осужденного, и, что самое важное, не предотвратит совершение новых преступлений. Для реализации данных целей необходимо провести законодательную реформу по вопросу наказания. Лишение свободы следует применять лишь при наличии строго определенных условий, а также с учетом характера

и степени общественной опасности совершенного деяния. В некоторых случаях, таких как санкции ст. 168 (уничтожение или повреждение имущества по неосторожности), ч. 1 ст.ст. 158 (кража — тайное хищение имущества), 159 (мошенничество — хищение чужого имущества или получение прав на него путем обмана или злоупотребления доверием), 160 (присвоение или растрата), 165 (причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения, совершенное в крупном размере) и 167 (умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, если эти деяния повлекли причинение значительного ущерба) УК РФ, может иметь смысл полностью исключить это наказание.

Литература:

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2024 года // [Официальный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/?ysclid=m8t1cbwscrp601201087> (дата обращения: 26.03.2025).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Бостанова П. И., Лепшокова Р. Р. Современные методы противодействия экономическим преступлениям // Естественнo-гуманитарные исследования. 2023. № 6 (50). С. 80–82.
4. Судебная статистика РФ. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК // [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.api-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 26.03.2025).
5. Коренная А. А. К вопросу о совершенствовании исполнения наказания в виде лишения свободы для лиц, совершивших экономические преступления, или «частные тюрьмы» для бизнесменов // Вестник Кузбасского института. 2018. № 4 (37). С. 64–74.
6. Скворцова О. В., Новик М. П., Панасенко А. Р. Проблемы построения санкций за преступления в сфере экономики // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. 2017. Т. 3 (69). № 3. С. 146–157.

Проблематика реализации принципа уважения чести и достоинства личности в современном уголовном процессе в Российской Федерации

Соболева Инна Сергеевна, студент магистратуры

Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Хабаровск)

В статье рассматриваются основная проблематика, выявленная в ходе проведения анализа положений действующего уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, которые демонстрируют реализацию принципа уважения чести и достоинства личности на современной стадии уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: право, уголовно-процессуальное право, принципы уголовного судопроизводства, принцип уважения чести и достоинства личности, личность в уголовном судопроизводстве.

Problems of implementation of the principle of respect for the honor and dignity of the person in the modern criminal proceedings in the Russian Federation

Soboleva Inna Sergeevna, master's student

Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (Khabarovsk)

The article examines the main problems identified in the course of the analysis of the provisions of the current criminal procedure legislation of the Russian Federation, which demonstrate the implementation of the principle of respect for the honor and dignity of the individual at the current stage of criminal proceedings.

Keywords: law, criminal procedure law, principles of criminal proceedings, principle of respect for the honor and dignity of the individual, personality in criminal proceedings.

Соблюдение прав, законных интересов и свободы человека и личности на современном этапе развития правового государства занимает фундаментальное место, выступая основой для построения системы действующего законодательства, в том числе для системы российского правосудия. Более того, уважение чести и достоинства личности является одним из ключевых принципов уголовного судопроизводства, что обусловливается жесткостью правовых последствий для граждан, в отношении которого осуществляется уголовное преследование.

В настоящее время исследователи отмечают необходимость обеспечения в системе российского правосудия основ принципа уважения человеческого достоинства, что в свою очередь вызвано потребностью в проведении адаптационных процедур в национальном законодательстве и равнение на нормы и стандарты международного права.

Стоит отметить, что принцип уважения чести и достоинства в уголовно-процессуальных отношениях носит универсальный характер. Это в свою очередь означает, что все участники уголовного процесса изначально наделены правом на уважение чести и достоинства, при этом данное право действует для всех участников равнозначно и вне зависимости от их процессуального положения или личностных характеристик.

Предусмотренный ст. 9 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) принцип уважения чести и достоинства личности предусматривает спектр запретов, которые реализуют национальную политику на уважение прав и свобод человека и гражданина. Среди данного перечня действующим законодательством закреплены такие ограничения, которые направлены на:

- запрещение на осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства;
- запрещение на обращение с участниками уголовного судопроизводства таким образом, которое может привести к унижению его человеческого достоинства или к созданию опасности для его жизни и здоровья;
- запрещение на применение в отношении участника уголовного судопроизводства любого вида насилия, пыток или иных жестоких или унижающих достоинство человека обращения.

Необходимость совершенствования реализации рассматриваемого принципа именно в уголовно-процессуальном аспекте связано с особенностью норм уголовного судопроизводства, имеющих жесткий императивный характер, предоставляющих правоприменителю возможность реализовывать действия и принимать решения, которые направлены на недопущение нарушения конституционных прав человека и ограничения его свобод в случаях, которые прямо указываются в законе, как основания

для их применения. Однако наличие процессуального статуса или осуществления уголовного преследования в отношении гражданина еще не означает, что указанные меры должны ущемлять человеческое естество.

Отмечается, что реализация принципа уважения чести и достоинства в настоящее время в действующей правовой системе не имеет обозначенного механизма и регламентации, что в следствии приводит к нарушению данного принципа среди правоприменителей. В первую очередь это затрагивает используемые в законодательстве дефиниции, поскольку в УПК РФ не отсутствуют понятия «честь» и «достоинство», а также не раскрывается то, какие действия могут быть расценены, как направленные на унижение человеческой чести и достоинства, или что может восприниматься как «насилие», «пытки» или «другое жестокое или унижающее человеческое достоинство обращение». Введение оценочных и субъективных категорий в основополагающие принципы уголовного судопроизводства, которые призваны защищать конституционные права и свободы человека и гражданина, создает проблемное поле в современных реалиях российского правосудия [1, с. 57].

Представители отечественной процессуальной доктрины, обращаясь к словарям русского языка, предлагают рассматривать понятия «честь» и «достоинства» через призму правовых и нравственных признаков. Применительно к осуществлению действий и принятию решений, которые могут унижать честь человека, исследователи в первую очередь обращают внимание на действия судов, сотрудников прокуратуры и органов предварительного расследования, поскольку последние являются основными правоприменителями и именно в их компетенции лежит возможность применение действий и принятие ограничивающих свободу человека решений. Нарушение установленных принципов наступает вследствие выхода за пределы установленных законом норм, что в последующем способно причинить моральный и нравственный вред таким участниками уголовного процесса как подозреваемый, обвиняемый и подсудимый, а в некоторых случаях и свидетель [2, с. 45].

Представляется, что основная проблематика складывается в наличии в нормах действующего уголовно-процессуального законодательства набора оценочных понятий и отсутствия конкретного указания на спектр запрещенных действий. Однако сложность разрешения данной проблематики кроется в самой первопричине. Закрепление ряда запрещенных действий, с одной стороны, положительно скажется на деятельности правоохранительных и судебных органов, исключая возможность применение конкретных действий и принятий порочащих личность решений. С другой стороны, формирование такого перечня не сложно представить в рамках быстро развива-

ющего социума и стандартов поведения среди граждан. В связи с чем формирование указанного перечня не может быть исчерпывающим, что оставит неразрешенным рассматриваемый аспект и сохранит оценочное отношение к осуществляемым действиям и принимаемым решениям.

В рамках изучения реализации принципа уважения чести и достоинства человека также важно уделить внимание третьему направлению. Понятие «пытки» имеет законодательное закрепление в отечественном законодательстве в Уголовном кодексе Российской Федерации в примечании к ст. 286. Однако, в свою очередь, термин «насилие», несмотря на очевидность совершаемых действий, своего закрепления относительно к уголовно-процессуальному законодательству, не получил.

При этом, при изучении судебного прецедента выявлены факты нарушения ст. 9 УПК РФ именно в аспекте применения насилия и пыток. Были зафиксированы случаи применения следователем насилия и пыток по отношению к свидетелям и другим участникам уголовного судопроизводства. Стоит отметить, что указанные нарушения не только принципа уважения чести и достоинства личности, но и норм уголовного законодательства не являются редким исключением. Тем не менее, сохраняется высокий процент латентности указанных правонарушений со стороны сотрудников правоохранительных органов, в связи с чем, важно отметить, что соблюдение принципа уважения чести и достоинства личности является общеправовым требованием к любой отрасли права [3, с. 10–11].

Важно также уделить внимание положениям постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Рос-

сийской Федерации», которое закрепляет что под унижающим достоинством и честью обращение понимается обращение, вызывающие у человека чувство страха, тревожности либо собственной неполноценности. Однако указанное положение сложно применимо к современным реалиям, поскольку каждый человек в силу индивидуальных особенностей личности по-разному реагирует на различные внешние обстоятельства, и даже грубое обращение, которое не имеет своей целью унижение человеческого достоинства — может быть воспринято иначе у отдельных лиц.

Кроме того, законодателем предпринимались попытки утверждения дефиниций «насилие», «пытки», «другое жестокое или унижающее человеческое достоинство обращение», однако в настоящий момент единого мнения в отечественной уголовно-процессуальной доктрине установлено не было. Однако представляется, что основополагающим нормативный правовым актом может выступать Конвенция ООН от 10 декабря 1984 года против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания.

В настоящее время, понимание механизма реализации принципа уважения чести и достоинства человека в уголовном судопроизводстве достигнуто лишь доктринально, создавая предположение, что в рамках рассматриваемого вопроса необходимо принимать во внимание, что человек и гражданин вне зависимости от его процессуального статуса имеет право на равноправное отношение как субъект правоотношений между последним и государством в лице правоохранительных и судебных органов, а значит, имеет право защищать свои законные интересы любым правомерным способом, а также защищать свою честь и достоинство как личности.

Литература:

1. Казарян Ж. С. Отдельные проблемы реализации принципа уважения чести и достоинства личности в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Вопросы права. 2024. № 4.
2. Богатых Н. П. Принцип уважения чести и достоинства личности в совокупности с другими принципами в уголовном процессе // Юридические науки. 2022. № 2.
3. Буренина О. В. Международные принципы и стандарты защиты чести и достоинства участников уголовного судопроизводства // Юридические науки. 2023. № 4.

Динамика реализации принципа равенства всех перед законом и судом в уголовном судопроизводстве в Российской Федерации

Соболева Инна Сергеевна, студент магистратуры

Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Хабаровск)

В статье рассматриваются современное состояние реализации принципа равенства всех перед законом и судом в российском уголовном судопроизводстве с учетом негативных и положительных факторов, оказывающих влияние на взаимоотношение между участниками уголовного процесса.

Ключевые слова: право, уголовно-процессуальное право, принципы уголовного судопроизводства, равенство перед законом и судом, справедливость.

Dynamics of the realization of the principle of equality before the law and the court in criminal proceedings in the Russian Federation

Soboleva Inna Sergeevna, master's student

Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (Khabarovsk)

The article examines the current state of the implementation of the principle of equality of all before the law and the court in Russian criminal proceedings, taking into account the negative and positive factors that affect the relationship between the participants in the criminal proceedings.

Keywords: law, criminal procedural law, principles of criminal, judicial proceedings, equality before the law and the court, justice.

Равенство всех перед законом и судом является основополагающим принципом не только уголовного судопроизводства, поскольку регламентирует деятельность судебных органов всех отраслей правосудия в Российской Федерации и имеет многогранное отражение в различных законодательных актах, регламентирующих судопроизводство.

Принцип равенства всех перед законом и судом не только определяет ряд требований, выступает одним из аспектов справедливого судебного процесса, поскольку задает положения для равной защиты чести и достоинства всех участников уголовно судопроизводства. Кроме того, данный принцип закладывает нравственные и этические требования к деятельности правоприменительных органов.

Другим важным параметром равенства всех перед законом и судом является предоставление равных возможностей по защите собственных или представляемых интересов вне зависимости от объема наделяемых уголовно-процессуальных прав в соответствии с процессуальным статусом. При этом дифференциация уголовно-правовых последствий должна быть в зависимости от тяжести совершенного преступления, а также личности обвиняемого лица. Кроме того, данный принцип предполагает определяет гарантии реализации участниками уголовного судопроизводства своих прав [1, с. 67].

В настоящее время в рамках реализации принципа равенства перед законом и судом отмечается наличие двух противоположных трендов со стороны законотворчества и правоприменения, которые сталкиваются при его реализации в рамках решения задач уголовного судопроизводства. Кроме того, исследователи отмечают, что в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) принцип равенства всех перед судом и законом четкой регламентации не получил. Более того, данный принцип даже не получил законодательного закрепления в главе 2 УПК РФ, а имеет ли опосредованное раскрытие через отдельные нормы УПК РФ. Таковыми, например, являются ст. 6, 7, 10 и другие статьи УПК РФ. В аспекте реализации указанного принципа критично выглядят положения главы 52 УПК РФ, которая на законодательном уровне устанавливает широкий спектр лиц, в отношении коих предусматриваются особые правила судопроизводства, что обуславливается их должностным положением.

Рассмотренные положения в первую очередь восходят к норме, закрепленной в

ч. 1 ст. 297 УПК РФ, согласно которой равенство всех перед законом и судом выступает условием справедливости и законности как критериев приговора суда.

Аналогичная тенденция к столкновению позиций правоприменителя и законодателя рассматривается и при осуществлении участника уголовного судопроизводства предусмотренных законодательством функций. В первую очередь, данная позиция связана с теми участниками уголовного судопроизводства, которые не имеют самостоятельного защищаемого или представляемого интереса, то есть имеют опосредованное отношение к каждому рассматриваемому делу. К таким, например, можно отнести присяжных заседателей, которые в связи с вышеуказанным фактором не могут реализовывать принцип равенства всех перед законом и судом, поскольку законом не предусматривается даже спектр их обязанностей не в указанном либо ином направлении деятельности. Более того, требования к кандидатам в присяжные заседатели предусматривает наличие их отстраненного отношения к нормам действующего уголовного-процессуального законодательства [2, с. 144].

В связи с вышеизложенным, обеспечение реализации принципа равенства всех перед законом и судом является обязанностью государства в лице правоохранительных и судебных органов. В настоящее время данный аспект не может быть реализован органами предварительного расследования, поскольку при производстве по уголовным делам, положения УПК РФ не требуют от деятельности сотрудников следственных органов и дознания соблюдения рассматриваемого принципа напрямую, поскольку деятельность обозначенных участников уголовного производства нацелена на иные аспекты. Более того, осуществление ведомственного, прокурорского или судебного контроля за судебным процессом также не имеет цели проверки принимаемых решений и осуществления деятельности на предмет соблюдения принципа равенства всех перед законом и судом. В целом, правоприменитель не имеет в своей деятельности не озабочен обеспечением принципа равенства всех перед законом и судом, что обуславливается как направлением деятельности (обеспечение законности принятых решений, соблюдение уголовно-процессуальных сроков, организация производства по уголовным делам и прочие).

Регрессивная динамика развития реализации принципа равенства всех перед законом влияет не только на качество и количество «справедливых» судебных решений, но и на отношение граждан к правосудию, поскольку в данном аспекте равенство выступает как социальная ценность. Ведь правовая сфера имеет непосредственную связь с социальной, оперируя такими критериями как взаимодействие принципа равенства с общей сущностью права, реализацией других принципов уголовного судопроизводства, а также соотношением категорий «равенство» и «справедливость». Более того, ряд исследователей отмечают, что принцип равенства всех перед законом и судом в настоящее время выступает как способ оценки действующего законодательства и состояния закона. Например, определяет «достаточность» объема предоставленных участникам уголовного процесса прав и возложенных на них обязанностей и ограничений [3, с. 106].

Возвращаясь к противоположно направленным направлениям развития рассматриваемого принципа, следует отметить, что несмотря на отсутствие законодательного закрепления, в целом система принципов уголовного процесса способствует также развитию отдельных положительных направлений. Например, принцип гласности и открытости уголовного судопроизводства делает процесс отправления правосудия доступным для наблюдения со стороны социума, что в свою очередь налагает на государственные органы необходимость хотя бы

в формальном соблюдении правовых основ деятельности в виду наличия социального контроля, тем самым делая уголовное судопроизводство близким к положениям принципа равенства.

С другой стороны, тесная взаимосвязь рассматриваемого принципа с социальными сторонами затрудняет его развитие, поскольку при осуществлении уголовного судопроизводства имеет значение уровень правовой культуры граждан, который в настоящее время имеет низкий показатель. Данное положение возвращает нас к тому, что именно на государство в лице правоохранительных и судебных органов возлагается обязанность по реализации равенства как правовой категории. А свою очередь указанные органы не имеют целью обеспечение равенства. Таким образом, возникают рассмотренные противоположные направления развития.

Представляется, что разрешение рассматриваемой ситуации возможно в случае обоюдного расширения компетенции и как со стороны участников уголовного процесса в области знания представляемых интересов и спектра наделяемых прав и обязанностей, так и со стороны государственных органов, которые в своей деятельности должны руководствоваться представленным принципом, стремясь не только к обеспечению прав, свобод и законных интересов, а также показателей деятельности, но и концепции правового государства и справедливого правосудия в Российской Федерации.

Литература:

1. Романенко Н. В. О равенстве перед законом и судом как конституционном принципе правосудия // Общество и право. 2021. № 2 (48).
2. Задорожная В. А. Прогрессивные и регрессивные факторы реализации принципа равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе // Правопорядок, история, теория, практика. 2023. № 1 (36).
3. Буренина О. В. Теоретико-правовые аспекта принципов справедливости и равенства всех перед законом и судом как принципов юридической ответственности // Право. 2019. № 3.

Договор счета эскроу как способ обеспечения исполнения обязательств

Соколова Анна Андреевна, студент магистратуры
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

В данной работе рассматривается договор счета эскроу как актуальный инструмент обеспечения исполнения обязательств в гражданском праве. Определяя его роль в системе обеспечительных мер исследуются правовая сущность, ключевые характеристики и специфика применения этого института. В статье детально рассматривается роль банка, алгоритм депонирования и перечисления средств, а также протекционная функция эскроу для участников сделки. Кроме того, в материале освещаются дискуссионные вопросы законодательного регулирования и практические сложности использования эскроу-счетов в гражданских и предпринимательских правоотношениях.

Цель работы — проанализировать правовую природу договора счета эскроу, выявить его ключевые особенности и систематизировать основные сложности, с которыми сталкиваются участники гражданских правоотношений при использовании данного инструмента.

Ключевые слова: договор счета эскроу, счет-эскроу, обеспечение исполнения обязательств, банк, депонент, бенефициар, денежные средства, защита интересов сторон, гражданский оборот, правовая природа, банковские расчеты.

Escrow account agreement as a means of securing the performance of obligations

This paper examines the escrow account agreement as a relevant tool for ensuring the performance of obligations in civil law. By defining its role in the system of security measures, the legal essence, key characteristics, and specifics of the application of this institution are examined. The article provides a detailed analysis of the bank's role, the procedure for depositing and transferring funds, as well as the protective function of escrow for the parties to the transaction. In addition, the material covers controversial issues of legislative regulation and the practical difficulties of using escrow accounts in civil and business legal relations.

The aim of the work is to analyze the legal nature of the escrow account agreement, identify its key features, and systematize the main difficulties faced by participants in civil legal relations when using this instrument.

Keywords: escrow account agreement, escrow account, security for the fulfillment of obligations, bank, depositor, beneficiary, funds, protection of parties' interests, civil turnover, legal nature, bank settlements.

В гражданском праве ключевую роль играют инструменты, направленные на снижение рисков неисполнения договорных обязательств. Стандартные договорные условия зачастую не гарантируют полной защиты интересов сторон, особенно при наличии временного интервала между предоставлением актива и его оплатой. В подобных обстоятельствах законодатель предлагает использовать специальные обеспечительные механизмы.

Одним из наиболее эффективных и востребованных инструментов является договор счета эскроу, правовой статус которого определен ст. 860.7 ГК РФ. Суть данного механизма заключается в том, что по договору счета эскроу банк (эскроу-агент) открывает специальный счет эскроу для учета и блокирования денежных средств, полученных им от владельца счета (депонента) в целях их передачи другому лицу (бенефициару) при возникновении оснований, предусмотренных договором счета эскроу. Права на денежные средства, находящиеся на счете эскроу, принадлежат депоненту до даты возникновения оснований для передачи денежных средств бенефициару, а после указанной даты — бенефициару. [1]

Благодаря сочетанию расчетной и обеспечительной функций, эскроу-счета стали активно применяться в сделках с недвижимостью и коммерческих операциях, что делает вопрос их правовой природы и места в системе способов обеспечения обязательств крайне актуальным.

В современной науке отсутствует подход относительно правовой природы эскроу-счета как самостоятельного способа обеспечения исполнения обязательств. С одной стороны, он выполняет обеспечительную функцию, минимизируя риски контрагентов, с другой — по своей юридической конструкции является специфическим видом договора банковского счета, который регулируется специальными нормами гражданского законодательства.

Согласно ст. 329 Гражданского Кодекса РФ исполнение обязательств может обеспечиваться неустойкой, залогом, удержанием вещи должника, поручительством, независимой гарантией, задатком, обеспечительным платежом и другими способами, предусмотренными законом или договором.

Недействительность соглашения об обеспечении исполнения обязательства не влечет недействительности соглашения, из которого возникло основное обязательство.

При недействительности соглашения, из которого возникло основное обязательство, обеспеченными считаются связанные с последствиями такой недействительности обязанности по возврату имущества, полученного по основному обязательству.

Прекращение основного обязательства влечет прекращение обеспечивающего его обязательства, если иное не предусмотрено законом или договором. [2]

При рассмотрении субъектного состава договора счета эскроу и правового статуса сторон можно отметить, что договор является трехсторонним, следовательно, предусматривает трехсторонние обязательства с каждой стороны: эскроу-агента, депонента и бенефициара. Всех лиц, участвующих в депонированных правоотношениях, объединяет общая цель — обеспечение гарантии в заключении договора, позволяющее минимизировать возможные риски по сделке, поскольку в случае несоблюдения условий одной из сторон имущество другой не пострадает.

Денежные средства, поступающие на эскроу-счет, обособляются эскроу-агентом, после чего учитываются и блокируются до наступления обстоятельств, указанных в договоре. Таким образом, в конструкцию договора счета эскроу изначально заложено ограничение прав по распоряжению денежными средствами на счете. В то же время стороны имеют законное основание контролировать состояние эскроу-счета, выражающееся в праве бенефициара и депонента в любой момент по запросу получить от банка актуальные данные по счету. [3]

Таким образом, договор счета эскроу является актуальным правовым инструментом, обеспечивающим надежность договорных обязательств. Его суть заключается в депонировании средств в банке с последующим перечислением бенефициару исключительно при выполнении оговоренных сторонами условий.

Сочетая элементы банковского обслуживания, расчетов и гарантийного обеспечения юридическая природа данного института носит комплексный характер. Его практическая ценность в минимизации рисков и повышении безопасности сделок неоспорима, несмотря на теоретические споры о классификации этого договора.

В перспективе данный механизм требует законодательного совершенствования, в частности, в вопросах дета-

лизации процедуры раскрытия счета, верификации документов и ответственности кредитной организации.

Литература:

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть вторая) / Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (с изм. от 16 декабря 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1996 — № 5 — Ст. 410; 2025 — № 26 (часть 1) — Ст. 3508.
2. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть первая) / Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. от 01 августа 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1994 — № 32 — Ст. 3301; 2025 — № 26 (часть 1) — Ст. 3508.
3. Горбунова А. А. Договор счета эскроу. Текст научной статьи по специальности «Право» / А. А. Горбунова. — Москва: Юрайт, 2026. — С.3–4.
4. Михайленко Е. М. Гражданское право. Особенная часть / Е. М. Михайленко. — Москва: Юрайт, 2026. — С. 282–292.
5. Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. (с изм. от 09 апреля 2026 г.) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2005. — № 1 (часть 1). Ст. — 40; 2026. — № 15. — Ст. 1853.

Существенные условия договора участия в долевом строительстве: правовая характеристика и актуальные изменения

Тюменцева Наталья Викторовна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Договор участия в долевом строительстве (далее ДДУ) является типовой схемой общественных отношений, урегулированных правом, которая служит стержнем, фундаментом для построения всей системы прав, обязанностей и ответственности в отношениях между застройщиком и гражданином, желающим приобрести жилье на этапе строительства. Правовое регулирование этих отношений осуществляется Федеральным законом от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости» (далее- Закона № 214-ФЗ).

Существенные условия ДДУ — это условия, при отсутствии которых договор считается незаключенным. В Законе № 214-ФЗ в 4 статье закреплены пять обязательных элементов, которые в обязательном порядке должны быть отражены в любом договоре долевого участия.

Предмет договора является ключевым существенным условием, поскольку именно он определяет, что именно застройщик обязан построить и передать участнику долевого строительства. Предмет договора должен включать в себя следующие характеристики:

- местоположение объекта в строящемся доме (этаж, секция, номер на поэтажном плане);
- общая площадь жилого помещения или площадь нежилого помещения; количество комнат и площадь каждой из них;

- площадь помещений вспомогательного использования (лоджий, балконов, террас, веранд);

- графический план — схема или чертеж, отображающий расположение помещений относительно друг друга.

Отсутствие любого из этих элементов влечет признание ДДУ незаключенным. При этом важно, чтобы объект был описан с такой степенью конкретности, которая исключала бы возможность передачи участнику иного объекта взамен обусловленного договором.

Цена договора — это размер денежных средств (собственных или заемных), подлежащих уплате участником за объект долевого строительства. Она может быть выражена только в рублях и должна содержать не только саму сумму, но и порядок ее оплаты. Закон устанавливает строгую ответственность участника за нарушение сроков внесения платежей. При просрочке применяется неустойка в размере одной трехсотой ставки рефинансирования Центрального банка РФ от суммы просроченного платежа за каждый день просрочки. Кроме того, если участник систематически нарушает сроки (более трех раз в течение двенадцати месяцев) или допускает просрочку более чем на два месяца, застройщик вправе в одностороннем порядке отказаться от исполнения договора. Следует учитывать, что исполнение обязательства застройщика по передаче объекта в согласованный срок не поставлено законом в зависимость от надлежащего испол-

нения участником обязательства по оплате. Нарушение участником сроков внесения оплаты является основанием для начисления неустойки, но не может служить основанием для увеличения сроков передачи объекта.

Срок передачи объекта долевого строительства является существенным условием, поскольку его нарушение влечет ответственность застройщика в виде неустойки. Этот срок может быть указан либо как конкретная календарная дата, либо как период времени, либо как событие, которое неизбежно наступит. Застройщик обязан передать объект участнику в установленный договором срок. Участник вправе требовать уплаты неустойки, предусмотренной частью 2 статьи 6 Закона № 214-ФЗ. Однако на практике взыскание неустойки может быть ограничено действием мораториев, устанавливаемых Правительством РФ. В судебной практике это означает, что за периоды действия моратория неустойка не начисляется и не взыскивается.

К тому же есть очень важный нюанс: застройщик освобождается от уплаты неустойки, если просрочка передачи объекта вызвана уклонением участника от подписания передаточного акта, при условии, что застройщик надлежащим образом исполнил свои обязательства по договору.

Гарантийный срок — это период, в течение которого застройщик несет ответственность за качество переданного объекта. С 1 марта 2025 года введена норма, позволяющая включать в договор условие о соответствии результата отделочных работ стандарту застройщика.

Закон требует, чтобы в договоре было указано, каким образом обеспечивается исполнение обязательств за-

стройщика по передаче объекта участнику. Это условие является существенным, поскольку без него договор не может считаться заключенным.

Действующее законодательство предусматривает несколько способов обеспечения: залог и счет эскроу. В случае расторжения договора, заключенного с использованием счета эскроу, денежные средства возвращаются участнику либо перечисляются на его залоговый счет, если права по договору были переданы в залог банку.

Помимо перечисленных существенных условий, договор должен соответствовать информации, содержащейся в проектной декларации. Стороны могут включить в договор и иные условия, не противоречащие закону — например, порядок изменения проектной документации, условия расторжения договора, дополнительные меры ответственности.

Любое изменение существенных условий договора оформляется дополнительным соглашением, которое также подлежит государственной регистрации. Если оплата по договору осуществлялась с использованием кредитных средств, для изменения существенных условий необходимо получить письменное согласие банка-залогодержателя.

Отсутствие одного или нескольких из существенных условий в договоре влечет признание его незаключенным, что лишает участника правовой защиты, предусмотренной Законом № 214-ФЗ. Поэтому при заключении договора долевого участия необходимо тщательно проверять наличие всех обязательных элементов и не допускать включения условий, ущемляющих права потребителя.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239> (дата обращения: 29.06.2025).
2. Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102090480> (дата обращения: 29.06.2025).
3. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей». — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102014512> (дата обращения: 29.06.2025).
4. Потопальский, С. С. Правовое регулирование участия в долевом строительстве в системе норм гражданского права / С. С. Потопальский // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2023. — № 2. — С. 202–208. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-uchastiya-v-dolevom-stroitelstve-v-sisteme-norm-grazhdanskogo-prava> (дата обращения: 29.06.2025).
5. Постановление от 13.06.2023 по делу № А40-245757/2015. — <https://sudact.ru/arbitral/doc/33kC5VQQRXCZX/?ysclid=m8ubyuyda3578693259> (дата обращения: 29.06.2025).
6. Рагулина, Н. Применение договора счета эскроу в долевом строительстве / Н. Рагулина. — URL: <https://h-cons.ru/wp-content/uploads/2022/03/ekspertnaya-statya-n.ragulina-eskry-scheta.pdf?ysclid=m8uc6cmc3a654976079> (дата обращения: 29.06.2025).

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 35 (638) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 09.09.2026. Дата выхода в свет: 16.09.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.